

Кубанский государственный университет

Научный журнал

ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Scientific Journal

SOUTH-RUSSIAN JOURNAL OF SOCIAL SCIENCES

Том 19 · 2018 · №2

Научный журнал «Южно-Российский журнал социальных наук»

Издаётся с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год.
20 марта 2018 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, территории распространения, переименованием учредителя, уточнением тематики — регистрационный номер ПИ № ФС77-72496 от 20 марта 2018 г.

Распространяется по подписке. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483. ISSN 2619-0567

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436 ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 406-н.
Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149. Кубанский
государственный университет

Главный редактор:

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук, проф. (КубГУ, Россия)

Редакционный совет:

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф., МГИМО(У) МИД РФ, Россия; Дёмин А.Н., д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; Дженкинс Р., д-р социологии, проф., Университет Шеффилда, Великобритания; Дэшауэр К., проф., Свободный университет, Брюссель, Бельгия; Дмитриев А.В., д-р филос. наук, проф., член-корреспондент РАН, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия; Журавлев А.Л., д-р психол. наук, проф., академик РАН, Институт психологии РАН, Россия; Зинченко Ю.П., д-р психол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия; Знаков В.В., д-р психол. наук, проф., Институт психологии РАН, Россия; Никовская Л.И., д-р социол. наук, проф., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия; Оркени А., д-р социол. наук, проф., Университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия; Романова А.П., д-р филос. наук, проф., Астраханский ГУ, Россия; Рот С., PhD, проф., Бизнес-школа Ла Рошель, Франция; Семененко И.С., д-р полит. наук, член-корреспондент РАН, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Россия; Сморгунев Л.В., д-р филос. наук, проф., СПбГУ, Россия; Шабров О.Ф., д-р полит. наук, проф., РАНХиГС, Россия.

Редакционная коллегия:

Жаде З.А., д-р полит. наук, проф., Адыгейский ГУ, Россия; Кольба А.И., д-р полит. наук, доц., КубГУ, Россия (зам. гл. редактора); Мкртчян А.Е., д-р филос. наук, Ереванский государственный университет, Армения; Нарыков Н.В., д-р филос. наук, проф., Краснодарский университет МВД, Россия; Оберемко О.А., канд. социол. наук, доц., НИУ ВШЭ, Россия; Ожигова Л.Н., д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия (зам. гл. редактора); Подшивалкина В.И., д-р социол. наук, проф., Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина; Поцелуев С.П., д-р полит. наук, проф., ЮФУ, Россия; Проказина Н.В., д-р социол. наук, проф., Среднерусский институт управления РАНХиГС, Россия; Рябикина З.И., д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; Рябченко Н.А., канд. полит. наук, КубГУ, Россия (тех. директор); Фадеева Л.А., д-р ист. наук, проф., Пермский ГНИУ, Россия; Хагуров Т.А., д-р социол. наук, КубГУ, Россия.

Журнал включен в утвержденный ВАК Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени по следующим отраслям науки: 19.00.00 — психологические науки; 22.00.00 — социологические науки; 23.00.00 — политология.

Эл. адрес:

chsu1999@yandex.ru

Сайт журнала:

<http://journalsr.kubsu.ru>

Формат 70x100 1/16. Печать цифровая. Гарнитура PT Serif. Макет подготовлен и сверстан в компьютерном центре редакции. Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра Кубанского государственного университета, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Цена свободная. Подписано в печать 7.06.2018.

Уч.-изд. л. 15,11. Усл. печ. л. 13,17. Тираж 1000 экз. Заказ №

Содержание

Социологические интерпретации

Был ли капитализм? Анализ русской языковой среды в XIX и XX веках с помощью больших данных

Рот С., Трофимов Н.А., Мкртчян А.Е. 6

Политические институты и процессы

Особенности сепаратизма в Западной Европе XXI века

Холодковский К.Г. 27

Большой Париж и Большая Москва: планы модернизации и инновация

Воделэн Х. 38

Теория и методология сетевого подхода в исследованиях российских онлайн-сообществ

Степанова Е.А. 50

Публичная политика

Особенности оценки публичной политики в условиях сетевого общества

Блинова Е. А. 67

Результативность деятельности протестных групп: показатели и их апробация

Соколов А. В., Левченко И. А. 79

Психология личности

Психологические особенности людей, практикующих различные виды туризма

Литвин А.В. 100

Социальная психология

Создание образа регионального политика-женщины в PR: востребованные качества и характеристики

Кривцова Е.В., Рябуха Т.С., Шапкина Е.В., Шиллер В.В. 117

Особенности родительской семьи у зависимых от психоактивных веществ

Громова И. А., Олифирович Н. И. 132

Рецензии

Путеводитель по лабиринтам идентичности

Баранов А. В. 143

Наши авторы 149

К сведению авторов 151

Порядок приёма и рецензирования рукописей 158

Scientific Journal “South-Russian Journal of Social Sciences”

Published quarterly since March 1999. Registered under certificate ПИ № ФЦ77-72496 of March 20, 2018 issued by the Federal Service for Supervision of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) of the Ministry of Communications and Mass Media of the Russian Federation.

Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483. ISSN 2619-0567

The position of the editorial board may not coincide with the opinion of the authors.

Founding institution:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room 406N,
Krasnodar 350040, Russian Federation,
tel. +7 861 2199563

Founding institution's address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Editor-in-chief:

Prof. Elena V. Morozova, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Editorial Council:

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Prof. **Andrey N. Diomin**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Anatoly V. Dmitriev**, Dr. Sci. (Philosophy), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Richard Jenkins**, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Sheffield, Great Britain; Prof. **Kris Deschouwer**, Vrije Universiteit Brussel, Brussel, Belgium; Prof. **Anatoly L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Academician Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Yuri P. Zinchenko**, Dr. Sci. (Psychology), Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. **Viktor V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology, Moscow, Russia; Prof. **Larissa I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Antal Orkeny**, DsC, Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. **Anna P. Romanova**, Dr. Sci. (Philosophy), Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; Prof. **Steffen Roth**, PhD, La Rochelle Business School, La Rochelle, France; **Irina S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Sciences), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Leonid V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. **Oleg F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Sciences), Russian Academy of Economy and Public Service, Moscow, Russia.

Editorial Board:

Prof. **Zuriet A. Zhade**, Dr. Sci. (Political Science), Adyghe State University, Maikop, Russia; Assist. Prof. **Aleksey I. Kolba**, Dr. Sci. (Political Science), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Deputy editor-in-chief*); Prof. **Artur E. Mkrtichyan**, Dr. Sci. (Sociology), Yerevan State University, Yerevan, Armenia; Prof. **Nikolaj V. Narykov**, Dr. Sci. (Philosophy), Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia; **Oleg A. Oberemko**, Cand. Sci. (Sociology), Higher School of Economics National Research University, Moscow, Russia; Prof. **Liudmila N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Deputy editor-in-chief*); Prof. **Valentina I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National University, Odessa, Ukraine; Prof. **Sergey P. Potseluyev**, Dr. Sci. (Political Sciences), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. **Natal'ja V. Prokazina**, Dr. Sci. (Sociology), Central Russian Institute of Management, Branch of Russian Academy of Economy and Public Service, Orel, Russia; Prof. **Zinaida I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; **Natalya A. Ryabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Technical Director*); Prof. **Liubov A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; **Temyr A. Khagurov**, Dr. Sci. (Sociology), Kuban State University, Krasnodar, Russia.

The Journal is on the list of leading peer-reviewed scientific journals and periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. The Journal publishes articles on the following fields of science: 19.00.00 — psychology; 22.00.00 — sociology; 23.00.00 — political science.

E-mail:

chsu1999@yandex.ru

Web-site:

<http://journalsr.kubsu.ru>

SOUTH-RUSSIAN JOURNAL OF SOCIAL SCIENCES

Vol. 19 · 2018 · Iss. 2

Contents

Sociological interpretation

Where is capitalism? A big data analysis of the Russian language area in the XIX and XX centuries

by S. Roth, N.A. Trofimov, A. Ye. Mkrtichyan 6

Political institutes and processes

Separatism in Western Europe: A XXI Century Perspective

by K. G. Kholodkovsky 27

Great Paris and great Moscow: modernization plans and innovation

by Ch. Vaudelin 38

The theory and methodology of the network approach in researches of Russian online-communities

by E. A. Stepanova 50

Public policy

Features of the evaluation of public policy in network society

by E. A. Blinova 67

Effectiveness of protest groups' activity: indicators and their testing

by A. V. Sokolov, I. A. Levchenko. 79

Personality psychology

Psychological features of people practicing different types of tourism

by A. V. Litvin 100

Social psychology

Image making of a regional female political in PR: required qualities and characteristics

by E. V. Krivtsova, T. S. Rjabuha, E. V. Shapkina, V. V. Shiller 117

Peculiarities of the drug addicts's parental family

by I. A. Gromova, N. I. Olifirovich 132

Reviews

Guide on identity labyrinths

by A. V. Baranov 142

Our contributors 150

Information for contributors 157

Procedure for receiving and reviewing manuscripts 159

ГДЕ ЖЕ КАПИТАЛИЗМ? АНАЛИЗ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ В XIX И XX ВВ. С ПОМОЩЬЮ БОЛЬШИХ ДАННЫХ

С. Рот, Н. А. Трофимов, А. Е. Мкртчян

Рот Стеффен, Школа бизнеса Ла Рошель, 17000, Франция, Ла Рошель, Рю де Курей, д. 102.
Эл. почта: roths@esc-larochelle.fr. Ереванский государственный университет, 0025,
Республика Армения, г. Ереван, ул. Алека Манукяна, д. 1. Эл. почта: steffen.roth@ysu.am

Трофимов Николай Александрович, Институт проблем развития науки Российской академии наук, 117218, Россия, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.
Эл. почта: n.trofimov@issras.ru

Мкртчян Артур Ервандович, Ереванский государственный университет, 0025,
Республика Армения, г. Ереван, ул. Алека Манукяна, д. 1. Эл. почта: amkrtchyan@ysu.am

Аннотация. Изучение социальных трансформаций будущего и будущего социальных трансформаций зависит от релевантности нашего знания о современности и прошлом. Целью нашего исследования является изучение эволюции ключевых концептов социальной дифференциации, отраженных в русскоязычной книгопечатной коммуникации. Основной задачей является тестирование гипотез о правдоподобности описания русской языковой среды в терминах политизации, секуляризации, медиатизации (информатизации) и доминирования функциональной системы экономики и капитализма как одной из форм описания этого доминирования в период 1800–2000 гг. В ходе нашего исследования мы использовали графический инструмент Google Ngram Viewer, позволяющий в режиме реального времени отображать временные ряды (графики) нормализованной по количеству книг, опубликованных в течение каждого календарного года, относительной частоты встречаемости n-грамм, в том числе слов и словосочетаний, в крупнейшей в мире диахронической языковой базе данных оцифрованных книг (размеченных текстов) Google Books. С помощью Google Ngram Viewer мы составили графики комбинированных нормализованных частот встречаемости ключевых русских слов, относящихся к 10 различным функциональным системам русскоязычной среды. Результаты исследования подтверждают нарастающую функциональную дифференциацию, сильную политизацию, ярко выраженную секуляризацию и сциентификацию русскоязычной коммуникации, отраженной в книгопечатном дискурсе. В то же время отмечается, что экономика была маргинальной функциональной системой до революции. Несмотря на выявленное укрепление позиций экономики после революции и обнаружение относительного апогея влияния этой функциональной системы в 50–80-е гг. XX в., отсутствие достоверных данных о доминировании функциональной системы экономики противоречит распространенным на уровне здравого смысла и запечатленным в литературе политэкономии и социализма утверждениям о макро-социальных проявлениях капитализма в России в период с 1800 по 2000 г.

Ключевые слова: культуромика, секуляризация, Google Ngram Viewer, социальные системы, Луман, перформативность.

Введение. Анализ социальных мега-трендов с помощью больших данных

В статье С. Рота «Был ли это капитализм? Устремленный в будущее анализ англоязычной среды в XIX и XX веках с помощью больших данных» (Roth et al., 2018) ставится под сомнение распространенное предположение о гегемонии капиталистического уклада в современных обществах. В продолжение этой статьи нами предпринята аналогичная попытка с акцентом на исследовании русской языковой среды на основе результатов кросс-культурного эмпирического исследования больших лингвистических данных (Roth et al., 2017).

Вполне естественно, что социальные науки заинтересованы в идентификации и изучении крупномасштабных социальных трендов. Например, широкое признание получили идеи о подверженности современных обществ на протяжении последних нескольких столетий процессам секуляризации (см., например: Fuller, 1997; Hicks, 2000). XX в. не менее красноречиво был заранее окрещен *веком политики* (Bauer, 1891) с предсказанием практически тотального примата «нового идола» (Nietzsche, 1883: 65–67) политической системы и государства. Очень часто звучали мысли об экономизации, т.е. о возрастающем значении экономики, ее институтов и экономических средств управления и манипулирования современными обществами (см., например: Boltanski, Chiapello, 2007; Castells, 1998; Cohen, 2003; Drucker, 1970; Esping-Andersen, 1990; Florida and Kenney, 1993; Fuchs and Dyer-Witheford, 2013; Matthews, 2011; Marglin, Schor, 1990; Moulier-Boutang, 2011; Sternberg, 1993; Tyler, 2015). Распространение информационных технологий способствовало учащению диагнозов все возрастающего контроля со стороны массмедиа (Chomsky, 1997; Castells, 1998; Fuchs, 2015, 2016; Schiller, 1996), «не говоря о множестве других социальных, религиозных, политических или научных великих теорий» (Berthon, Katsikeas, 1998: 153).

Эти и другие описания крупномасштабных социальных трендов сталкиваются с двумя явными методическими трудностями. Во-первых, в свете сосуществования и частичного наложения друг на друга некоторых из озвученных трендов непросто увидеть сравнительную динамику их развития. Простое изучение и обобщение разрозненных свидетельств развития этих трендов само по себе не позволяет достаточно точно установить вариативность такого развития в контексте других, не менее значимых трендов. Во-вторых, любое исследование таких макроскопических трендов имеет тенденцию к охватыванию эффектов перформативности самих этих трендов. В духе принципа неопределенности Гейзенберга сама идентификация учеными мужами и дальнейшее широкое обсуждение этих трендов, очевидным образом, может укрепить их в динамике своего развития. Однако сложность упомянутых эффектов перформативности превосходит неопределенность Гейзенберга, затрагивая концепцию «знания-власти» М. Фуко. Доминирование любой функциональной системы, такой как, например, экономика, укрепляет целый спектр корыстных, материальных интересов различных групп влияния и заинтересованных кругов, обеспечивающих себе привилегию власти с ее помощью. Эти интересы способны продвигать соответствующие дискурсы и те области знания, которые заново утверждают идентифицированные ранее коммуникативные паттерны, способствующие достижению и удержанию господства. С оглядкой на концепцию М. Фуко такие вопросы, как «Есть ли у капитализма будущее» (Wallerstein et al., 2013; Streeck et al., 2016; Heilbrunner, 1982), являются не просто приглашением принять участие в оживленных дискуссиях, но также и эхом практических шагов, направленных на то, чтобы ответ на этот вопрос был и всегда оставался утвердительным.

В данной статье мы говорим, что обе эти методические трудности могут быть преодолены. Осмысленное сопоставление внешне разрозненных социальных трендов возможно с использованием теоретического наследия Никласа Лумана (Luhmann, 1977; 2013) и его теории *функциональной дифференциации*, т.е. декомпозиции современных обществ на отдельные функциональные системы, такие как, например, экономика, право, религия, политика или массмедиа (обзор из-

вестных функциональных систем проведен С. Ротом и А. Шютцем (Roth, Schütz, 2015)). Функциональная дифференциация сегодня широко признана в качестве основной формы социальной дифференциации современных обществ (см., напр.: Beck et al., 2003; Bergthaller, Schinko, 2011; Kjaer, 2010; Leydesdorff, 2002; Luhmann, 1977; Luhmann, 2013; Roth, 2017; Valentinov, 2015; Ward, 2006). Согласно Луману функциональные системы являются предельно несоизмеримыми системами. Ни одна из функциональных систем не может по умолчанию считаться более важной и значимой для общества, чем любая другая. Исторический переход от стратифицированных обществ к обществам, функционально дифференцированным, должен ассоциироваться с нарастающей важностью отдельных функциональных систем. Понятие функциональной дифференциации означает, что можно оценить такой переход, только рассматривая все функциональные системы в совокупности, в то время как недостаточно наблюдения обособленных трендов, таких как, например, возрастание значимости экономики, чтобы доказать, что данное общество является капиталистическим, т.е. обществом с ярко выраженной доминантой экономического принуждения.

Предположение о существовании капитализма в России уходит корнями в описание социальной реальности в традициях марксизма-ленинизма. Несмотря на то что некоторые ученые (Илюшечкин, 1996: 111) отмечали несуразность смещения Марксом (Маркс, 1859) подходов к определению капитализма на базе различения форм собственности, ступеней технологического развития и прибавочно-стоимостного типа экономических отношений, отражающая это смещение концепция общественно-экономических формаций (Engels, 1884), увековеченная советскими теоретиками-практиками (см., например: Ленин, 2015; Сталин, 1997), в интерпретации Маркса изначально отождествляла капитализм прежде всего с экономическим принуждением. Согласно этому представлению развивалась идея о том, что капитализм тяготеет к перерастанию в монополистический капитализм — эпоху финансового капитала, расцвет которой в России, по мнению некоторых видных мыслителей, пришелся на конец XIX — начало XX в. (см., например: Ленин, 1971, 1990; Плеханов, 2017, 1989).

Заикленность на экономике, т.е. попытка расширить сферу ее влияния на все общественные процессы, не ограничивается исключительно риторикой марксизма-ленинизма. Экономический детерминизм равносителен парадоксальному признанию того, что, например, стратегия (экономического, национального, общественного) прорыва, «хотя и посвящена в основном экономике, преодолевает “макроэкономический детерминизм”, встраивая эту важную сферу ответственности государства в (...) контекст: наука, техника, культура...» (добавлен курсив, Глазьев, Фетисов, 2013: 34). Экономический дискурс также способен причудливо менять свои очертания, переходя из экономической плоскости в сферу всей науки о культуре и обществе, когда пресловутый финансовый капитал растворяется в концептах капитала социального, политического, культурного (Радаев, 2003). Даже критически настроенные по отношению к дискурсам об экономическом росте и «неолиберальной апологетике капитализма» авторы, в полной мере осознающие возможность пересечения «твердых ядер» политэкономики, (нео)либерализма и капитализма, нередко спекулируют, говоря о высокой цене, которой «обернулся для человечества экономический подъем капитализма», продолжавшийся в XIX и XX вв. (Дзарасов, 2014: 293).

Для доказательства или опровержения таких описаний современности, как, например, «экономический подъем капитализма», необходимо изучить сравнительную динамику изменения значимости в данном обществе всех известных функциональных систем. Методологически говоря, всеобъемлющий анализ функциональной дифференциации может быть проведен с использованием инструмента Google Ngram Viewer, позволяющего строить графики временных рядов частот встречаемости слов, содержащихся в крупнейшей в мире базе данных оцифрованных книг Google Books. Она содержит более 67 млрд. словоупотреблений на русском языке — достаточный объем социальной памяти для оценки справедливости таких больших нарративов, как секуляризация, политизация, экономизация и медиатизация (информатизация) русскоязычной среды в период 1800–2000 гг.

При этом не следует ожидать какого бы то ни было объективного измерения функциональной дифференциации по крайней мере по двум причинам. Во-первых, это измерение концептуально ограничено самим понятием функциональной дифференциации, которое, таким образом, навязывается в ходе исследования, каким бы точным оно ни было. Во-вторых, предложенный нами анализ способен установить сравнительную влияние функциональных систем только применительно к подсчету частот встречаемости слов, используемых в книгопечатной коммуникации. Но именно эти две причины в конечном счете определяют также и целесообразность проведения нашего исследования. Во-первых, только с оглядкой на понятие функциональной дифференциации возможно в принципе измерить и оценить сравнительную динамику развития обособленных функциональных систем. Во-вторых, концепция М. Фуко позволяет предположить, что отраженный в печатных книгах дискурс сам также является отражением различных конфигураций знания и власти, каждая из которых связана с интересами групп влияния, заинтересованных в расширении сферы своего влияния на умы и поступки людей посредством той или иной функциональной системы коммуникации. Важно также подчеркнуть, что в нашем анализе эволюции отраженного в книгопечатной коммуникации дискурса мы не исследуем объективную реальность социальных коммуникаций в реальном российском социуме, так как с точки зрения теории социальных систем само восприятие такой реальности весьма затруднено, учитывая, что социальные системы изначально непрозрачны для наблюдателя.

«Подобно тому, как физиологическая электроэнцефалограмма измеряет электрические импульсы мозга, а не его мысли или идеи, наше исследование также изучает скорее следы коммуникации, а не саму коммуникацию» (Roth et al., 2017: 315).

Итак, мы исследуем эволюцию дискурсов и связанные с ней эффекты перформативности. Если эффекты перформативности действительно существуют, то именно в анализе дискурса можно удостовериться в реальности таких эффектов. Разумеется, русскоязычная среда объединяет множество исторических контекстов, сложность каждого контекста предостерегает исследователей от каких-либо поспешных обобщений. Мы не пытаемся прийти к такого рода обобщениям. Но это не препятствует проявлению нашего основного интереса, связанного с оценкой влияния функциональной системы экономики в русской языковой среде. Этот интерес подкрепляется тем фактом, что попытки практической реализации концепций политэкономии и социализма в России стали едва ли не важнейшей составляющей исторических процессов на протяжении XIX и XX вв.

В контексте эволюционной теории управления выделяются целевые зависимости, которые «включают перформативные эффекты политических программ и различных планов. Они могут становиться реальностью или формировать реальность в определенном смысле. Если наблюдаются перформативные эффекты, акторы систем управления будут скорее предписывать эти эффекты той институции, которая сработала, а также корректности встроенных в нее предсказаний, предположений, ключевых концептов, нарративов, механизмов управления и менеджерских подходов» (Beunen et al., 2015: 29).

С учетом этого контекста в нашей статье основной акцент ставится на изучении самоусиливающихся и самоутверждающихся диагнозов расцвета капитализма и роста влияния экономики в России. В противном случае, не найдя эмпирических подтверждений такого рода диагнозов, будет трудно удержаться от впечатления, что существуют вполне очевидные материальные интересы, стремящиеся претворить желанные перформативные эффекты в жизнь.

Временные ряды из миллиардов слов: Google Ngram Viewer как средство культуромики

В нашем исследовании мы используем Интернет для наблюдения за Интернетом. Такая процедура оправдана, поскольку Интернет — излюбленное поле для проведения исследований с помощью больших данных. Впрочем, в целесообразности применения Интернета можно усомниться, так как сама Всемирная сеть намного моложе изучаемых нами мегатрендов. Поэтому наше исследование сфокусировано на интерфейсах Интернета и предшествующих ему медиумов коммуникации, а именно письменности и книгопечатания, которые, к счастью, доступны благодаря проекту Google Books, в рамках которого было оцифровано более 25 из 130 млн. когда-либо изданных книг. В 2007 г. команда из Гарварда, проведя контроль качества базы данных, составила репрезентативную выборку из более чем 5 млн. книг. После обновления в 2012 г. она содержит более 8 млн. книг на английском, китайском, испанском, русском, французском, немецком, итальянском языках и иврите¹. Гарвардская команда также разработала интерфейс Google Ngram Viewer — средство, позволяющее сканировать базу данных и строить графики временных рядов частот встречаемости поисковых терминов на любом из упомянутых языков.

Огромный исследовательский потенциал Google Ngram Viewer (Alwin, 2013: 30) был вскоре открыт пионерами культуромики — «прикладного использования высокопроизводительного анализа гигантских коллекций данных с целью изучения человеческой культуры» (Michel et al., 2011: 181), включая лингвистику, антропологию, историю и исследование различных культур (см., напр.: Gibbs, Cohen, 2011; Johnson, 2010; Nicholson, 2012; Ophir, 2010; Sparavigna, Marazzato, 2015). Отмечалась важность культуромики для социальных наук в целом и для экономики в частности (Murrell, 2011). Методы культуромики были использова-

¹ Можно ознакомиться с данными в табличной форме, в которой содержится информация о количестве книг и словоупотреблений, приходящихся на каждый языковой подраздел текстового корпуса (см., например: Lin et al., 2012: 170). Строго говоря, элементами базы данных являются не слова, а n-граммы, т. е. любые единицы или последовательности (до 5 n-грамм) символов и знаков, включая фонемы, слоги, слова, в том числе внешне бессмысленные выражения и опечатки. Отсюда и название интерфейса Google Ngram Viewer. Тем не менее мы используем термин «слово» вместо «n-грамма» с целью удобочитаемости.

Рис. 1. «Карьеры» популярности персонажей художественных произведений Анны Карениной, Муму и Анны Снегиной в русскоязычной среде Google Books (1800–2000 гг.).

ны в таких социальных исследованиях, как ретроактивное прогнозирование наступления «арабской весны» (Leetaru, 2011), анализ производства знания в социальных сетях (Kharzee, Gasson, 2015), изучение влияния экономических теорий и школ (см., например: Westley, 2014; Hamilton, Shin, 2015), а также оценка популярности известных ученых, повесток и методологий (см., напр.: Chen, Yan, 2016; Guggenheim, 2014; Possamai, 2015; Schwarz, 2016).

Во всех перечисленных случаях частота встречаемости слова может считаться «самым простым и самым беспристрастным критерием» его значимости (Kloumann et al., 2012: 1) или соответствующей популярности того или иного концепта, объекта или личности (Bohannon, 2011). В этом смысле Google Ngram Viewer позволяет отслеживать терминологические, концептуальные или личностные «карьеры», отображенные в словах (рис. 1).

Однако в этой статье мы исходим из предположения, что индивидуальные поисковые запросы недостаточны для охвата и оценки значимости таких комплексных концептов, как религия или экономика. Следовательно, важно провести селекцию ключевых слов, строго относящихся, например, к религии или экономике. При этом динамика укрупненных кластеров поисковых терминов сама по себе не отражает относительной значимости религии или экономики, поэтому недостаточно одномерного взгляда исключительно на религию или экономику, если мы намереваемся оценить такие мегатренды, как секуляризация, рост влияния экономики или *экономический* подъем капитализма.

Капитализм, функциональная дифференциация и язык Python

Капитализм можно определить как характеристику экономической системы, которая является всего лишь одной из функциональных систем современных обществ (Izak, Mansell, Fuller, 2015).

Капитализм можно также определить как описание всего современного общества. На самом деле этот термин, вероятно, получил столь широкое распространение вследствие того, что он удачно объединяет, смешивает и, зачастую, путает, подменяя собой оба этих значения, которые строго различны сами по себе (см., напр.: Arnason, 2015; Fuchs, 2010; 2017; Schimank, 2015; Valentinov et al., 2015).

Следовательно, вполне естественно, что экономисты, занимавшиеся теоретизацией капитализма как экономического феномена, могли заявить об открытии общих законов общественной эволюции (Marx, 1867, 1885, 1894). Такие заявления намеренно или случайно отражают амбиции экономики распространить свое влияние на все общественные процессы, поставив экономическую науку во главу всех наук. В то же время в терминологии Н. Лумана (Luhmann, 2013) экономическая наука остается лишь «теорией рефлексии», а сама экономика — лишь одной из функциональных систем современных обществ. Поскольку ни одна функциональная система не способна обработать и кодифицировать бесконечное множество происходящих в окружающем мире случаев, ни одна теория рефлексии не в состоянии отразить в полной мере всю исчерпывающую сложность общества в целом. Так концепция функциональной дифференциации неизбежно обнаруживает пределы «поглощающей способности» экономической науки.

Это не принижает достойных похвалы усилий институциональных экономистов, старательно пытающихся привлечь на свою сторону идею о том, что удовлетворяющая критериям научности концептуализация капитализма должна соотноситься с потенциально изменчивой структурой политических, правовых и других социальных институтов (Hodgson, 2015). Эта точка зрения равнозначна подчеркиванию радикальной взаимозависимости и комплементарности различных функциональных систем экономики, права и политики (Amable, 2016).

Однако концепция функциональной дифференциации дает также ответ на вопрос о том, как именно в действительности различаются экономика и религия или же наука и искусство. Только с ее помощью возможно интуитивное определение нарушения границ между различными функциональными системами, как это происходит с понятием коррупции, которая понимается, например, как неправомерное слияние систем экономики и политики, т.е. как случай покупки политических голосов или продажи политического «капитала».

Аргумент институционалистов о том, что капитализм не может быть понят без учета огромной мозаики различных институций, связанных с функциональными системами политики, права и другими функциональными системами, определяет капитализм как точку отсчета. Эта цикличность указывает на перформативный эффект, утверждающий универсальные амбиции экономической науки. Можно преодолеть такого рода онтическую заикленность, признав, что изучение функциональной дифференциации представляет интерес само по себе, безотносительно к привязке этой концепции к различным понятиям капитализма.

В статье С. Рота и А. Щютца (Roth, Schütz, 2015) содержится обзор десяти известных функциональных систем: *политики, экономики, науки, искусства, религии, права, медицины, образования, спорта и массмедиа*. Методологический вопрос заключается в соотношении каждой из этих *функциональных систем* с репрезентативной комбинацией выверенных и недвусмысленных ключевых слов, чтобы отследить их «карьеру» в русскоязычной среде в период с 1800 по 2000 г.²

² Мы решили сосредоточиться на этом периоде, поскольку он характеризуется наибольшей надежностью данных, содержащихся в базе Google Books, в том числе благодаря проведенному контролю качества, направленному на обеспечение ее робастности. Выбранный период времени также в полной мере соответствует поставленным задачам и цели исследования. Подробная методология нашего исследования и кросс-культурные сопоставления представлены в статье С. Рота «Будущее распределенной памяти. Измерение волн глобального мозга (1800–2000 гг.)» (Roth et al., 2017).

Google Ngram Viewer строит графики относительных частот встречаемости кластеров из нескольких слов (n-грамм), объединенных скобками и знаками «+». Одновременно можно ввести не более 30 слов. Чтобы несмотря на это составить достаточно информативные графики, мы были вынуждены ограничить себя пятью наиболее часто встречающимися ключевыми словами, относящимися к каждой из функциональных систем, которые мы определили с помощью программного алгоритма на языке *Python*, извлекающего списки частот встречаемости слов в заданном языковом корпусе Google Books в указанный период времени, код которого был разработан Я. Беркелем (доступен на сайте gitlab.com/jberkel). Затем мы проанализировали сформированный таким образом список наиболее часто встречающихся слов, отобрав те из них, которые строго относятся только к одной из заданных функциональных систем, учитывая при отборе также смысловой контекст упоминания этих слов. «Бог» и «деньги» — примеры таких однозначных слов. В то же время, например, термин «университет» неоднозначен, так как относится одновременно к образованию и науке. В результате был сформирован следующий список кластеров ключевых слов (табл. 1).

Вводя эти поисковые цепочки слов в Google Ngram Viewer, мы не следуем классическому алгоритму количественных исследований. Рассматривая результаты нашего поискового запроса, мы осознаем, что они объединяют научное обоснование с потребностью в качественных суждениях, что вызывает в памяти реминисценцию визуально схожих электроэнцефалограмм, которые также нуждаются в знаниях, основанных на опыте, и интерпретациях, прежде чем смогут стать практически полезными. Именно поэтому нашей целью не является тестирование альтернативных гипотез, таких как ослабление влияния религии или возрастание важности экономики в строго дедуктивном смысле. Скорее, мы пытаемся проверить наши ожидания, касающиеся того, что частота встречаемости комбинаций ключевых слов, относящихся к 10 функциональным системам, будет неравномерно распределена и подвержена изменениям во времени, и что обычно предполагаемые на уровне здравого смысла тренды секуляризации или перехода к капиталистическому обществу будут как-либо отражены в русскоязычной среде крупнейшего в мире языкового корпуса.

Функциональные энцефалограммы памяти русскоязычной среды

Глядя на полученные энцефалограммы распределенной русскоязычной социальной памяти, можно увидеть свидетельства того, что религия была господствующей функциональной системой до середины XIX в. (рис. 2, б). В дальнейшем процессы секуляризации нарастали, достигнув своего максимума в послереволюционное десятилетие, и продолжились вплоть до

1980-х гг., когда наметилась тенденция к десекуляризации. С середины 1850-х гг. до середины 1910-х гг. триумvirат доминирующих функциональных систем составляли в порядке уменьшения значимости *право*, религия и политика (рис. 2, а).

После революции безраздельно царствующей функциональной системой в русскоязычной среде стала *политика*. Пару ее господству, хотя и со значительным отставанием, составила в 1920-х гг. *наука*.

Экономика была маргинальной функциональной системой вплоть до революции, что можно отчасти объяснить различиями между концептами экономики на Западе, несущими «печать экономического материализма», и понятием хозяйства в Рос-

Таблица 1. Кластеры из 5 самых часто встречающихся слов, относящихся к 10 функциональным системам русскоязычной среды Google Books, и их суммарная частота в русском корпусе (1800–2000 гг.) [Roth et al., 2017].

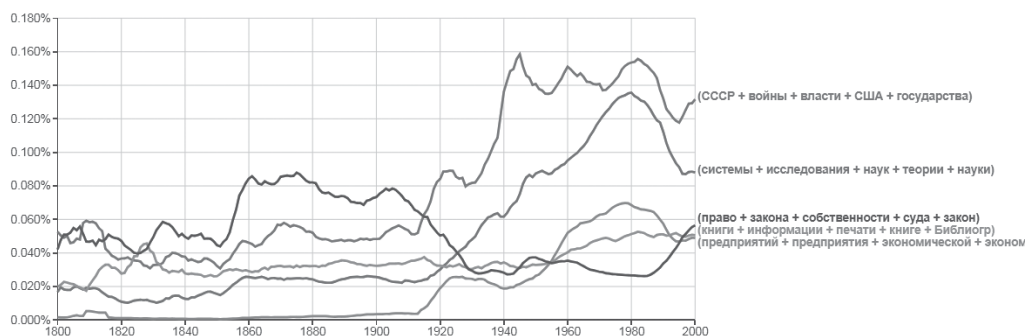
Система	Русский корпус	Суммарная частота (абсолютные значения)
Политика	(СССР + войны* ³ + власти* + США + государства*)	76946803
Наука	(системы* + исследования + наук + теории + науки*)	59039008
Экономика	(предприятий + предприятия* + экономической* + экономических + экономического)	29734309
Медиа	(книги* + информации + печати* + книге* + Библиогр)	26339208
Право	(право* + закона* + собственности* + суда* + закон)	21365792
Искусство	(искусства* + поэта* + искусство* + поэзии + стихи*)	18387362
Образование	(школы* + школе* + обучения* + учащихся* + студентов)	18038985
Религия	(церкви* + церковь* + Бога* + бог + религии)	11682835
Медицина	(больных + болезни* + здоровья* + лечения + заболевания)	9884313
Спорт ⁴	(играет + играют + играл + игра* + игру*)	5245216

сии, включающим «человеческий труд во всех его применениях, от чернорабочего до Канта, от пахаря до звездочета» (Булгаков, 1990: 361). Термин «экономика» начал применяться в России лишь в XIX в., и в этом ракурсе представление о дореволюционной России соответствует идиллической картине из сказки о *беззаботном монашестве*, в котором попросту не было места экономике (Платонов, 1995: 7–8).

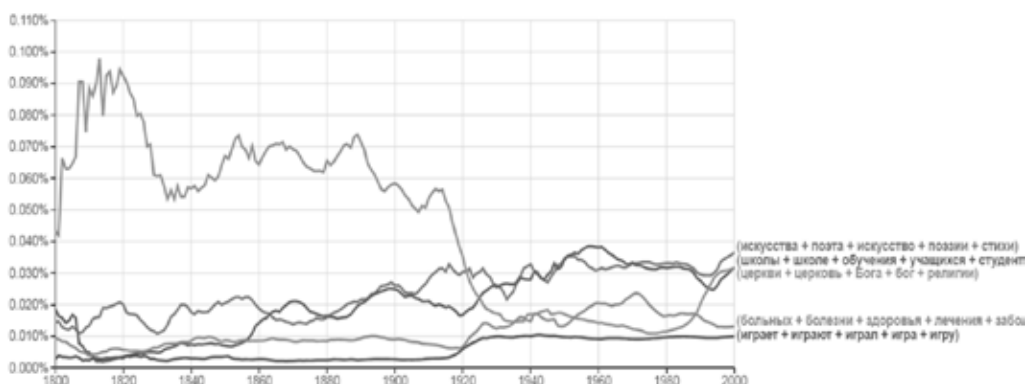
Влиятельность *экономики* начала возрастать в послереволюционные годы, хотя в 1920-е гг. этот рост несколько ослаб на фоне памятного выступления Ленина с речью о нэпе, которая воспринималась многими как уступка «на экономическом фронте» в пользу капитализма (Ленин, 1921). «Стагнация» *экономики* продолжилась в 1930–1940-е гг., в то время как пик роста значимости этой функциональной системы пришелся на период расцвета государственного социализма (1950–1980-е гг.), идейно противопоставлявшего себя меркантилизму Запа-

³ Звездочкой отмечены слова в одинаковой степени репрезентативные с учетом послереволюционной реформы орфографии русского языка и связанных с этим ограничений в поисковом интерфейсе Google Ngram Viewer.

⁴ Слова, которые могут быть однозначно отнесены к *спорту* (например, футбол), не были встречены среди 10 000 самых распространенных слов, что, вероятно, говорит о молодости или прерванной истории этой системы коммуникации.

а) (1) политика, (2) наука, (3) право, (4) медиа, (5) экономика;

б) (6) искусство, (7) образование, (8) религия, (9) медицина, (10) спорт

Рис. 2. Комбинированные относительные нормализованные частоты встречаемости кластеров из пяти самых часто употребляемых слов, относящихся к 10 функциональным системам, в русском языковом корпусе Google Books, полученные с помощью Google Ngram Viewer (1800-2000 гг.) [Roth et al., 2017] (различные функциональные системы отображены в порядке убывания их значимости по состоянию на 2000 год)

да, когда согласно теоретикам марксизма-ленинизма должно было сократиться влияние экономической мотивации на общественную жизнь. На практике исторические периоды распространения социалистических взглядов и обострения критики капитализма и эксплуатации, по всей видимости, совпали по времени с усилением позиций экономики в обществе.

В 1990-х гг. экономику опередили функциональные системы права и *массмедиа*. Несмотря на устойчивый поступательный рост влияния медиа, на протяжении наблюдаемого периода не сохранилось данных о главенствующей роли этой функциональной системы.

Еще одним результатом исследования стало обнаружение возрастающей функциональной *дифференциации* русскоязычной среды (табл. 2).

Несколько менее выраженный тренд наблюдается также в других исследованных языковых средах (Roth et al., 2017), что, вероятнее всего, связано с уже

Таблица 2. Суммарная относительная частота встречаемости кластеров из 5 самых часто встречающихся слов, относящихся к 10 функциональным системам русскоязычной среды Google Books, в заданные годы.

Система	Частота встречаемости, %				
	1800-й год	1850-й год	1900-й год	1950-й год	2000-й год
Политика	0,0527	0,0322	0,0483	0,1408	0,1316
Наука	0,0167	0,0155	0,0257	0,0874	0,0880
Экономика	0,0017	0,0007	0,0035	0,0264	0,0489
Медиа	0,0199	0,0261	0,0324	0,0329	0,0506
Право	0,0421	0,0446	0,0733	0,0374	0,0565
Искусство	0,0143	0,0205	0,0260	0,0348	0,0365
Образование	0,0187	0,0071	0,0249	0,0344	0,0318
Религия	0,0434	0,0671	0,0585	0,0170	0,0312
Медицина	0,0094	0,0087	0,0090	0,0133	0,0131
Спорт	0,0029	0,0036	0,0027	0,0097	0,0100

достигнутым этими обществами на заре XIX в. сравнительно высоким уровнем функциональной дифференциации.

Где же капитализм? Экспертное знание встречается с поразительными результатами

Проведенный нами анализ показал, что, начиная с середины XIX в., наблюдается постепенное снижение значимости религии, говорящее о процессе секуляризации даже с учетом некоторой десекуляризации, наметившейся в 1980-е гг.

В отношении экономики данные красноречиво говорят о том, что за весь период наблюдения не было ни одного случая, когда она являлась бы доминирующей функциональной системой. Несмотря на то что экономика существенно укрепила свое влияние в послереволюционное время, нельзя не заметить, что:

а) в XIX в. экономика была маргинальной функциональной системой, что, вероятно, говорит в пользу предположений об общинности русской системы хозяйствования и домостроительства³;

б) именно политика и наука, а не экономика — властвующие функциональные системы в русскоязычной среде в XX в;

в) сохранилась память о господствующем положении религии⁴ и права, но не экономики.

³ Примечательно, что ссылки на общинную природу русского общества противоречили утверждениям русских марксистов о неизбежном наступлении капитализма в дореволюционной России, провозвестником которого полагалось формирование индивидуального классового самосознания пролетариев. Но уже в советское время критика меркантилизма Запада велась, отталкиваясь от неизбежного распространения социальной солидарности среди индивидуализированных масс трудящихся в странах с рыночной экономикой.

⁴ Для социологов, например, может показаться интересным подтверждение пронизательного взгляда Дюркгейма на закат господства религии в XIX в.

Итак, русскоязычная среда не столько экономизирована, сколько политизирована. Представляется неправдоподобным ее описание в терминах капитализма. Более того, даже идея о политэкономии, кажется, находит подтверждение лишь в послевоенное время, когда наблюдался расцвет социалистического государства и критики капиталистических обществ.

Наши утверждения подкрепляются кросс-культурными сопоставлениями, поскольку в испано-, германо-, англо- и италоязычных средах экономика также не занимала первые места среди различных функциональных систем (Roth et al., 2017). Исключением в некоторой степени является лишь франкоязычная среда, в которой экономика достигла второй позиции вслед за политикой к концу XX в.

Представленные результаты противоречат распространенной идее о том, что мы живем в обществах с экономической доминантой уже на протяжении столетий. Учитывая это, справедливо было бы критически взглянуть на наш исследовательский метод. В то же время, оправдывая такую критику, необходимо будет также ответить на вопрос, почему этот же метод смог столь же четко отследить, например, наблюдавшуюся на протяжении XIX и XX вв. секуляризацию.

Взгляд в будущее социально-экономических теорий с позиции больших данных

Результат представленного анализа заключается в том, что такие термины и клише, как «капитализм» и «экономизация» не представляются правдоподобным описанием наиболее важных трендов XIX и XX вв., отраженных в русской языковой среде. Недавняя переоценка наследия Карла Полањи выявила, что рыночная экономика, по всей видимости, является «политическим проектом» (Bugra, Agartan, 2007). Это обнаружение не только подкрепляется результатами нашего анализа больших лингвистических данных, но и дает им шанс заиграть в новом свете. Действительно, будучи политическим проектом, кажущееся доминирование экономики может быть простым дискурсивным артефактом не только из-за ее пропаганды экономистами мейнстрима и прокапиталистически настроенными стейкхолдерами, как предположил М. Каллон (Callon, 2007), но также вследствие неумышленной рекламы этих концептов теми, кто пытается вести антикапиталистическую борьбу (Neocosmos, 2016). Этот политический проект, вероятно, основан на эффектах перформативности.

Такие эффекты являются особенно важными, учитывая, что взаимозависимость различных функциональных систем никоим образом не означает их упорядоченное и гармоничное со-существование, как это было установлено Н. Луманом. Напротив, функциональные системы, равно как и стоящие за ними институты и дискурсивные практики, основанные на перформативных эффектах, в своем стремлении обеспечить выгодные для заданных групп влияния конфигурации «знания-власти», словно раздирают современные общества на части. Замкнутость функциональных систем приводит также к парадоксальности их развития. Например, как было отмечено в статье С. Рота (Roth, 2015), даже самая хитроумная и благонамеренная фокусировка на проблемах рыночной экономики и капитализма не способна привести ни к чему иному, кроме как к еще большему их обострению.

Наш анализ больших данных не исключает вероятности того, что капитализм как мнимый дискурсивный артефакт, не располагающий в действительности достойным зависти резонансом в глобальных языковых средах, по иронии судьбы

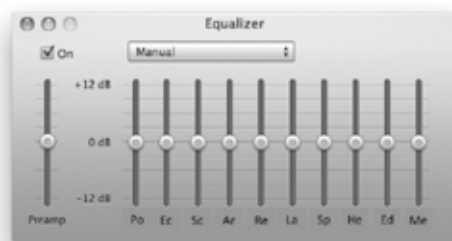

Рис. 3. Эквалайзер (Equalizer) функциональных систем политики (Po), экономики (Ec), науки (Sc), искусства (Ar), религии (Re), права (La), спорта (Sp), медицины (He), образования (Ed) и медиа (Me) в режиме ручного управления (Manual) с возможностью предусиления звука (Preamp) (измененная версия скриншота эквалайзера OS X Mountain Lion компании Apple Inc).

получает поддержку от перформативных эффектов, осуществляемых теми, кто заинтересован в его критике. Не исключено также, что «капиталистическое» будущее может стать реальностью, следуя перформативным эффектам устоявшихся дискурсивных традиций.

Эта статья приглашает всех к большему скептическому дистанцированию и методологической ясности. Если мы представим себе предельно несоизмеримые функциональные системы, регулируемые эквалайзером (рис. 3), то все социально-критические амбиции, сфокусированные в основном на установке значений только для одной функциональной системы, равно как и видения будущего сквозь сдвоенный «политэкономический» калейдоскоп (Roth, Kaivo-oja, 2016), покажутся нам одномерными, упрощенными и случайными отголосками реальности.

Подчеркивая непредопределенность эволюции функциональных систем, результаты нашего исследования не подтверждают мысль о том, что именно предполагаемый политико-экономический базис всегда заслуживает наибольшего внимания. Напротив, мы полагаем, что скорее двойственно-контингентная фокусировка на эндогенных аспектах замкнутых систем политики и экономики, связанная с отсутствием рефлексии над разрастающимся по экспоненте незримым и неизведанным окружением и экологией социальных систем (Luhmann, 1993), может сама по себе стать причиной тех искажений, которые мы пытаемся преодолеть. Парадоксальность таких построений свидетельствует не столько о редундантности социальной теории, сколько о фундаментальных методологических вызовах в эпоху больших данных. При этом одним из важнейших вызовов является потребность в разработке самопрозрачных теорий, способных отразить свою собственную репрезентативную функцию и перформативность. По всей видимости, это относится ко всем теориям, которые могли бы не только соисполнять, но также описывать или даже изменять и предвосхищать описываемые ими социальные тренды.

Библиографический список

1. Булгаков, С. Н. (1990). *Философия хозяйства*. Москва: Наука.
2. Глазьев, С. Ю., Фетисов, Г. Г. (2013). О стратегии устойчивого развития экономики России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 1 (25), 23–35.
3. Дзарасов, Р. С. (2014). Экономика «насаждения отсталости». К действительным причинам реформы РАН. *Вестник российской академии наук*, 84 (4), 291–303.

4. Илюшечкин, В. П. (1996). *Теория стадийного развития общества (история и проблемы)*. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
5. Ленин, В. И. (1921). Новая экономическая политика и задачи политпросветов: Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. / В Ленин В.И. *Полн. собр. соч.* Москва: Издательство политической литературы.
6. Ленин, В. И. (1971). Империализм как высшая стадия развития капитализма. В Ленин В.И. *Полн. собр. соч.* Москва: Политиздат.
7. Ленин, В. И. (1990). *Избранные сочинения: в 10 т. Т. 2. Развитие капитализма в России*. Москва: Политиздат.
8. Ленин, В. И. (2015). *Государство и революция: учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции*. В. И. Ленин. Изд. 3-е. Москва: URSS.
9. Платонов, О. А. (сост.). (1995). *Экономика русской цивилизации*. Москва: Родник.
10. Плеханов, Г. В. (1989). *Русский рабочий в революционном движении: статьи 1885-1903 гг.* Ленинград: Лениздат.
11. Плеханов, Г. В. (2017). *Основные вопросы марксизма. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю*. Москва: ЛЕНАНД.
12. Радаев, В. В. (2003). Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. *Общественные науки и современность*, 2, 5–16.
13. Сталин, И. В. (1997). О диалектическом и историческом материализме. В *Сочинения. Т. 14*. Москва: Издательство «Писатель».
14. Alwin, D. F. (2013). Reflections on Thirty Years of Methodology and the Next Thirty. *Bulletin of Sociological Methodology / Bulletin de Méthodologie Sociologique*, 120 (1), 28–37.
15. Amable, B. (2016). Institutional Complementarities in the Dynamic Comparative Analysis of Capitalism. *Journal of Institutional Economics*, 12 (1), 79–103.
16. Arnason, J. P. (2015). Theorizing capitalism: Classical foundations and contemporary innovations. *European Journal of Social Theory*, 18 (4), 351–367.
17. Bauer, S. (1891). From Our Austrian Correspondent. *The Economic Journal*, 1 (4), 814–820. doi:10.2307/2956105
18. Beck, U., Bonss, W. & Lau, C. (2003). The Theory of Reflexive Modernization. *Theory, Culture & Society*, 20 (2), 1–33. doi:10.1177/0263276403020002001.
19. Bergthaller, H. & Schinko, C. (eds.). (2011). Introduction: From National Cultures to the Semantics of Modern Society. In Bergthaller, H. and Schinko, C., (Eds.) *Addressing Modernity. Social Systems Theory and U.S. Cultures* (pp. 5–34). Amsterdam and New York: Edition Rodopi.
20. Berthon, P., & Katsikeas, C. (1998). Essai: weaving postmodernism. *Internet Research*, 8 (2), 149–155.
21. Beunen, R., van Assche, K., & Duineveld, M. (2015). The search for evolutionary approaches to governance. In R. Beunen, K. van Assche, M. Duineveld (Eds.), *Evolutionary Governance Theory: Theory and Applications*. New York, Springer, pp. 3–17.
22. Bohannon, J. (2011). The Science Hall of Fame. *Science*, 331 (6014), 143.
23. Boltanski, L., & Chiapello, E. (2007). *The New Spirit of Capitalism*. London, Verso.
24. Bugra, A., & Agartan, K. (2007). *Reading Karl Polanyi for the Twenty First Century*. New York, Palgrave Macmillan.
25. Callon, M. (2007). What Does It Mean to Say that Economics Is Performative? In D. MacKenzie, F. Muniesa & L. Siu (Eds.), *Do Economists Make Markets? On the Performativity of Economics*. Princeton: Princeton University Press.
26. Castells, M. (1998). *End of Millennium: The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Oxford, Blackwell Publishers.
27. Chen, Y. & Yan, F. (2016). Centuries of sociology in millions of books. *The Sociological Review*, 64 (4), 872–893. doi:10.1111/1467-954X.12399

28. Chomsky, N. (1997). *Media Control. The Spectacular Achievements of Propaganda*. New York, Seven Stories Press.
29. Cohen, L. (2003). *A Consumer's Republic*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
30. Drucker, P. F. (1970). The new markets and the new capitalism. *The Public Interest*, 21 (Fall), 44–79.
31. Engels, F. (1884). *The Origin of the Family, Private Property, and the State: in the Light of the Researches of Lewis H. Morgan*. London: Penguin.
32. Esping-Andersen, G. (1990). *The three worlds of welfare capitalism*. Cambridge, Polity Press.
33. Florida, R. & Kenney, M. (1993). The new age of capitalism: innovation-mediated production. *Futures*, 25 (6), 637–651.
34. Fuchs, C. (2010). Labor in Informational Capitalism and on the Internet. *The Information Society*, 26 (3), 179–196.
35. Fuchs, C., & Dyer-Witheford, (2013). N. Karl Marx@ internet studies. *New Media & Society*, 15 (5), 782–796.
36. Fuchs, C. (2014). Digital presumption labour on social media in the context of the capitalist regime of time. *Time & Society*, 23 (1), 97–123.
37. Fuchs, C. (2015). *Culture and economy in the age of social media*. New York, Routledge.
38. Fuchs, C. (2016). *Reading Marx in the information age: A media and communication studies perspective on Capital*. New York, Routledge.
39. Fuchs, C. (2017). Marx's Capital in the information age. *Capital & Class*, 41 (1), 51–67.
40. Fuller, S. (1997). The secularization of science and a new deal for science policy. *Futures*, 29 (6), 483–503.
41. Gibbs, F. W., & Cohen, D. J. (2011). A conversation with data: Prospecting Victorian words and ideas. *Victorian Studies*, 54 (1), 69–77.
42. Guggenheim, M. (2014). Introduction: disasters as politics–politics as disasters. *The Sociological Review*, 62 (S1), 1–16.
43. Hamilton, G. G. & Shin, S. I. (2015). Demand-responsive industrialization in East Asia. *European Journal of Social Theory*, 18 (4), 390–412.
44. Heilbroner, R. L. (1982). Does Capitalism Have a Future? *New York Times Magazine*, № 15.
45. Hicks, D. (2000). Questioning the millennium: shared stories of past, present and future. *Futures*, 32 (5), 471–485.
46. Hodgson, G.M. (2015). *Conceptualizing Capitalism: Institutions, Evolution, Future*. Chicago, The University of Chicago Press.
47. Izak, M., Mansell, S. F., & Fuller, T. (2015). Introduction: Between no future and business-as-usual: Exploring futures of capitalism. *Futures*, 68 (April), 1–4.
48. Johnson, C. Y. (2010). In billions of words, digital allies find tale. *The Boston Globe*, 17.12.2010.
49. Khazraee, E., & Gasson, S. (2015). Epistemic Objects and Embeddedness: Knowledge Construction and Narratives in Research Networks of Practice. *The Information Society*, 31 (2), 139–159.
50. Kjaer, P. F. (2010). The Metamorphosis of the Functional Synthesis: A Continental European Perspective on Governance, Law, and the Political in the Transnational Space. *Wisconsin Law Review*, 2, 489–533.
51. Kloumann, I. M., Danforth, C. M., Harris, K. D., Bliss, C. A. & Dodds, P. S. (2012). Positivity of the English language. *PloS one*, 7 (1), e29484.
52. Leetaru, K. (2011). Culturomics 2.0: Forecasting large-scale human behavior using global news media tone in time and space. *First Monday*, 16 (9), 1.
53. Leydesdorff, L. (2002). The communication turn in the theory of social systems. *Systems Research and Behavioral Science*, 19 (2), 129–136. doi:10.1002/sres.453.
54. Lin, Y., Michel, J.-B., Aiden, E. L., Orwant, J., Brockman, W, & Petrov, S. (2012). Syntactic annotations for the google books ngram corpus. In *Proceedings of the 50th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 169–174.

55. Luhmann, N. (1977). Differentiation of Society. *The Canadian Journal of Sociology. Cahiers canadiens de sociologie*, 2 (1), 29–53. doi:10.2307/3340510.
56. Luhmann, N. (1993). Ecological Communication: Coping with the Unknown. *Systems Practice*, 6, 527. doi:10.1007/BF01059510.
57. Luhmann, N. (2013). *Theory of Society, Vol. 2*, Palo Alto: Stanford University Press.
58. Marglin, A., & Schor, J. (Eds.). (1990). *The Golden Age of Capitalism*. New York, Oxford University Press.
59. Marx K. (1859). A Contribution to the Critique of the Political Economy. In *Marx Engels Collected Works (MECW)*, Vol. 29. New York: International Publishers.
60. Marx, K. (1867). *Capital. Vol. 1*, London, Penguin.
61. Marx, K. (1885). *Capital. Vol. 2*, London, Penguin.
62. Marx, K. (1894). *Capital. Vol. 3*, London, Penguin.
63. Mathews J. A. (2011). Naturalizing capitalism: the next Great Transformation. *Futures*, 43 (8), 868–879.
64. Michel, J.-B., et al. (2011). Quantitative Analysis of Culture Using Millions of Digitized Books. *Science*, 331 (6014), 176–182.
65. Moulier-Boutang, Y. (2011). *Cognitive capitalism*. Bristol, Polity Press.
66. Murrell, P. (2011). The Way We Were: reflections on the comparative history of comparative economics. *Comparative Economic Studies*, 53 (4), 489–505.
67. Neocosmos, M. (2016). The sociology of crisis and the crisis of sociology: academic Marxism and the absence of a thought of politics in South Africa. *Development and Change*, 47 (1), 188–202.
68. Nicholson, B. (2012). Counting Culture; or, How to Read Victorian Newspapers from a Distance. *Journal of Victorian Culture*, 17 (2), 238–246.
69. Nietzsche, F. (1883). *Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen*. Chemnitz: Verlag von Ernst Schmeitzner.
70. Ophir, S. A. (2010). New Type of Historical Knowledge. *The Information Society*, 26 (2), 144–150.
71. Possamai, A. M. (2015). Popular and lived religions. *Current Sociology*, 63 (6), 781–799.
72. Roth, S. (2015). Free economy! On 3628800 alternatives of and to capitalism. *Journal of Interdisciplinary Economics*, 27 (2), 107–128.
73. Roth, S., & Kaivo-oja, J. (2016). Is the future a political economy? Functional analysis of three leading foresight and futures studies journals. *Futures*, 81, 15–26.
74. Roth, S. (2017). From added values to augmented realities. Introducing the special issue of management and functional differentiation. *Systems Research and Behavioral Science*, 34 (2), 120–129.
75. Roth, S., & Schütz A. (2015). Ten Systems: Toward a Canon of Function Systems. *Cybernetics and Human Knowing*, 22 (4), 11–31.
76. Roth, S., et al. (2017). Futures of a distributed memory. A global brain wave measurement (1800–2000). *Technol. Forecast. Soc. Change*, 118, 307–323. doi:10.1016/j.techfore.2017.02.031
77. Roth, S., Valentinov, V., Augustinaitis, A., Mkrtichyan, A., & Kaivo-oja, J. (2018). Was that capitalism? A future-oriented big data analysis of the English language area in the 19th and 20th century. *Futures*, 98, 41–48. doi:10.1016/j.futures.2017.12.009
78. Schiller H. (1996). *Information inequality: The deepening social crisis in America*. New York, Routledge.
79. Schimank, U. (2015). Modernity as a functionally differentiated capitalist society: A general theoretical model. *European Journal of Social Theory*, 18 (4), 413–430.
80. Schwarz, O. (2016). The Sociology of Fancy-Schmancy: The Notion of ‘Farterism’ and Cultural Evaluation Under the Regime of Radical Suspicion. *Cultural Sociology*, 10 (2), 141–159.
81. Sparavigna, A., & Marazzato, R. (2015). Using Google Ngram Viewer for Scientific Referencing and History of Science. *arXiv preprint*, arXiv:1512.01364.

82. Sternberg, E. (1993). Transformations: the eight new ages of capitalism. *Futures*, 25 (10), 1019–1040.
83. Streeck, W., Calhoun, C., Toynbee, P., & Etzioni, A. (2016). Does capitalism have a future? *Socio-Economic Review*, 2016, 14 (1), 163–183.
84. Tyler, I. (2015). Classificatory struggles: Class, culture and inequality in neoliberal times. *The Sociological Review*, 63 (2), 493–511.
85. Valentinov, V., Hielscher, S., Pies I. (2015). Nonprofit organizations, institutional economics, and systems thinking. *Economic Systems*, 39 (3), 491–501.
86. Valentinov V. (2015). From equilibrium to autopoiesis: A Luhmannian reading of Veblenian evolutionary economics. *Economic Systems*, 39 (1), 143–155.
87. Wallerstein, I., Collins, R., Mann, M., Derluigan, G., & Calhoun, C. (2013). *Does capitalism have a future?* Oxford University Press.
88. Ward, S. (2006). Functional Differentiation and the Crisis in Early Modern upper-class Conversation: The Second Madame, Interaction, and Isolation. *Seventeenth-Century French Studies*, 28 (1), 235–247.
89. Westley, C. (2014). Ngrams and the Austrian School. *Quarterly Journal of Austrian Economics*, 17 (3), 365–379.

Статья поступила в редакцию 20.01.2018

Статья принята к публикации 25.02.2018

Для цитирования: Рот С., Трофимов Н.А., Мкртчян А.Е. Был ли капитализм? Анализ русской языковой среды в XIX и XX веках с помощью больших данных. – *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 2. С. 6–26.

WHERE IS CAPITALISM? A BIG DATA ANALYSIS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AREA IN THE XIX AND XX CENTURIES

S. Roth, N.A. Trofimov, A. Ye. Mkrtychyan

Steffen Roth, La Rochelle Business School, France, 17000 La Rochelle, 102 Rue de Coureilles, E-mail: roths@esc-larochelle.fr; Yerevan State University, Republic of Armenia, Yerevan, 0025, 1 Alex Manoogian Str. E-mail: steffen.roth@ysu.am.

Nikolay A. Trofimov, Institute for the Study of Science of the Russian Academy of Sciences, 117218, Russia, Moscow, 32 Nakhimovsky Prospekt. E-mail: n.trofimov@issras.ru.

Artur Ye. Mkrtychyan, Yerevan State University, Republic of Armenia, Yerevan, 0025, 1 Alex Manoogian Str. E-mail: amkrtychyan@ysu.am.

Abstract. Foresights and futures studies critically depend on the adequacy of our knowledge of the present and the past. This article tests whether the Russian speaking world may be adequately described as secularised and capitalist language area between 1800 and 2000. We are using the Google Ngram Viewer to chart and interpret time series plots of combined frequencies of pertinent keywords in the largest Internet book corpus, the Google Books corpus. The results confirm a growing functional differentiation and suggest that the Russian language area is a secularised, politicised, and scientificised language area which has never been dominated by the economy. Since the First World War, politics became an absolutely dominating, hypertrophied function system. Science became increasingly important in the XX century, particularly in times of the Cold War, being the second most important system in the Russian language area, followed by mass media, law and economy by the end of the XX century. Economy was traditionally a marginal function system during the whole period before the Russian revolution, supporting the idea about a traditionally communitarian character of the Russian system of house-keeping (хозяйство) and house-building (домостроительство). The importance of economy increased only during socialism (particularly during 1950-s — 1980-s), ideologically antagonizing mercantilism of the West. Thus, the historical periods of divulgation of socialist views and criticism of capitalism and exploitation overlapped with

periods of strengthening positions of this function system within the Russian language area, which alludes to a certain similarity of programmes, standing behind socialist and capitalist societies. We conclude that the sample period may not be characterised as a period with the predominance of political economy or capitalism if we associate capitalism or political economy with any form of over-average importance or even dominance of the economy. This finding contradicts popular commonsense statements, as well as statements memorized within the literature of the political economy and socialism regarding macro-social evidence of capitalism in Russia between 1800 and 2000.

Key words: culturomics, secularization, Google Ngram Viewer, social systems, Luhmann, performativity.

References

1. Bulgakov, S. N. (1990). *Filosofiya hozyaystva* [Philosophy of Economy]. Moscow: Nauka.
2. Glaz'ev, S. Yu., Fetisov G. G. (2013). O strategii ustoychivogo razvitiya ehkonomiki Rossii [On a Strategy for Steady Development of the Russian Economy]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 1 (25), 23–35.
3. Dzarasov, R. S. (2014). Ekonomika “nasazhdeniya otstalosti”. K deystvitel'nym prichinam reformy RAN [The Economy of Imposed Underdevelopment. On the Real Causes of the RAS Reform]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 84 (4), 291–303.
4. Ilyushechkin, V. P. (1996). *Teoriya stadiynogo razvitiya obshchestva (istoriya i problemy)* [The Theory of Phasic Development of Society (History and Problems)]. Moscow: Izdatel'skaya Firma “Vostochnaya Literatura” RAS.
5. Lenin, V. I. (2015). *Gosudarstvo i revolyuciya: uchenie marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revolyucii* [The State and Revolution: the Marxist Theory of the State and the Tasks of the Proletariat in the Revolution]. Moskva: URSS.
6. Lenin, V. I. (1990) *Izbrannye sochineniya: v 10 t. T.2. Razvitie kapitalizma v Rossii* [The Development of Capitalism in Russia. Selected Works: in 10 Vol]. Moskva: Politizdat.
7. Lenin, V. I. (1971). *Imperializm kak vysshaya stadiya razvitiya kapitalizma* [Imperialism, the Highest Stage of Capitalism]. Moskva: Politizdat.
8. Lenin, V. I. (1921). *Novaya ehkonomicheskaya politika i zadachi politprosvetov: Doklad na II Vserossiyskom s"ezde politprosvetov 17 oktyabrya 1921 g* [New Economic Policy and the Politprosvet's Goals. The Report on the II All-Russian Congress of Politprosvets on 17 October 1921]. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
9. Platonov, O. A. (1995). *Ekonomika russkoy civilizatsiy* [The Economy of the Russian Civilization]. Moskva: Rodnik.
10. Plekhanov, G. V. (2017). *Osnovnye voprosy marksizma. K voprosu o razvitii monisticheskogo vzglyada na istoriyu* [Fundamental Problems of Marxism. The Development of the Monist View on History]. Moskva: LENAND.
11. Plekhanov, G. V. (1989) *Russkiy rabochiy v revolyucionnom dvizheniy: stat'i 1885-1903 gg.* [Russian Worker in Revolutionary Movement: Selected Articles 1885-1903]. Leningrad: Lenizdat.
12. Radaev, V. V. (2003). Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ih konvertatsiya [The Concept of Capital, Forms of Capital and Their Conversion]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2, 5–16.
13. Stalin, J. V. (1997). *O dialekticheskom i istoricheskom materializme* [Dialectical and Historical Materialism]. Moscow: Izdatel'stvo “Pisatel”.
14. Alwin, D. F. (2013). Reflections on Thirty Years of Methodology and the Next Thirty. *Bulletin of Sociological Methodology / Bulletin de Méthodologie Sociologique*, 120 (1), 28–37.
15. Amable, B. (2016). Institutional Complementarities in the Dynamic Comparative Analysis of Capitalism. *Journal of Institutional Economics*, 12 (1), 79–103.
16. Arnason, J. P. (2015). Theorizing capitalism: Classical foundations and contemporary innovations. *European Journal of Social Theory*, 18 (4), 351–367.

17. Bauer, S. (1891). From Our Austrian Correspondent. *The Economic Journal*, 1 (4), 814–820. doi:10.2307/2956105
18. Beck, U., Bonss, W., & Lau, C. (2003). The Theory of Reflexive Modernization. *Theory, Culture & Society*, 20 (2), 1–33. doi:10.1177/0263276403020002001.
19. Bergthaller, H., & Schinko, C. (eds.). (2011). Introduction: From National Cultures to the Semantics of Modern Society. In H. Bergthaller & C. Schinko (Eds.) *Addressing Modernity. Social Systems Theory and U.S. Cultures* (pp. 5–34). Amsterdam and New York: Edition Rodopi.
20. Berthon, P. & Katsikeas, C. (1998). Essai: weaving postmodernism. *Internet Research*, 8 (2), 149–155.
21. Beunen, R., van Assche, K. & Duineveld, M. (2015). The search for evolutionary approaches to governance. In R. Beunen, K. van Assche, M. Duineveld (Eds.), *Evolutionary Governance Theory: Theory and Applications*. New York, Springer, pp. 3–17.
22. Bohannon, J. (2011). The Science Hall of Fame. *Science*, 331 (6014), 143.
23. Boltanski, L. & Chiapello, E. (2007). *The New Spirit of Capitalism*. London, Verso.
24. Bugra, A. & Agartan, K. (2007). *Reading Karl Polanyi for the Twenty First Century*. New York, Palgrave Macmillan.
25. Callon, M. (2007). What Does It Mean to Say that Economics Is Performative? In D. MacKenzie, F. Muniesa & L. Siu (Eds.) *Do Economists Make Markets? On the Performativity of Economics*. Princeton: Princeton University Press.
26. Castells, M. (1998). *End of Millennium: The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Oxford, Blackwell Publishers.
27. Chen, Y. & Yan, F. (2016). Centuries of sociology in millions of books. *The Sociological Review*, 64 (4), 872–893. doi:10.1111/1467-954X.12399
28. Chomsky, N. (1997). *Media Control. The Spectacular Achievements of Propaganda*. New York, Seven Stories Press.
29. Cohen, L. (2003). *A Consumer's Republic*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
30. Drucker, P.F. (1970). The new markets and the new capitalism. *The Public Interest*, 21 (Fall), 44–79.
31. Engels, F. (1884). *The Origin of the Family, Private Property, and the State: in the Light of the Researches of Lewis H. Morgan*. London: Penguin.
32. Esping-Andersen, G. (1990). *The three worlds of welfare capitalism*. Cambridge, Polity Press.
33. Florida, R., & Kenney, M. (1993). The new age of capitalism: innovation-mediated production. *Futures*, 25 (6), 637–651.
34. Fuchs, C. (2010). Labor in Informational Capitalism and on the Internet. *The Information Society*, 26 (3), 179–196.
35. Fuchs, C., & Dyer-Witheford, (2013). N. Karl Marx@ internet studies. *New Media & Society*, 15 (5), 782–796.
36. Fuchs, C. (2014). Digital prosumption labour on social media in the context of the capitalist regime of time. *Time & Society*, 23 (1), 97–123.
37. Fuchs, C. (2015). *Culture and economy in the age of social media*. New York, Routledge.
38. Fuchs, C. (2016). *Reading Marx in the information age: A media and communication studies perspective on Capital*. New York, Routledge.
39. Fuchs, C. (2017). Marx's Capital in the information age. *Capital & Class*, 41 (1), 51–67.
40. Fuller, S. (1997). The secularization of science and a new deal for science policy. *Futures*. 29 (6), 483–503.
41. Gibbs, F. W. & Cohen, D. J. (2011). A conversation with data: Prospecting Victorian words and ideas. *Victorian Studies*, 54 (1), 69–77.
42. Guggenheim, M. (2014). Introduction: disasters as politics–politics as disasters. *The Sociological Review*, 62 (S1), 1–16.

43. Hamilton, G. G. & Shin, S. I. (2015). Demand-responsive industrialization in East Asia. *European Journal of Social Theory*, 18 (4), 390–412.
44. Heilbroner, R. L. (1982). Does Capitalism Have a Future? *New York Times Magazine*, № 15.
45. Hicks, D. (2000). Questioning the millennium: shared stories of past, present and future. *Futures*, 32 (5), 471–485.
46. Hodgson, G.M. (2015). *Conceptualizing Capitalism: Institutions, Evolution, Future*. Chicago, The University of Chicago Press.
47. Izak, M., Mansell, S. F., & Fuller, T. (2015). Introduction: Between no future and business-as-usual: Exploring futures of capitalism. *Futures*, 68 (April), 1–4.
48. Johnson, C. Y. (2010). In billions of words, digital allies find tale. *The Boston Globe*, 17.12.2010.
49. Khazraee, E. & Gasson, S. (2015). Epistemic Objects and Embeddedness: Knowledge Construction and Narratives in Research Networks of Practice. *The Information Society*, 31 (2), 139–159.
50. Kjaer, P. F. (2010). The Metamorphosis of the Functional Synthesis: A Continental European Perspective on Governance, Law, and the Political in the Transnational Space. *Wisconsin Law Review*, 2, 489–533.
51. Kloumann, I. M., Danforth, C. M., Harris, K. D., Bliss, C. A. & Dodds, P. S. (2012). Positivity of the English language. *PloS one*, 7 (1), e29484.
52. Leetaru, K. (2011). Culturomics 2.0: Forecasting large-scale human behavior using global news media tone in time and space. *First Monday*, 16 (9), 1.
53. Leydesdorff, L. (2002). The communication turn in the theory of social systems. *Systems Research and Behavioral Science*, 19 (2), 129–136. doi:10.1002/sres.453.
54. Lin, Y., Michel, J.-B., Aiden, E. L., Orwant, J., Brockman, W. & Petrov, S. (2012). Syntactic annotations for the google books ngram corpus. In *Proceedings of the 50th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 169–174.
55. Luhmann, N. (1977). Differentiation of Society. *The Canadian Journal of Sociology. Cahiers canadiens de sociologie*, 2 (1), 29–53. doi:10.2307/3340510.
56. Luhmann, N. (1993). Ecological Communication: Coping with the Unknown. *Systems Practice*, 6, 527. doi:10.1007/BF01059510.
57. Luhmann, N. (2013). *Theory of Society, Vol. 2*, Palo Alto: Stanford University Press.
58. Marglin, A. & Schor, J. (Eds.). (1990). *The Golden Age of Capitalism*. New York, Oxford University Press.
59. Marx, K. (1859). A Contribution to the Critique of the Political Economy. In *Marx Engels Collected Works (MECW)*, Vol. 29. New York: International Publishers.
60. Marx, K. (1867). *Capital. Vol. 1*, London, Penguin.
61. Marx, K. (1885). *Capital. Vol. 2*, London, Penguin.
62. Marx, K. (1894). *Capital. Vol. 3*, London, Penguin.
63. Mathews, J. A. (2011). Naturalizing capitalism: the next Great Transformation. *Futures*, 43 (8), 868–879.
64. Michel, J.-B., et al. (2011). Quantitative Analysis of Culture Using Millions of Digitized Books. *Science*, 331 (6014), 176–182.
65. Moulier-Boutang, Y. (2011). *Cognitive capitalism*. Bristol, Polity Press.
66. Murrell, P. (2011). The Way We Were: reflections on the comparative history of comparative economics. *Comparative Economic Studies*, 53 (4), 489–505.
67. Neocosmos, M. (2016). The sociology of crisis and the crisis of sociology: academic Marxism and the absence of a thought of politics in South Africa. *Development and Change*, 47 (1), 188–202.
68. Nicholson, B. (2012). Counting Culture; or, How to Read Victorian Newspapers from a Distance. *Journal of Victorian Culture*, 17 (2), 238–246.
69. Nietzsche, F. (1883). *Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen*. Chemnitz: Verlag von Ernst Schmeitzner.

70. Ophir, S. A. (2010). New Type of Historical Knowledge. *The Information Society*, 26 (2), 144–150.
71. Possamai, A. M. (2015). Popular and lived religions. *Current Sociology*, 63 (6), 781–799.
72. Roth, S. (2015). Free economy! On 3628800 alternatives of and to capitalism. *Journal of Interdisciplinary Economics*, 27 (2), 107–128.
73. Roth, S. & Kaivo-oja, J. (2016). Is the future a political economy? Functional analysis of three leading foresight and futures studies journals. *Futures*, 81, 15–26.
74. Roth, S. (2017). From added values to augmented realities. Introducing the special issue of management and functional differentiation. *Systems Research and Behavioral Science*, 34 (2), 120–129.
75. Roth, S. & Schütz A. (2015). Ten Systems: Toward a Canon of Function Systems. *Cybernetics and Human Knowing*, 22 (4), 11–31.
76. Roth, S., et al. (2017). Futures of a distributed memory. A global brain wave measurement (1800–2000). *Technol. Forecast. Soc. Change*, 118, 307–323. doi:10.1016/j.techfore.2017.02.031
77. Roth, S., Valentinov, V., Augustinaitis, A., Mkrtichyan, A. & Kaivo-oja, J. (2018). Was that capitalism? A future-oriented big data analysis of the English language area in the 19th and 20th century. *Futures*, 98, 41–48. doi:10.1016/j.futures.2017.12.009
78. Schiller, H. (1996). *Information inequality: The deepening social crisis in America*. New York, Routledge.
79. Schimank, U. (2015). Modernity as a functionally differentiated capitalist society: A general theoretical model. *European Journal of Social Theory*, 18 (4), 413–430.
80. Schwarz, O. (2016). The Sociology of Fancy-Schmancy: The Notion of ‘Farterism’ and Cultural Evaluation Under the Regime of Radical Suspicion. *Cultural Sociology*, 10 (2), 141–159.
81. Sparavigna, A. & Marazzato, R. (2015). Using Google Ngram Viewer for Scientific Referencing and History of Science. *arXiv preprint*, arXiv:1512.01364.
82. Sternberg, E. (1993). Transformations: the eight new ages of capitalism. *Futures*, 25 (10), 1019–1040.
83. Streeck, W., Calhoun, C., Toynbee, P. & Etzioni, A. (2016). Does capitalism have a future? *Socio-Economic Review*, 14 (1), 163–183.
84. Tyler, I. (2015). Classificatory struggles: Class, culture and inequality in neoliberal times. *The Sociological Review*, 63 (2), 493–511.
85. Valentinov, V., Hielscher, S. & Pies I. (2015). Nonprofit organizations, institutional economics, and systems thinking. *Economic Systems*, 39 (3), 491–501.
86. Valentinov, V. (2015). From equilibrium to autopoiesis: A Luhmannian reading of Veblenian evolutionary economics. *Economic Systems*, 39 (1), 143–155.
87. Wallerstein, I., Collins, R., Mann, M., Derluigan, G. & Calhoun, C. (2013). *Does capitalism have a future?* Oxford University Press.
88. Ward, S. (2006). Functional Differentiation and the Crisis in Early Modern upper-class Conversation: The Second Madame, Interaction, and Isolation. *Seventeenth-Century French Studies*, 28 (1), 235–247.
89. Westley, C. (2014). Ngrams and the Austrian School. *Quarterly Journal of Austrian Economics*, 17 (3), 365–379.

For citation: Roth S., Trofimov N.A., Mkrtichyan A.Ye. Where is capitalism? A big data analysis of the Russian language area in the XIX and XX centuries. – *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 2. P. 6-26.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ОСОБЕННОСТИ СЕПАРАТИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ XXI В.

К. Г. Холодковский

Холодковский Кирилл Георгиевич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23. Эл. почта: holgrig@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отличия современного сепаратистского движения в некоторых странах Западной Европы от сепаратистских движений XX в. и от сепаратизма, наблюдающегося сейчас в Восточной Европе и некоторых других регионах мира. Автор показывает, что если в значительной части мира, а в прошлом и в самой Западной Европе, проявления сепаратизма носили радикальный, зачастую вооруженный характер, то в настоящее время сепаратистское движение в западноевропейских странах приобрело гораздо более массовый и при этом демократический, с использованием парламентских форм борьбы, характер. В статье показано, что современный сепаратизм в Западной Европе имеет в своей основе не столько этнические корни, сколько региональные интересы. Ряд регионов (Каталония в Испании, Фландрия в Бельгии, северные области Италии), обгоняющие по своему развитию другие части соответствующих государств, стремятся избавиться от бремени, которое налагает на них необходимость помощи другим регионам. Легальный, демократический характер движения и участие в нем гораздо более широких масс, чем в прошлом, не означает, однако, что все его участники реально заинтересованы в выходе из состава существующего государства и образовании нового. Скорее всего в будущем большинство сможет удовлетвориться существенным расширением автономии, если центральное правительство само не спровоцирует радикализацию настроений своей негибкой политикой. Следует различать поэтому сецессионизм как стремление последовательно добиваться независимости региона от сепаратизма как движения под лозунгами независимости, но готового удовлетвориться широкой автономией в составе существующего государства.

Ключевые слова: сепаратизм, сецессия, самоопределение, этнические проблемы, Каталония, Шотландия, Фландрия, уровень развития, региональные проблемы, автономия.

События в Каталонии сделали злободневной тему сепаратизма в странах Западной Европы. Это заставляет внимательнее присмотреться к нынешним сепаратистским движениям в этом макрорегионе, к особенностям, которые заметно отличают их как от движений такого рода в прошлые времена, так и от сегодняшних движений в других макрорегионах.

Этнический и региональный сепаратизм

Апологеты сепаратизма склонны опираться на известное демократическое право на самоопределение, которое в радикальной трактовке (использовавшей, в частности, в политике российских большевиков) истолковывалось как право на отделение и образование независимого государства. В этой трактовке оно, несомненно, входит в противоречие с другим признанным современным цивилизованным сообществом правом — правом государств на суверенитет и нерушимость границ. Поэтому современные международные правовые акты трактуют право на самоопределение как право территориальных сообществ (а не этнических групп) создавать систему управления согласно демократически выраженной воле и не в ущерб остальному населению (Тишков, 2003). Сецессия, указывают ученые, не только не разрешает этнических проблем, но может, напротив, усугубить

губить их, поскольку, превращая в новом государстве бывшее этническое меньшинство в большинство, тем самым создает новые меньшинства (Горовиц, 2013).

Между тем в XX в. в Западной Европе налицо был феномен этнического сепаратизма (Северная Ирландия, Корсика, Страна Басков), проявлявшийся в радикальных формах (нелегальные организации крайне левого или крайне правого характера, заговоры, вспышки террористической деятельности и т. п.). Подобные формы сепаратистских явлений и сейчас наблюдаются в других частях света. Однако в политической жизни Западной Европы в настоящее время сепаратизм такого рода отошел на задний план. Терроризм угрожает этим странам теперь со стороны радикального исламизма. Сепаратизм же проявляется здесь в иных, более умеренных, но зато гораздо более широких и массовых формах, и преимущественно в других регионах (Шотландия, Фландрия, Каталония, Северная Италия). Его главными субъектами являются не радикально настроенные организации меньшинства, а преимущественно демократические объединения, главным образом левоцентристского или правоцентристского направления, которые обычно используют парламентские формы борьбы и претендуют на выражение интересов широких слоев населения. Такого рода сепаратизм, несомненно, намного более эффективен и сильнее угрожает единству государства.

Естественно задаться вопросом, что же привело к такому резкому изменению. В поисках ответа стоит обратиться к кейсу Каталонии. Наличие каталанского языка, значительно отличающегося от испанского, казалось бы, говорит об этнической основе сепаратизма. Однако всякий, кто постоянно проживает на территории Каталонии и употребляет каталанский язык, считается каталонцем, даже переселенцы из других мест. По выражению А. Баранова, каталонская идентичность не наследуется, а во многом конструируется (Баранов, 2015). В то же время жители Валенсии и Балеарских островов, также говорящие на каталанском языке, каталонцами не считаются. Это свидетельствует, что основа у каталонского сепаратизма иная, не этническая — скорее региональная. Какие же региональные интересы, противостоящие общенациональным, активизируют его?

Каталония — богатая, экономически более развитая область, чем другие регионы Испании. Ее экономика дает 19,5% ВВП всей страны, 24% промышленной продукции, 28% экспорта (Хенкин, 2013). Население Каталонии убеждено, что его платежи в казну помогают сводить концы с концами другим, бедным провинциям. Действительно, разница между суммой налоговых сборов и поступлениями из государственного бюджета составляет в Каталонии 16 млрд. евро (Шохина, Петрович-Белкин, 2014). Каталонцы исполнены решимости освободиться от подобного рода тягот, надеясь на уменьшение в результате этой операции налогового бремени.

Но такова же основа сепаратистских устремлений во Фландрии, в Северной Италии. Это также пространства, превосходящие по своим экономическим показателям остальную часть государства, и их население не прочь сбросить со своих плеч эту обузу. Исключением из этого ряда как будто является Шотландия. Это не самая развитая часть Великобритании. Но зато, став самостоятельным государством, она может претендовать на исключительные права по разработке близлежащих нефтяных месторождений Северного моря.

Экономические факторы оборачиваются социальными издержками. Среднему обывателю представляется несправедливым превышение налоговых сборов с регионального населения над бюджетными отчислениями на социальные цели.

Еще в первые годы XXI в. каталонский сепаратизм ощущался достаточно слабо. Во время опроса, проведенного в 2006 г., за независимость региона высказалось лишь 14% респондентов (Barnes, 2013). Но кризис 2008–2009 гг., во время которого безработица в регионе превысила 20%, резко активизировал его. Сепаратистское движение предоставляло хорошую возможность переложить ответственность за экономические неурядицы с местной элиты на центральные власти. К тому же резкое недовольство вызвало решение Конституционного суда об отмене в 2010 г. некоторых положений договора 2006 г. между центральными властями Испании и Женералитетом (каталонским областным правительством), предоставлявшего региону большую финансовую и административную самостоятельность.

Усилилось в последнее время сепаратистское движение и в Шотландии, где ведущая сила движения, левоцентристская ШНП (Шотландская национальная партия) восприняла образование самостоятельного государства как возможность проводить и гораздо более демократическую социально-экономическую политику в духе правительств Северной Европы (Bieri, 2014).

Именно социально-экономические мотивы обеспечили сепаратистским силам гораздо более широкую поддержку местного населения и дали возможность использовать не малопопулярные в западном мире насильственные, а легальные, демократические методы борьбы. Выразительную характеристику «нового сепаратизма» дал Б. Кагарлицкий, писавший, что «на передний план выходит сепаратизм совершенно иного рода. Никак не связанные с радикальным протестом, его представители выдвигают в первую очередь экономические аргументы и находят сторонников не среди угнетенных меньшинств, а среди среднего класса. Лидеры новых сепаратистских организаций совсем не похожи на повстанцев-подпольщиков, скрывающихся от полиции в лесах и подвалах. Напротив, они возглавляют региональные администрации, управляют многомиллионными бюджетами, заседают в парламентах и проводят с капитанами бизнеса встречи, посвященные инвестиционной привлекательности подвластной им территории. Эти движения в принципе не являются национальными, даже если иногда используют националистическую риторику. Их главная идея — защита региональных интересов, причем в первую очередь интересов финансовых» (Кагарлицкий, 2014).

В результате мощное развитие такого рода региональных сепаратизмов сделало малозначительными, отодвинуло на задний план старые, этнические сепаратистские движения — тем более, что исламистский терроризм дискредитировал в Западной Европе насильственные методы борьбы. Очень показателен в этом отношении кейс Страны Басков. Наиболее радикальная сепаратистская сила — ЭТА — отказалась в 2011 г. от вооруженных методов. Эускади (Страна Басков) стала перенимать опыт Каталонии.

Другие факторы активизации регионализма

Однако то, что сепаратизм в ряде западноевропейских стран имеет региональную основу, не означает, что этнический компонент вообще не играет здесь никакой роли. Этническая идентичность, безусловно, не только присутствует, но и усиливает, подкрепляет сепаратистские движения. Характерен в этом отношении кейс Северной Италии. Для подтверждения права этого региона на образование отдельного государства сепаратисты из Лиги Севера подняли на щит концепцию,

утверждающую, что северяне ведут свою родословную не от италиков, как южане, а от галлов и лангобардов, а, следовательно, они составляют разные нации.

Вообще историческая память о существовавших в прошлом на месте регионов, о которых идет речь, независимых государств (Шотландии — до 1707 г., Каталонии — до 1459 г.) играет очень значительную роль в развитии региональной идентичности и тем более в идеологии сепаратистских движений. Но ни эта память, ни этническая идентичность вообще оказались бы неспособны обеспечить сепаратизму такую активную массовую поддержку, какую обеспечили экономические интересы.

Есть, однако, еще один фактор, стимулирующий ограничение этнического и активизацию регионального компонента в идентитарном комплексе западноевропейских наций. Это, конечно, процесс европейской интеграции. Если раньше национальное государство было безусловной высшей инстанцией по отношению к региону, претендующему на обособление, то теперь оно перестало ею быть: само национальное государство оказалось перед лицом всего Европейского союза «одним из многих». Европейская идентичность нарушила монопольное положение национально-государственной идентичности и тем самым увеличила значимость региональной идентичности. Космополитическая наднациональная европейская идентичность сочетается с локальной, региональной (Srmava, 2014).

К тому же в Союзе получила поддержку концепция «Европы регионов» (Allum, 1995), в Европейском союзе специально созданы Комитет регионов и Конференция Европейских Регионов с их представительством, развиваются и поощряются трансграничные контакты и сотрудничество между региональными сообществами (Connolly, 2013). Так, сотрудничество Каталонии, Баден-Вюртемберга, Ломбардии и французского департамента Рона-Альпы получило наименование «Четыре мотора Европы» (Four Motors for Europe). Еще более широкими по географическому диапазону стали контакты и экономические связи внутри «Дуги Атлантического океана», в которой задействованы 22 прибрежных региона (Pantovic).

Не только интеграция и развитие «Европы регионов», но и происходящая под давлением снизу в ряде западноевропейских стран известная демократизация административного управления национальным пространством сделала возможной деволюцию — передачу части управленческих полномочий на уровень регионов. Этот процесс особенно заметен в Великобритании, Бельгии и Испании, где все регионы или их часть получили свои парламенты и исполнительные органы. В 1998 г. шотландский парламент был наделен правом изменять ставки налогов и принимать законы, определяющие внутривластическую жизнь региона. Североирландский парламент также получил законодательную власть, но не право изменять налоги. Каталония, как известно, получила не только автономию, но даже свою полицию. Частью населения все это могло быть воспринято — так оно и произошло — как первый шаг по пути обретения независимости.

Независимость или автономия?

Однако такое понимание региональных интересов вовсе не является обязательным, и это чрезвычайно важный момент. Выход из национального сообщества влечет за собой не только выгоды, но и потери — прежде всего от ослабления и даже возможной утраты налаженных экономических и иных связей. Обретение Каталонией независимости, по некоторым подсчетам, может уменьшить ее

ВВП на 30%, привести к падению экспорта и удвоению безработицы (Шестернина, 2017). Кроме того, появление нового государства, территория которого прежде входила в ЕС, вовсе не означает его автоматического приема в Евросоюз. Вся сложная, многоступенчатая процедура вступления должна в этом случае начинаться заново, и брюссельская администрация неоднократно предупреждала об этом.

Поэтому далеко не все население Каталонии и других подобных регионов заинтересовано в приобретении независимости. Более того, многие сторонники сепаратистских партий и движений на деле, не являются убежденными адептами сецессии. Некоторые из лидеров сепаратистских сил, если выход будет зависеть только от их решения, могут и не поддержать сецессию. Для них требование независимости играет роль того завышенного запроса, который помогает добиваться новых уступок на пути расширения регионального самоуправления. С.М. Хенкин приводит на сей счет мнение испанского юриста Х.М. Руиса Орроа: «Если сецессия станет узаконенной возможностью, националисты хорошенько задумаются, прежде чем призывать к ней. Другими словами, законодательное закрепление права на отделение окажет демобилизующее воздействие на их требования, являющиеся в значительной степени риторическими, неискренними и шантажистскими» (Хенкин, 2013).

Можно обратиться к двум реальным и очень различным кейсам, чтобы убедиться, что сепаратные региональные интересы вполне могут быть удовлетворены широкими правами самоуправления. Первый из них — это Бавария, регион с богатой историей независимого прошлого, со своеобразной идентичностью, заметно отличающейся от остальных немецких регионов, с развитой и высокотехничной экономикой, обширными экономическими связями вне Германии. Она уже давно обладает широкими правами самоуправления (избираемый региональный парламент, право сбора налогов, бюджетная и законодательная власть). У Баварии есть даже своя Конституция и Конституционный суд (Конституция Баварии), не говоря уже об отдельной от ХДС Христианско-социальной партии. Но ни одна из ведущих политических сил Баварии не выдвигают претензии на полную независимость своего региона.

Другой случай — преобразованная в 1980 г. в федерацию Бельгия, где две ее основные составные части — Фландрия и Валлония — обладают такими же широкими, как Бавария, правами и уже фактически живут отдельной жизнью. Даже единое общеправительственное правительство создать необычайно трудно (последний раз для этого потребовалось почти два года), и единую федеративную Бельгию фактически олицетворяет только король. Фландрия при этом не отказывается от лозунга независимости, но отделения все-таки не происходит. Вопрос не решается в основном из-за спора о судьбе Брюсселя, на который претендуют оба региона, но думается, что если бы достигнутой самостоятельности Фландрии было бы решительно недостаточно, и независимость была бы очень нужна, то вопрос был бы так или иначе решен.

Вообще по своему характеру крупнейшие сепаратистские движения во многом сходны, но по реальному развитию и результатам они весьма различны. Сказываются три разных фактора: сила и размах (масштаб) самого движения, реакция на него центральной власти и поддерживающих ее сил и, наконец, какие-либо привходящие обстоятельства, которые могут осложнять либо усиливать натиск сепаратистов.

Во Фландрии все влиятельные политические силы принадлежат к лагерю сепаратистов, в Каталонии и Шотландии сепаратистские силы одержали верх на пар-

ламентских выборах и пришли к руководству регионом. Не то в Северной Италии: влиятельная сепаратистская партия Лига Севера в масштабе всего региона (или, скорее, нескольких регионов, находящихся на Севере) не имеет поддержки абсолютного большинства. Исключением является область Венето, где сохранилась ностальгическая память о 1100-летней истории независимого существования (Ford, 2014). В 2014 г. там прошел организованный региональными властями референдум (впрочем, с конституционной точки зрения совершенно никого ни к чему не обязывающий), на котором 89% проголосовавших высказались за независимость (Гоголева, 2016). Но даже и там для получения большинства в областном парламенте. Лига Севера должна вступать в союз с другими политическими группами.

Наиболее активное в последнее время сепаратистское движение Каталонии, организовавшее 1 октября 2017 г. референдум о независимости региона, встретило мощное, прямолинейное сопротивление Центра, опиравшегося на положения испанской Конституции, которая разрешает проведение референдумов лишь по решению короля, располагающего при этом предварительным согласием правительства и национального парламента (кортесов). Не подлежит сомнению тот факт, что возмущение, вызванное этим отпором, усилило сепаратистское движение вместо того, чтобы его ослабить.

Опросы, проводившиеся незадолго до референдума, показали, что сторонники независимости составляют значительное, но все же меньшинство избирателей (порядка 35–41%) (Химшиашвили, 2017). В незаконном референдуме 1 октября приняло участие 2,3 млн. избирателей из общего числа 5,3 млн. (Catalan independence referendum, 2017). Совершенно очевидно, что воздержание от участия остальных граждан нельзя приписать только препятствиям, организованным силами переброшенных в Каталонию 10-тысячного полицейского корпуса и гражданской гвардии. Однако тот факт, что из числа прорвавшихся к избирательным урнам 90% проголосовало за независимость, позволил региональному правительству заявить о том, что каталонцы высказались за выход из состава Испании, и пойти на провозглашение независимости. В ответ на это центральное правительство объявило о применении статьи 155 Конституции, предусматривающей в ответ на незаконную сецессию приостановку автономии мятежного региона. Женералитет и другие власти Каталонии были лишены конституционных полномочий, а их дела переданы в суд.

Практически обе стороны конфликта проявили отсутствие гибкости и договороспособности, которое завело ситуацию в тупик. Вероятно, события развивались бы иначе, дело не дошло бы до уличных столкновений и сотен пострадавших, если бы у правительства имелись альтернативные предложения, различные компромиссные варианты расширения каталонской автономии. После событий 1 октября и последующих дней уговорить каталонских лидеров сесть за стол переговоров стало значительно труднее. Не оправдались и упования на посредничество руководства ЕС, отказавшегося от «вмешательства во внутренние дела Испании».

Тем не менее отличия современного западноевропейского сепаратистского движения, опирающегося на легальные средства борьбы, все-таки сказались. В ответ на репрессивные меры испанских властей каталонские сепаратисты в лице К. Пучдемона призвали своих сторонников не к вооруженному отпору, как это сделали бы сецессионисты старого закала, а к активному использованию досрочных региональных выборов, назначенных правительством.

На выборах сепаратисты снова получили большинство, и в этом надо видеть реакцию каталонского общественного мнения на жесткие меры правительства Рахоя. Но сформировать новое каталонское правительство оказалось нелегко, так как многие лидеры сепаратистов находятся в тюрьме или, как Пучдемон, за пределами Испании. В этих условиях даже Пучдемон был вынужден выступить за переговоры с центральным правительством, исход которых по состоянию на начало 2018 г. совершенно неопределен.

Гораздо более гибко, чем испанские власти (и это не удивляет, если принять во внимание различие исторического опыта двух стран) повели себя в столкновении с попытками восстановить независимость Шотландии, утраченную в XVIII в., власти Британии. Соппротивление планам шотландских сепаратистов там также сильное, но более гибкое и маневренное. Центральное правительство, в отличие от Испании, разрешило в 2014 г. проведение референдума о независимости. В Шотландии довольно сильны общенациональные партии — консервативная и лейбористская, выступающие за сохранение единства. Во время референдума большинство (55%) высказалось против выхода из Великобритании (Scottish independence referendum, 2014). При этом на общенациональном референдуме об отношениях с Европейским Союзом шотландцы высказались против Брекзита.

Под влиянием исхода общенационального референдума областное правительство Шотландии объявило о необходимости сецессии своего региона, для чего нужен новый референдум. Однако на прошедших после этого общенациональных выборах сепаратистская Шотландская национальная партия потеряла значительную часть голосов, что подтверждает инструментальный характер ее поддержки со стороны части населения, стремящейся реально не к выходу из состава Великобритании, а к увеличению самостоятельности региона, для чего и служит, с ее точки зрения, сепаратистская сила.

Наконец, существует еще один вариант развития событий. В политическом мире сепаратистское движение «неизбежно оказывается вплетенным в систему целеполагания и действия, основанную на ценностях, интересах, принципах, доктринах другого порядка, другой природы...» (Нарочницкая, 2015). В Италии Лига Севера, не получив удовлетворяющей ее поддержки даже в северных областях, в поисках ее расширения обратилась к популярным антииммигрантским и антиинтеграционным мотивам, которые в значительной мере отвлекли ее от сепаратистских требований, но зато выдвижение лозунга федерализации позволило ей получать электоральную поддержку и на Юге.

Исходя из всего сказанного (а также из факта ожесточенного сопротивления, оказываемого сепаратизму национальными государствами и ясно выраженного негативного отношения к сецессионистским движениям со стороны администрации ЕС), можно предположить, что итогом действий сепаратистских сил в обозримом будущем скорее всего станет не раскол существующих государств и образование новых, а движение к последовательному осуществлению принципа субсидиарности, усиление процессов деволюции. Их результаты, видимо, будут различны в разных случаях. Конечно, при этом совсем исключить радикальный, сецессионистский вариант невозможно — тем более, что существует такой фактор, как возможные ошибки центральных правительств в ходе очень непростой борьбы и эмоциональная реакция населения на эти ошибки.

Уроки Каталонии

Естественно, существует взаимозависимость процессов, происходящих в сепаратистском движении разных стран. Нет сомнения, что шотландские или фламандские сепаратисты внимательно следят за развитием событий в Каталонии. Еще более пристально наблюдают за ними в Стране Басков и других автономных областях самой Испании. Успех каталонских сторонников независимости, конечно, стимулировал бы активность такого же рода в других непокорных регионах, во всяком случае на первых порах — до выявления связанных с новоиспеченной независимостью осложнений. Но не так просто ответить на вопрос о возможном влиянии произошедшей неудачи.

При оценке причин поражения сторонников независимости велик соблазн отнести эти причины за счет специфических особенностей Испании — жесткости имперских традиций, несовершенства конституции, пережитков франкистского централизма, слабости и ошибок руководителей региона. «Мы сделаем лучше» — таков возможный вывод некоторых участников сецессионистского движения из других стран. Однако более трезвые головы в сепаратистском лагере, несомненно, должны более внимательно отнестись ко всем сложностям на пути к независимости, да и после ее достижения. Даже если допустить, что нынешняя непримиримая позиция администрации ЕС относительно непризнания автоматического приема отколовшихся регионов в Союз в будущем может смягчиться, это далеко не единственная проблема, которая неминуемо встанет перед новым государством. Из этих проблем первой — сохранение прежних экономических связей или компенсация их ослабления, а то и разрыва, очень непростым процессом налаживания новых.

Как бы то ни было, наличие экономических интересов в сепаратистском сообществе будет располагать к более трезвой и взвешенной оценке плюсов и минусов непримиримой позиции по отношению к лозунгу независимости. Нет, сепаратистское движение не прекратится. Но доля сторонников инструментального подхода к нему значительно увеличится.

Сепаратисты и сецессионисты

Все сказанное заставляет меня предложить свою трактовку понятий «сепаратизм» и «сецессионизм», во многом совпадающую с мнением видного специалиста по этим вопросам Ф. А. Попова (Попов, 2012). В российской научной литературе преобладает термин «сепаратизм», в зарубежной оба термина существуют на равных правах. Между тем только сецессионизм, с моей точки зрения, должен означать стремление последовательно, до конца, бороться за независимость, выход из состава национального государства.

Сепаратизмом же, по моему мнению, должно именоваться широкое движение, в котором участвуют как сторонники сецессии, к которым относятся, в частности, сторонники радикальных левых и правых партий, так и гораздо более умеренные борцы за обособление региона, увеличение — возможно, до очень широких пределов — его автономии в составе национального государства. В ходе борьбы в тактических целях они могут поддерживать слоган независимости. В существующем ныне в нескольких западноевропейских государствах движении присутствуют как сепаратисты, так и сецессионисты, но пока реальный перевес в большинстве случаев находится еще на стороне первых.

О чем же свидетельствует нынешний процесс усиления сепаратистского движения в ряде западноевропейских стран? Вряд ли справедливо считать его свидетельством начавшегося дробления национальных государств. Но скорее всего неправы и те, кто, ссылаясь на проявившуюся в последнее время среди членов ЕС тенденцию к усилению протекционизма и охране своего суверенитета, считает вероятным попятное движение от европейской интеграции к замыканию в пределах национальных государств. Сепаратистские движения вместе с центробежными импульсами, наблюдающимися в Европейском союзе, свидетельствуют о нарастающем процессе дифференциации, увеличении многообразия уровней управления и организации политического пространства. Этот процесс является частью реакции местных сообществ на происходящую глобализацию: каждый мегаполис, каждый регион отвечает на нее поисками своей субъектности через утверждение своей идентичности, будь то идентичность этническая, экономическая или чисто региональная. Происходящее усложняет, но отнюдь не останавливает развитие европейской интеграции.

Библиографический список

1. Баранов, А. В. (2015). Сепаратизм в современной Италии: факторы развития, институционализация, политические стратегии. *Человек. Сообщество. Управление*, 1 (16), 78–90.
2. Гоголева, В. А. (2016). Сепаратизм в Италии: карнавал движений за независимость. *Дневник АШПИ*, 32, 114–120.
3. Горовиц, Д. (2013). Разрушенные основания права сецессии. *Власть*, 11, 181–191.
4. Кагарлицкий, Б. (2014, October 31). Развод по расчету. *Lenta.ru*. Retrieved from <http://lenta.ru/articles/2014/10/30/separatism/>
5. Конституция Баварии. Конституции государств мира. Режим доступа Worldkonstitutions.ru/?p=186
6. Нарочницкая, Е. А. (2015). Многообразный сепаратизм: проблема типологии и европейские реальности. *Актуальные проблемы Европы*, 1, 32–55.
7. Попов, Ф. А. (2012). *География сецессионизма в современном мире*. Москва: Новый хронограф.
8. Тишков, В. А. (2003). *Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии*. Москва: Наука.
9. Хенкин, С.М. (2013). Испания: испытание Каталонией. Перспективы. *Фонд исторической перспективы*. Режим доступа www.perspektivy.info/print.php?ID=173705
10. Химшиашвили, П. (2017). Испанское государство «проиграло»: как проходил референдум в Каталонии. Режим доступа <https://www.rbc.ru/politics/01/10/2017/59d0bc9d9a794759af2b8df3>
11. Шестернина, Е. (2017). Объявление независимости для Каталонии невыгодно, считают в Испании. Режим доступа <https://ria.ru/world/20170929/1505826952.html>
12. Шокина, А. А., Петрович-Белкин, О. К. (2014). Экономический сепаратизм в государствах ЕС. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2, 85–92.
13. Allum, P. (1995). *State and Society in Western Europe*. Oxford: Polity.
14. Barnes, R. (2013, January 10). Basque and Catalan Nationalism: An Evolution. *Fair Observer*. Retrieved from <https://www.fairobserver.com/region/europe/basque-and-catalan-nationalism-evolution/>
15. Bieri, M. (2014, September). Separatism in EU. *CSS Analyses in Security Policy*, 160. Retrieved from [www.css.etz.ch/publications/pdfs/css.Analyse 160-EN.pdf](http://www.css.etz.ch/publications/pdfs/css.Analyse%20160-EN.pdf)
16. Catalan independence referendum (2017). Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Catalan_independence_referendum_2017

17. Connolly, C. K. (2013). Independence in Europe: Secession, Sovereignty, and the European Union. *Duke Journal of Comparative and International Law*, 51–105.
18. Ford, M. (2014, March 24). Europe's Latest Secession Movement: Venice? *The Atlantic Daily*. Retrieved from <http://www.theatlantic.com/international/archive/2014/03/europes-latest-secession-movement-venjuktice/28456>
19. Four Motors for Europe. Retrieved from <http://www.4motors.eu/?lang=en>
20. Pantovic, A. The Economic Impact of the European Union on Subnational Separatist Movement. Retrieved from viewcontent.cgi?article=1173&context=honr_theses
21. Scottish independence referendum (2014). Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Scottish_independence_referendum_2014
22. Srmava, T. (2014, March 5). A Problem of European Identity? Separatist Movement in the EU. *Project for Democratic Union*. Retrieved from www.democratieunion.eu/2014/03/problem-european-identity-separatist-movements-eu

Статья поступила в редакцию 15.01.2018

Статья принята к публикации 20.02.2018

Для цитирования: Холодковский К.Г. Особенности сепаратизма в Западной Европе XXI века. – *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 2. С. 27–37.

SEPARATISM IN WESTERN EUROPE: A XXI CENTURY PERSPECTIVE

K. G. Kholodkovsky

Kirill G. Kholodkovsky, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 117997, Russia, Moscow, Profsoyuznaya Str., 23. E-mail: holgrig@mail.ru

Abstract. The author analyses dissimilarities between contemporary separatist movements in several Western European countries and those that developed there in the XX century, with special attention to what differs Western European phenomena from separatism in Eastern Europe and other regions of the world today. In the greater part of the contemporary world including Western Europe, separatism was in the past a radical and often armed protest, but today it has acquired mass support and democratic characteristics and resorts to parliamentary political methods. Contemporary separatism in Western Europe has regional interests rather than ethnic roots at its core. Several regions (Catalonia in Spain, Flanders in Belgium, and some regions in Northern Italy) are ahead in social and economic development in comparison with the other parts of their respective countries, and they seek to get rid of the burden of responsibility to support the least developed regions. The legal democratic character of separatist movements and their mass support, which is of a much higher level than the support for radical separatism in the past does not mean, however, that all those involved really aspire to leave the present state and to opt for new statehood. It is more likely that in the future the majority will be satisfied with a considerable expansion of regional autonomy, on condition that the central government does not provoke the radicalization of these sentiments through its own rigid politics, as is happening at present in Spain. Therefore, a distinction must be drawn between secessionism aimed at gaining independence and new statehood, and separatism calling for independence but ready to be satisfied with a wider autonomy within the boundaries of the existing state.

Key words: separatism, secession, self-determination, ethnic problems, Catalonia, Scotland, Flanders, level of development, regional problems, autonomy.

References

1. Allum, P. (1995). *State and Society in Western Europe*. Oxford, Polity.
2. Baranov, A. V. (2015). Separatism v sovremennoi Italii: factory razvitija, institucionalizacija, politicheskie strategii [Separatism in Contemporary Italy: Development Factors, Institutionalization and Political Strategies]. *Human. Community. Management*, 16 (2), 84.

3. Barnes, R. (2013). Basque and Catalan Nationalism: An Evolution. *FairObserver*. Retrieved from fairobserver.com/region/europe/basque-and-catalan-nationalism-evolution
4. Bieri, M. (2014). Separatism in EU. *CSS Analyses in Security Policy*, 160, Sept. Retrieved from www.css.ethz.ch/publications/pdfs/css_Analyse_160-EN.pdf
5. Catalan independence referendum (2017). Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Catalan_independence_referendum_2017
6. Connolly, C. K. (2013). Independence in Europe: Secession, Sovereignty, and the European Union. *Duke Journal of Comparative and International Law*, 24, 51–105.
7. Ford, M. (2014, March 24). Europe's Latest Secession Movement: Venice? *The Atlantic Daily*. Retrieved from <http://www.theatlantic.com/international/archive/2014/03/europes-latest-secession-movement-venice/28456>
8. Four Motors for Europe. Retrieved from <http://www.4motors.eu/?lang=en>
9. Gogoleva, V. A. (2016). *Separatism v Italii: carnaval dvizhenii za nezavisimost'* [Separatism in Italy: Carnival of Movements in support of independence]. Retrieved from <http://politnauka.livejournal.com/322321.html>
10. Gorovitz, D. (2015). Razrushennyye osnovaniya prava secessii [Ruined Foundations of Secession Law]. *Vlast'* [Power], 1, 181–191.
11. Kagarlitskii, B. (2014, October 31). Razvod po raschjoty [Economic Divorce]. *Lenta.ru*. Retrieved from <http://lenta.ru/articles/2014/10/30/separatism/>
12. Khenkin, S. M. (2013). Ispanija: Ispytanie Kataloniei [Spain: Testing via Catalonia]. *Perspectives. Historical Perspective Fund*. Retrieved from www.perspektivy.info/print.php?ID=173705
13. Khimshiashvili, P. (2017). Ispanskoje gosudarstvo "proigralo": kak prokhorodil referendum v Katalonii [The Spanish State "has lost": the way the Referendum was taking place in Catalonia]. Retrieved from <https://www.rbc.ru/politics/01/10/2017/59d0bc9d9a794759af2b8df3>
14. Konstitucija Bavarii (Federal'naja zemlja FRG) [Konstitutsii gosudarstv mira]. Retrieved from Worldkonstitutions.ru
15. Narochitskaja, E. A. (2015). Mnogoobraznui separatizm: problema tipologii i evropeiskoi real'nosti [Diverse Separatism: Typology and European Reality Aspect]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Urgent Problems of Europe]. 1, 32–55.
16. Pantovic, A. The Economic Impact of the European Union on Subnational Separatist Movement. Retrieved from viewcontent.cgi?article=1173&context=honr_theses
17. Popov, F. A. (2012). *Geografija secessionizma v sovremennom mire* [Dissemination of Separatism in the Contemporary World]. Moscow: Novyi Chronograf Publ.
18. Scottish independence referendum (2014). Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Scottish_independence_referendum_2014
19. Shesternina, E. (2017). Declaration of Independence for Catalonia is Unprofitable, acc. to Spain. Retrieved from <https://ria.ru/world/20170929/1505826952.html>
20. Shokhina, A. A. & Petrovich-Belkin, O. K. (2014). Ekonomicheskii separatizm v gosudarstvakh ES [Economic Separatism in EC member States]. *Vestnik: International Relations*, 2, 86.
21. Srnava, T. (2014, March 5). A Problem of European Identity? Separatist Movement in the EU. *Project for Democratic Union*. Retrieved from democratieunion.eu/2014/03/problem-european-identity-separatist-movements-eu
22. Tishkov, V. A. (2003). *Requiem po etnosu. Issledovanie po social'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnos. Research into Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka Publ.

For citation: Kholodkovsky K.G. Separatism in Western Europe: A XXI Century Perspective. – *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 2. P. 27–37.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

БОЛЬШОЙ ПАРИЖ И БОЛЬШАЯ МОСКВА: ПЛАНЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИННОВАЦИЯ

Х. Воделэн

Воделэн Хлоэ, Институт политических исследований (Сьянс По), 33607, Франция, Бордо, Аллея Осон, 11. Российский университет дружбы народов, 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2. Эл. почта: chloe.vaudelin@hotmail.fr.

Аннотация. В статье исследуется политика внедрения инноваций, реализуемых руководством глобальных городских проектов — «Большого Парижа» и «Большой Москвы». Париж и Москва — изначально два больших европейских столичных мегаполиса, которые в рамках усиления конкуренции между мегаполисами мира примерно в одно и то же время начали внедрять глобальные планы по модернизации и реструктуризации городского пространства, в особенности тесно связанные активным внедрением цифровых технологий в повседневную жизнь горожан и функционирование городского пространства. При этом политическое и административное руководство внедрения этих проектов в Москве и в Париже развивали эти проекты согласно совершенно разной логике, несмотря на то, что первоначально московский проект пытался в какой-то степени копировать французский. Статья описывает решения, внедренные в практике развития обоих мегаполисов, их сходства и различия. Также проводится сравнение концептуальных моделей развития, используемых на практике в обоих городах (полицентричная либо моноцентричная модели), а также описывает процесс реализации и внедрения кластерных проектов, таких как «семь кластеров развития» в Париже и «Сколково» в Москве. В статье делается сравнение политики внедрения информационных технологий в городских проектах расширения Парижа и Москвы. Таким образом, можно констатировать, что несмотря на изначально сходные экономические стартовые условия, проекты расширения, развития и модернизации Парижа и Москвы на данный момент реализуются в принципиально разных административно-управленческих концепциях, что объясняется в первую очередь различными механизмами принятия политических решений во Франции и России, а также различными группами интересов, кооптированных в процесс обсуждения и реализации проектов развития городов. Автор приходит к выводу, что на данный момент (середина 2018 г.) проект модернизации «Большой Москвы» по ряду причин является более эффективным по сравнению с проектом «Большого Парижа».

Ключевые слова: инновационная политика, Плато до Саклэ, Сколково, умный город, smart city, кластерные проекты, группы интересов, городская политика, мэрия, местное самоуправление.

Глобальные города в современном мире

Новые тенденции мирового развития и углубление процесса глобализации привели к появлению новых акторов на международной арене как в экономической сфере, так и в сфере политики и культуры. Город перестал быть лишь субъектом, подчиняющимся государству. В 1950 г. с ускорением процесса урбанизации начали появляться первые крупные города, получившие название мегаполис. Статус мегаполиса опирается исключительно на количественный критерий, однако подлинным экономическим, политическим и культурным влиянием мегаполис начинает обладать, только когда он концентрирует большое количество различных элементов глобальной сетевой общественной структуры, таких как представительства транснациональных корпораций, международных общественных и политических организаций, общеизвестные мировые культурные ценности и т.д. Как отмечают специалисты, мегаполисы ставят перед собой цель

реализовать проекты реформирования и превращения в современные глобальные города. Особый интерес представляют вопросы о новой роли мегаполисов в политических и экономических процессах и о приспособлении мегаполисов к новым условиям. Яркими примерами мегаполисов, подверженных этим трансформациям, являются Париж и Москва, которые стремятся достичь нового статуса глобального города.

Для достижения цели руководители Москвы и Парижа провели работу по теоретическому развитию и планированию будущей модернизации. Становление глобального города предполагает соответствие определенным критериям (безопасность, экология, комфорт для жителей) и способность города соответствовать современности. На сегодняшний день города, с одной стороны, конкурируют между собой, а с другой — выступают партнерами. Если города хотят укрепить свою роль на международной арене, им необходимо модернизироваться: планы по реструктуризации и модернизации города являются ключевыми на сегодняшний день. Интеграция новых технологий (особенно с развитием концепта умного города) в жизни города, применение жестких экологических норм и развитие инфраструктуры становятся также инструментами рекламы. Столица — зеркало страны, поэтому ее имидж очень важен сегодня. При этом в центре урбанистической политики всегда должны быть горожане, а главная цель процесса — улучшение условий их жизни в городе. Город снова стал играть приоритетную роль в фазе концептуализации планов, как и в их реализации с применением идеи локальной демократии (Транин, 1979).

Власти и Москвы, и Парижа решили работать над своим международным имиджем и подготовили планы развития города. Однако их приоритеты различаются. Города хотят показать, как они готовы к будущему, идет работа над разработкой и применением новых технологий для того, чтобы получить статус умного города. На сегодняшний день ключевой является способность городов доказать их открытость инновациям. Поэтому в статье мы рассмотрим роль кластеров в планах модернизации, исследуя примеры Сколково в Москве и кластеры Парижа. При этом необходимо понимать, что структура кластеров указывает на основную особенность каждого проекта. Итак, Москва до сих пор является моноцентричным городом. Присоединение новых территорий должно было изменить структуру столицы, но в реальности она все еще остается моноцентричной. Создание одного центра инновации поддерживает желание концентрировать инновационную деятельность вокруг одного центра. В Париже, напротив, было принято решение создать 7 центров инноваций, что характеризует полицентричность французской столицы.

Проект «Большой Париж»: основные направления развития инноваций

Модернизация Парижа тесно связана с проектом «Большого Парижа». Цель проекта — собрать Париж и его периферию в единое целое, чтобы оживить экономическую и социальную деятельность на всей территории региона, создав совместную цифровую и экологически чистую экономику. У Парижа есть стремление стать территорией европейских инноваций (иностраннные инвестиции увеличились на 26% за период с 2014 по 2015 (Raquier, 2016) и снизить уровень безработицы, сделав свою территорию более доступной и конкурентоспособной. Это требует изменения вектора социальной и жилищной политики, которая должна

быть направлена на то, чтобы положить конец политике зонирования, созданной в 1970-х гг. Необходимо перейти к политике социального разнообразия и отделить сферу инноваций от производственной зоны.

Большой Париж предположительно будет опираться на 7 различных полюсов экономических инноваций. Специализация территорий направлена на повышение удобства для финансовых инвесторов, а также повышение конкурентоспособности.

Первый центр инноваций относится к Плато де Сакле, который является полюсом инноваций и исследований с 11 научными лабораториями, концентрирующим 20% всех французских научных исследований, 10500 исследователей и 50000 студентов, а также штаб-квартирами и лабораториями многих национальных и международных компаний. В августе 2013 г. Плато де Сакле занял 8-е место в категории «кластер конкурентоспособности» согласно исследованию Массачусетского технологического института (Le Plateau de Saclay...).

Второй полюс — это международные обмены и конференции вокруг аэропорта Шарль де Голль и Треугольник де Гонес (Cluster Roissy...). Это место, которое не только объединяет существующие конгресс-центры (Центр международной торговли) или планирующиеся (ZAC AeroliansParis, которая уже строится на данный момент), но и является центром франко-азиатского бизнеса (особенно франко-китайского) в масштабах всей Франции.

Третий полюс относится к созданию креативного пространства в Сен-Дени-Плейн, которое специализируется на цифровой и творческой деятельности, где сторится «Город кино» под руководством Люка Бессона, а также это место расположения Академии Фрателини (всемирно известная цирковая академия), Парижского Дома наук о жителях Парижа и множества университетов. Предполагается, что здесь в 2018 г. закончится строительство новых корпусов университета Кондорсе, которые будут специализироваться на социальных и гуманитарных науках.

Четвертый полюс относится к области здравоохранения — это медицинский центр Вильжюиф-Эври (Le rôle de la santé Villejuif-Evry...). Это самый большой кластер в области медицины и здравоохранения и один из самых известных на сегодняшний день. В этот кластер входят 4 медицинских колледжа, 17 исследовательских лабораторий и 4 больницы, в том числе Институт Гюстава Русси. Кроме того, на этой территории находится также медицинский центр, специализирующийся на биотерапии и генетических исследованиях. В дополнение к медицинскому аспекту этого пространства Вильжюиф также стремится к привлечению бизнеса путем создания нового делового района (Сердца Орли) и включения в этот регион некоторых существующих пространств (здесь находится Ринжис — самый большой открытый рынок продуктов в Европе), который планируется сделать настоящим отдельным мини-городом французской гастрономии, кулинарии, поварского и кондитерского искусства.

Следующие полюса более специализированные — это Парижский финансовый кластер Ла Дефанс (Le rôle de la finance de la Défense...), аэронавигационный кластер Ле Бурже (Le pôle de l'aéronautique du Bourget...) с Музеем воздухоплавания и космоса, выставочным центром и производственной группой Аэробус.

И последний, седьмой полюс инноваций, вероятно, один из самых амбициозных в том смысле, что он посвящен выработке решения современных проблем, связанных с озеленением экономики и общества. Этот кластер, созданный вокруг

городка Декарт (*Le pôle de la vie durable autour de la Cité Descartes...*), фокусируется на исследовании экологических проблем, что сегодня, при поддержке мэра Парижа, является приоритетом столицы. Париж хочет стать моделью экологического мегаполиса для всего мира, и поэтому этот кластер привлекает особое внимание. Таким образом, в его состав войдут многочисленные исследовательские лаборатории и 18 исследовательских институтов (в основном специализирующихся на градостроительстве и машиностроении: Национальная школа мостов и дорог, Парижский технологический институт, Институт градостроительства и т.д.), а также технологический институт ФБА (специализируется на лесотехнических решениях) или Efficacity (партнер Общества Большого Парижа, отвечающий за исследования по энергоэффективности города). Даже парижский Диснейленд начинает уделять особое внимание экологии на своей территории, в рамках чего было принято инвестиционное решение о создании парка экотуризма при парке развлечений (комплекс Деревенская Природа (Сайт презентации парка отдыха...)).

Эти полюса-кластеры создадут новые сферы занятости, которые должны сопровождаться политикой жилищного строительства и социальной интеграции, направленной на сокращение социального неравенства. Отсюда высокий интерес к публичным конкурсам, созданным Обществом Большого Парижа, «Переосмысление Парижа» и «Изобретая Большой Париж», целями которых является предоставление второй жизни старым, порой заброшенным пространствам, которые продвигают инновационные проекты. Такие проекты привлекают к участию горожан и поддерживают концепт локальной демократии.

Исследование планов Парижа позволяет подтвердить тенденцию к полицентричности французской столицы и ее амбиции. Париж находится вне «голубого банана», т.е. он не является частью европейского мегаполиса, но при этом Париж — один из самых влиятельных городов Европы. Создание полюсов инноваций для Парижа — это увеличение конкурентоспособности, привлечение инвестиций и укрепление имиджа амбициозного и инновационного города. Планы по инновации столицы также отражают цели Парижа, связанные с озеленением экономики. Париж представляется как город, защищающий окружающую среду, и создание центра Декарт подтверждает данную концепцию.

Инновационные проекты Москвы

В Москве наблюдаются два типа инициатив, связанных с развитием новых технологий. Во-первых, Москва приняла во внимание необходимость создания центра инноваций и поддержки стартапов. В рамках данного проекта был создан центр Сколково. Однако проект Москвы сильно отличается от аналогичного проекта в Париже, поскольку последний носит моноцентричный характер, а также потому, что Париж старался интегрировать инновации и новые технологии на каждом этапе и в различных сферах, а не рассматривать новые технологии сами по себе, как отдельный проект. В проекте Парижа инновации являются компонентами экологии, безопасности и т.д., но не существуют автономно. В Москве, наоборот, муниципальные власти уделили специальное внимание применению новых технологий. Таким образом, на наш взгляд, сегодня Москва более развита в области цифровых технологий, чем Париж.

Для изучения опыта Москвы в развитии новых технологий и стартапов необходимо рассмотреть два проекта, которые активно развиваются в столице: Сколково и План создания умного города.

Если проанализировать первые общие результаты, можно с уверенностью говорить, что проект Сколково имеет важное значение и определенные успехи. Первая в мире сеть виртуальных магазинов была создана в Сколково в рамках всемирно известного на сегодняшний день стартапа Fibrum (Михайлиди, 2017), который был разработан в IT-кластере мобильных платформ. Сколково — это современный технопарк, позиционирующий себя как центр притяжения науки и инноваций. Это инновационный центр, созданный по принципу Силиконовой долины в США и основанный по указу Президента Дмитрия Медведева. 28 сентября 2010 г. им был подписан Закон об «инновационном центре Сколково» (Кривобок, 2013). Он был расположен на территории поселения Новоивановское, которая стала частью Москвы в 2012 г. Сколково может инициировать инновационный импульс для всей Москвы. Этот проект на сегодняшний день не только самый большой полигон новой экономической политики в России, но и самый большой подобный центр в Европе, так как общая площадь технопарка 96228 м² (Сайт презентации инновационного кластера Сколково...). Он располагается на территории 400 га. Сколково находится в 3 км от МКАДа, т.е. достаточно близко от центра Москвы. Сколково и центр Москвы также соединяет электричка, отходящая от Белорусского вокзала. Время в пути составляет всего 20 минут.

Первая очередь проекта была введена в эксплуатацию в 2014 г., строительство полностью завершится до 2020 г. Планируется, что до 2020 г. на территории Сколково будут проживать и работать 15000 чел., еще 7000 будут каждый день приезжать на работу (Сайт презентации инновационного кластера Сколково...). Ожидается появление более 600 компаний на территории центра. Чтобы их привлечь, муниципальные и федеральные власти решили создать специальный налоговый льготы для резидентов Сколково. И уже сегодня можно отметить ключевых партнеров проекта: Сбербанк, Cisco, Intel, Siemens, IBM.

Сколково разделяется на четыре зоны. Первая — это стартапы, их офисы и лаборатории RD (пространство в 23437 м²), вторая зона — инвесторы, третья зона — корпорации, четвертая зона — образование, так как на территории были созданы образовательные программы, здесь находится конференц-центр, где каждый год проходит более 200 конференций. Сколково является особенно инновационным, поскольку он предлагает самые современные методы и организацию работы.

Необходимо обратить внимание на строительство центра коллективного использования. Этот центр также разделен на четыре части: прототипирование, метрологические исследования, медицинские исследования, а также лабораторные испытания и сертификация. Это пространство позволяет компаниям экономить бюджет, поскольку они могут здесь работать, что освобождает их от аренды или покупки рабочего пространства. В центре коллективного пользования на сегодняшний день работает больше 40 компаний. Были также созданы зоны коворкинга, чтобы маленькие предприятия могли арендовать место, а не полностью офис.

В Сколково были выделены пять кластеров: информационный кластер, биомедицинский, энергоэффективный, ядерный и космический. Цель этих кластеров — создать новые технологии в этих сферах. Главная цель Сколково как проекта — разработка новых современных идей, а также их коммерциализация,

поскольку в России достаточно проблематично коммерциализировать идею из-за отсутствия заказа и недостатка информации. Работать в Сколково будет комфортно, поскольку там строятся дома и вся необходимая инфраструктура (школы, больницы, магазины). Таким образом, без потерь времени на дорогу будут иметь всю инфраструктуру поблизости. Также интересно отметить, что на территории центра строятся исключительно «умные» дома (Шаталина, 2017) с использованием таких технологий, как пульт управления светом, домофоном и климатом, что означает превращение Сколково не только в инновационный квартал для стартапов и экономики, но также и для жителей.

В Сколково также создается опытная зона покрытия мобильной сети стандарта 5G (Ситдииков, 2017). Данный проект является следствием соглашения, подписанного президентом Ростелекома, Михаилом Осеевским, президентом фонда Сколково Виктором Вексельбергом и вице-президентом Nokia в Восточной Европе, Деметрио Руссо в рамках конференции 16–18 октября 2017 г. в технопарке.

Москва — один из передовых городов в области использования новых технологий во всех сферах, ее можно считать примером для всего мира. В 2012 г. город запустил программу компьютеризации, которая полностью трансформировала российскую столицу.

Надо также обратить внимание на то, что создание умного города служит экономическим инструментом для бюджета города. Новые технологии позволяют экономить, что доказывает пример Барселоны, которая сэкономила 58 млн. долларов на водоснабжении и 38 млн. долларов на освещении после внедрения умных технологий (Кодачигов, 2017).

Любой, кто знает Москву начала 2000-х гг., видел бесконечные очереди, нескончаемые административные процедуры, десятки заявлений, заполняемых вручную, что сегодня уже невозможно себе представить. Москва стала лидером в области компьютеризации и попала в топ-7 «Intelligent communities». Она стоит на пятом месте в плане прогресса и подготовки к будущему в разделе «Умные города» (PWC), является третьим «самым цифровым городом (EY)».

Во время презентации «Будущее близко. Индекс готовности городов» в рамках Московского урбанистического форума были рассмотрены достижения Москвы по данным Price Waterhouse Coopers (PwC). Компания провела исследование, чтобы определить готовность города к технологическому будущему. В исследовании были рассмотрены транспорт, строительство, цифровая экономика, медицина, образование, виртуальные сервисы, культура, безопасность и ЖКХ. Москва заняла первое место по виртуальным сервисам, по созданию порталов и мобильных приложений для решения городских проблем, а также третье место по доступности общественного транспорта. Действительно, в Москве общественный транспорт является одним из самых доступных в мире. Москва также заняла третье место по распространению сети WiFi в пределах города и второе место по количеству и качеству зелёных зон. Наконец, она заняла второе место по строительству новых дорог.

Это исследование также определило, насколько население готово к переходу на новые технологии. Оказалось, что 47% москвичей хотят видеть и использовать технологические новинки в повседневной жизни. Москву сегодня смело можно назвать «умным городом». В июне 2017 г., она получила премию всемирной орга-

низации электронного правительства городов мира в номинации «предоставления государственных услуг в электронной форме» (Самарин, 2017).

Благодаря онлайн-сервисам город экономит деньги и значительно улучшает жизнь и комфорт своих жителей: Москва — первый российский город и один из самых продвинутых в мире по онлайн-сервисам. Например, сегодня можно оплатить услуги и пошлины через сайты, а также штрафы ГИБДД или купить транспортные карты. Сегодня сайт mos.ru предлагает горожанам для решения разных вопросов более 200 онлайн-сервисов: регистрировать своих детей в школу, записаться на прием для получения регистрации машин, зарегистрироваться в гражданском реестре для процедуры заключения брака. Больше не нужно искать врача, если ваш врач находится в отпуске, поможет уникальная медицинская информационная система.

В области медицины в Москве осуществляется программа ЕМИАС. После его создания очереди в поликлиниках стали в 2,5 раза меньше. Она объединяет 21500 врачей, 9,5 млн. пациентов и каждый день обеспечивает около 50000 транзакций. В 2017 г. программа получила первую премию Mobile Gov World Summit в категории мобильной государственной услуги и электронных сервисов.

С сентября 2016 г. осуществляется проект «Электронная школа». включающий создание электронного журнала, дневника учеников и библиотеки. Каждый преподаватель выставляет онлайн- сценарий уроков, чтобы была возможность следить за уроками и знать, как они готовятся. В школах уже есть интерактивные доски, так как современным детям нужны современные технологии для обучения. Этот проект также включает программу «Посещение и питание». Благодаря ей родители знают, когда ребёнок приехал и уехал из школы, а также ел ли он обед.

Уже отмечалось, что Москва страдает от загруженных дорог и интенсивного трафика. В скором времени количество пробок будет уменьшено благодаря новым технологиям. На сегодняшний день в Москве установлено более 2000 светофорных объектов, 3500 детекторов мониторинга движения и 2000 камер наблюдения. Все эти данные отправляются в ситуационный центр ЦОДД, который анализирует всю полученную информацию, чтобы управлять ситуацией и прогнозировать степень загруженности той или иной дороги. Московские дороги оборудованы 160 электронными табло, которые позволяют водителям узнать о прогнозе погоды, загруженности дорог и расчёте времени в пути. Благодаря этим технологиям, средняя скорость в Москве увеличился на 13% (Самарин, 2017), при этом количество машин не сократилось.

После окончания программы по модернизации Москвы 2012 г. будет запущена новая программа, старт которой назначен на 2019 г. Она продолжит проект превращения столицы в «умный город». Москва станет еще более автоматизированной, увеличится количество умных светофоров, датчиков, способных определять присутствие жителей для запуска освещения. Проект касается не только транспорта, но и безопасности, медицины и образования. Создание умного города станет возможным благодаря использованию технологии «интернета вещей». Эта технология может быть использована в целях автоматизации многих функций города. Сейчас уже идет тестирование в рамках сотрудничества между компании МТС и «Эртелекомхолдинг».

Таким образом, Москва является лучшим примером европейского города будущего, города, имеющего самую первую в мире сеть wi-fi в метро, которая распространяется также на общественные места (наземный транспорт, парки) и должна быть распространена на весь город. Москва очень быстро и практически сразу распространила wi-fi по своей территории. Сегодня в Москве существуют более 2000 точек доступа к бесплатному wi-fi. Что касается мобильного интернета, в Москве он также очень дешевый относительно среднемировых цен, например, в среднем в семь раз дешевле, чем в Нью-Йорке. Таким образом, российская столица демонстрирует инновации и ноу-хау для всей страны и продолжает развиваться и совершенствоваться (Трущенко, 2017).

Новые технологии позволили создать городские платформы для обсуждения путей дальнейшей модернизации страны, инструментов для предложения новых проектов, а также для выявления нарушений. Каждый москвич стал в некотором смысле инспектором, который может сообщить о состоянии инфраструктуры (отправить картину состояния дороги), чистоте территории и т.д. Таким образом, в Москве появились две платформы, которые позволяют создать связь между правительством и жителями города. Можно сказать, что умный город поддерживает локальную демократию.

Первая платформа называется «Наш город», через которую власти могут отправлять сообщения горожанам, а горожане могут связаться с правительством, чтобы осветить свои проблемы, таким образом, действует обратная связь. На платформе можно пожаловаться на различные проблемы: состояние парков, состояние дорог, нехватка инфраструктуры во дворах. На платформе «Наш город» зарегистрировано более 1 млн. пользователей и решено около 1,8 млн. проблем. Вторая платформа называется «Активный гражданин». Она позволяет собрать мнение жителей по различным аспектам работы и развития города. Например, о названии новой линии метро или по поводу сбора осенних листьев (нужно ли их собирать или оставить). Город создал систему поощрения горожан. Самые активные граждане могут получить призы (сувениры или билеты в театр, музей и др.). В системе сегодня зарегистрировалось 1,9 млн. чел. и проведено более 2600 опросов, эти опросы собрали 81 млн. откликов.

Россия, долгое время отстающая в сфере высоких технологий, уже давно обогнала Париж в этой области и гордится своими активными жителями, которые могут быть уверены, что живут в «умном и технологичном городе». Однако этот результат также содержит в себе некоторые сложности. Участие жителей города в основном поверхностное. Нельзя утверждать, что внедрение функции отправки фотографий, является истинным признаком динамичности и бурного развития местной демократии. При этом, цифровые инвестиции частично позволяют закрыть глаза на другие проблемы, которые могут быть более приоритетными, но требуют больших инвестиций или более сложных и непопулярных решений.

Результаты и выводы исследования

Таким образом, проект «Большой Москвы» в сфере внедрения инноваций представляется намного более эффективным на данный момент, по сравнению с проектом «Большого Парижа». Причинами более эффективного городского развития Москвы назовем следующие факторы:

1. Моноцентричность самого проекта и процесса его внедрения, поскольку государственные власти решили создать один центр новых технологий.

2. Процесс управления проектом на всех уровнях и на всей городской территории развивался и расширялся в рамках жестко выстроенной административно-управленческой системы, функционирующей строго иерархично.

3. Политическая организация Москвы как административно-территориальной единицы государства принципиально отличается от таковой в Париже: парламент города (городская дума), равно как и органы местного самоуправления (советы муниципальных депутатов и их председатели), фактически выступают в роли исполнителей тех или иных частей уже разработанного проекта. При такой постановке вопроса, как можно предположить, практически полностью отсутствует фактор естественного сопротивления масштабным реформам, а также то, от чего серьёзным образом страдает парижский проект — излишне дробная система распределения взаимно пересекающихся полномочий внутри сложной структуры мегаполиса, регионов и департаментов Франции. Однако подобная система внедрения проектов обладает и существенной обратной стороной, которая, как представляется, наиболее проявилась в процессе внедрения проекта расширения территории Москвы в рамках соглашения с Московской и Калужской областями, поскольку разработанный высшими властями города проект полностью проигнорировал любые мнения, поправки и комментарии местных представителей этих территорий, что сделало районы «Новой Москвы» наиболее слаборазвитой частью всего глобального проекта модернизации в целом.

4. Система групп интересов, задействованная в реализации проектов развития Москвы и Парижа, изначально оказалась организованной по различным принципам. Так можно говорить о двух наиболее важных группах, заинтересованных в развитии московского проекта: во-первых, группа властей, как городских, так и федеральных, а во-вторых — представители крупного частично, и среднего бизнеса, заинтересованные в производственном, технологическом и другом подобном обслуживании глобального проекта с огромным финансированием. Традиционно оппозиционными группами являются городские активисты, профсоюзы и ассоциации, а также экологические и прочие подобные движения (Силкин, 2005). В случае Москвы эти группы практически полностью уступили в противостоянии с первыми в борьбе за влияние на реализацию и возможность внесения в проект каких-либо существенных изменений. В случае Парижа общественные ассоциации граждан и экологические организации оказывают намного более серьёзное влияние на процесс принятия решений по всем аспектам развития проекта городской модернизации (Шедровицкий, 1989).

Однако в заключение представляется крайне важным отметить, что подобная жесткая центричность во всех применяемых руководством Москвы и проекта её модернизации в целом методов содержит ряд рисков развития потенциально опасных для улучшения качества жизни горожан ситуаций. На данный момент можно наблюдать подобные риски на примере экологической ситуации в Москве, которая не улучшается в том числе и потому, что в проекте модернизации города экологической мерой является только высадка небольших аллей деревьев, что не оказывает серьёзного положительного влияния на всю ситуацию в городе. Этот же пример показывает и вторую слабость подобного метода управления

городским развитием — среди достаточно небольшой группы ключевых политических акторов, принимающих решения, проблема экологии на данный момент является приоритетом второго или третьего порядка, что серьёзно отличает этот подход, от того, который принят в процессе модернизации Парижа и других европейских мегаполисов (Harris, 2017).

Библиографический список

1. Кодачигов, В. (2017, 23 июля). Москва начнет превращаться в умный город в 2019 году. *Ведомости*, Режим доступа <https://www.vedomosti.ru/amp/681e083711/technology/articles/2017/07/24/725446-moskva-umnii-gorod>
2. Кривобок, Р. (2013, 30 октября). Инновационный центр «Сколково». *Риа Новости*. Режим доступа <https://ria.ru/spravka/20131030/973690210.html>
3. Михайлиди, К. (2017, 11 ноября). Первая в мире сеть виртуальных магазинов появилась в России. *Федеральное агентство новостей*. Режим доступа <https://riafan.ru/995385-pervaya-v-mire-set-virtualnykh-magazinov-royavilas-v-rossii>
4. Сайт презентации инновационного кластера Сколково. Режим доступа <https://sk.ru/technopark/about/>
5. Сайт презентации парка отдыха. Режим доступа http://www.centerparcs.fr/fr-fr/france/fp_VN_vacances-domaine-villages-nature-paris?utm_source=google&utm_medium=Maps&utm_campaign=Maps_FR_Villages_Nature_Paris
6. Самарин, Е. (2017, 13 сентября). Слияние реального и виртуального: как работает умный город. Официальный сайт мэра Москвы. Режим доступа <https://www.mos.ru/news/item/29296073/>
7. Силкин, В. П. (2005). *Теоретико-методологические подходы к анализу эволюции и современного состояния городской политики в России* (Докторская диссертация).
8. Ситдигов, Р. В. (2017, 17 октября). «Сколково» создадут опытную зону сети 5G. *Риа Новости*. Режим доступа <https://ria.ru/economy/20171017/1507034826.html>
9. Транин, А. А. (1979). *Государственное регулирование урбанизации в развитых капиталистических странах (на материалах Франции)*. Москва: Наука.
10. Трущенко, О. Е. (2017). *Престиж центра. Городская социальная сегрегация в Москве*. Москва: Socio-Logos.
11. Шаталина М. (2017, 20 июля). Где ты живешь: Я живу в квартале ученых в Сколково. *The Village*, Режим доступа <http://www.the-village.ru/village/city/where/275340-skolkovo>
12. Щедровицкий, П. Г. (2005). *Философия развития и проблемы города. В Формула развития*. Сборник статей: 1987–2005. М.: Архитектура-С, сс. 167–179.
13. Cluster Roissy — Charles de Gaulle. *Сайт презентации проекта Большого Парижа*, Режим доступа www.grand-paris.jll.fr/fr/projet-grand-paris/clusters/cluster-roissy-charles-de-gaulle/
14. Harris N. & Fabricius I. (1996). *Cities and structural Adjustment*. London: UCL Press.
15. Le Plateau de Saclay, pôle de l'Innovation et de la Recherche. *Сайт презентации проекта Большого Парижа*. Режим доступа www.grand-paris.jll.fr/fr/projet-grand-paris/clusters/cluster-plateau-de-saclay/
16. Le pôle de l'aéronautique du Bourget. *Сайт презентации проекта Большого Парижа*. Режим доступа www.grand-paris.jll.fr/fr/projet-grand-paris/clusters/cluster-le-bourget/
17. Le pôle de la finance de la Défense. *Сайт презентации проекта Большого Парижа*. Режим доступа www.grand-paris.jll.fr/fr/projet-grand-paris/clusters/cluster-la-defense/
18. Le pôle de la santé Villejuif-Evry. *Сайт презентации проекта Большого Парижа*. Режим доступа www.grand-paris.jll.fr/fr/projet-grand-paris/clusters/cluster-villejuif-evry/
19. Le pôle de la vie durable autour de la Cité Descartes. *Сайт презентации проекта Большого Парижа*. Режим доступа www.grand-paris.jll.fr/fr/projet-grand-paris/clusters/cluster-descartes/

20. Paquier, J. La chance de la France: la métropolisation du Grand Paris, par Jean-François Carencu. (2016, 19 Novembre). *Le journal du Grand Paris*. Режим доступа www.lejournaldugrandparis.fr/chance-de-france-metropolisation-grand-paris-jean-francois-carencu/

Статья поступила в редакцию 28.01.2018

Статья принята к публикации 02.03.2018

Для цитирования: Воделэн Х. Большой Париж и Большая Москва: планы модернизации и инновация. – *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 2. С. 38-49.

GREAT PARIS AND GREAT MOSCOW: MODERNIZATION PLANS AND INNOVATION

Ch. Vaudelin

Chloe Vaudelin, IEP Sciences Po Bordeaux, 33607, France, Bordeaux, Allée Ausone, 11. Peoples' Friendship University of Russia, 117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maclaya Str., 10/2. E-mail: chloe.vaudelin@hotmail.fr

Abstract. The article examines the innovation policy, implemented by the leadership of global urban projects — “Greater Paris” and “Greater Moscow”. Paris and Moscow, originally two large European metropolitan areas, simultaneously began to implement global plans for the modernization and restructuring of the city space that are closely tied to the active implementation of digital technologies in the everyday life of citizens and the functioning of urban space. At the same time, the political and administrative leadership, implementing these projects, both in Moscow and Paris developed their projects according to completely different logic, in spite of the fact that initially the Moscow project tried to copy the French one to some extent. The article describes the solutions introduced for the development of both megacities, their similarities and differences. The author also compares conceptual development models used in practice in both cities (polycentric or monocentric models), and describes the process of the implementation of cluster projects, such as the “seven development clusters” in Paris and the Skolkovo project in Moscow. The third object of the study is the comparison of the policy of introducing information technologies in urban expansion projects in Paris and Moscow. Thus, it can be stated that despite the initially similar economic starting conditions, the projects of expansion, development and modernization of Paris and Moscow are currently being implemented in fundamentally different administrative and managerial concepts, which is primarily due to different mechanisms for political decision-making in France and Russia, as well as various interest groups, co-opted in the process of discussion and implementation of urban development projects. The author comes to the conclusion that at the moment (mid-2018) the modernization project of “Greater Moscow” is more effective than the “Greater Paris” project for several reasons.

Key words: innovation policy, Plateau de Saclay, Skolkovo, smart city, cluster projects, interest groups, city policy, city hall, local government.

References

1. Kodachigov, V. (2017, 23 July). Moskva nachnet prevraschatsya v umnii gorod v 2019 godu. *Vedomosti*. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/amp/681e083711/technology/articles/2017/07/24/725446-moskva-umnii-gorod>
2. Krivobok, R. (2013, 30 October). Innovacionnii centr “Skolkovo”. *Ria Novosti*. Retrieved from <https://ria.ru/spravka/20131030/973690210.html>
3. Mihailidi, K. (2017, 11 November). Pervaya v mire set virtualnih magazinov poyavilas v Rossii. *Federalnoe agentstvo novostei*. Retrieved from <https://riafan.ru/995385-pervaya-v-mire-set-virtualnykh-magazinov-poyavilas-v-rossii>
4. The website of the presentation of the innovative cluster Skolkovo. Retrieved from <https://sk.ru/technopark/about/>

5. The website of the park's presentation. Retrieved from http://www.centerparcs.fr/fr-fr/france/fp_VN_vacances-domaine-villages-nature-paris?utm_source=google&utm_medium=Maps&utm_campaign=Maps_FR_Villages_Nature_Paris
6. Samarin, E. (2017, 13 September). Sliyanie realnogo i virtualnogo: kak rabotaet umnii gorod. Official website of the Mayor of Moscow. Retrieved from <https://www.mos.ru/news/item/29296073/>
7. Silkin, V. P. (2005). *Teoretiko-metodologicheskie podhodi k analizu evolyucii i sovremennogo sostoyaniya gorodskoi politiki v Rossii* (doctoral dissertation).
8. Sitdikov, R. (2017, 17 October). V "Skolkovo" sozdatut opitnuyu zonu seti 5G. Ria Novosti. Retrieved from <https://ria.ru/economy/20171017/1507034826.html>
9. Tranin, A. A. (1979). *Gosudarstvennoe regulirovanie urbanizatsii v razvitih kapitalisticheskikh stranah* (na materialah Francii). Moscow: Nauka.
10. Truschenko, O. E. (2017). *Prestij centra. Gorodskaya socialnaya segregatsiya v Moskve*. Moscow: Socio-Logos.
11. Shatalina, M. (2017, 20 July). Gde ti jivesh: Ya jivu v kvartale uchenih v Skolkove. *The Village*. Retrieved from <http://www.the-village.ru/village/city/where/275340-skolkovo>
12. Shchedrovitskiy, P. G. *Filosofiya razvitiya i problemy goroda* [The Philosophy of Development and the Problem of the City]. In *Formula razvitiya. Sbornik statey: 1987–2005* [The Formula of Development. A Collection of Articles: 1987–2005]. M: Arhitektura-S, pp. 167–179.
13. Cluster Roissy — Charles de Gaulle. *The site of the presentation of the project of Greater Paris*. Retrieved from www.grand-paris.jll.fr/fr/projet-grand-paris/clusters/cluster-roissy-charles-de-gaulle/
14. Harris N. & Fabricius I. (1996). *Cities and structural Adjustment*. London: UCL Press.
15. Le Plateau de Saclay, pôle de l'Innovation et de la Recherche. *The site of the presentation of the project of Greater Paris*. Retrieved from www.grand-paris.jll.fr/fr/projet-grand-paris/clusters/cluster-plateau-de-saclay/
16. Le pôle de l'aéronautique du Bourget. *The site of the presentation of the project of Greater Paris*. Retrieved from www.grand-paris.jll.fr/fr/projet-grand-paris/clusters/cluster-le-bourget/
17. Le pôle de la finance de la Défense. *The site of the presentation of the project of Greater Paris*. Retrieved from www.grand-paris.jll.fr/fr/projet-grand-paris/clusters/cluster-la-defense/
18. Le pôle de la santé Villejuif-Evry. *The site of the presentation of the project of Greater Paris*. Retrieved from www.grand-paris.jll.fr/fr/projet-grand-paris/clusters/cluster-villejuif-evry/
19. Le pôle de la vie durable autour de la Cité Descartes. *The site of the presentation of the project of Greater Paris*. Retrieved from www.grand-paris.jll.fr/fr/projet-grand-paris/clusters/cluster-descartes/
20. Paquier, J. (2016, 19 November). La chance de la France: la métropolisation du Grand Paris, par Jean-François Carenco. *Le journal du Grand Paris*. Retrieved from www.lejournal dugrandparis.fr/chance-de-france-metropolisation-grand-paris-jean-francois-carenco/

For citation: Vaudelin Ch. Great Paris and great Moscow: modernization plans and innovation. – *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 2. P. 38–49.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СЕТЕВОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ¹

Е. А. Степанова

Степанова Екатерина Андреевна, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодар, Ставропольская ул., 149. Эл. почта: stepanova_ekaterina4@mail.ru.

Аннотация. В данной статье рассматривается трансформация сетевого подхода в исследованиях разных сфер науки, его использование в антропологии, социологии и политической науке как одного из гибких исследовательских инструментов. Теория сетевого подхода долгое время развивалась исключительно в рамках естественных наук, однако с развитием понятий «сетевое поле» и «социальная сеть» и широким распространением сети Интернет данным подходом заинтересовались исследователи гуманитарных сфер. Благодаря изменению и расширению методологии, сетевой подход стал доступным исследовательским инструментом как для социологов, так и для политологов. Российские политологи включили сетевой анализ в свой инструментарий не так давно. В статье анализируется структура и особенности сетевого анализа, а также его преимущества перед другими исследовательскими методами. В эпоху особой популярности сети Интернет методология сетевого подхода наиболее актуальна, поскольку позволяет исследовать сложные социальные сети и взаимоотношения их акторов. Одной из особенностей современных социальных сетей стал их переход из online-пространства в сферу офлайн для достижения собственных целей и решения проблем. Данный феномен исследуется на примере родительских онлайн-сообществ. Родительские сообщества четко разделены на сети для мам и для пап: мужские онлайн-сети только развиваются, в то время как женские сети многочисленны и активны. Данные сообщества не только отличаются целями и задачами, но и по-разному влияют на решение проблем локальной политики, выходя из онлайн-пространства в офлайн.

Ключевые слова: методология сетевого подхода, сетевой анализ, онлайн-пространство, онлайн социальные сети, сетевые сообщества, женские онлайн-сообщества, мужские онлайн-сообщества, переход из онлайн- в офлайн-пространство.

Введение

Исследователи из разных областей науки занимались изучением локальных сообществ еще с начала XX в. Понятие сообщество рассматривается учеными с двух точек зрения: в первую очередь под сообществом понимается общность людей, объединенных общей территорией, правилами взаимодействия и управления, а также имеющая собственные внутренние социальные институты (Parsons, 1966). С данной точки зрения можно рассматривать практически любую по своему составу, количеству участников и качеству общность людей, объединенную единой территорией. Вторая точка зрения базируется на коммуникации акторов внутри группы (Barnes, 1954). Сообщество рассматривается как некая объединенная общими связями и отношениями группа, которая обладает социальной сплоченностью и преследует общие для сообщества цели и задачи. Немаловажную роль в таком сообществе играет идентичность его членов. Суть отличий двух понятий сообщества состоит в различии качественных и количественных характеристик, взятых за основу понятия. В то время как сообщество в виде территориальной общности может охватывать любую локальную территорию, для сетевого сообщества, базирующегося на коммуникации, главную роль играют отношения и взаимодействие внутри группы.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-33-01313 «Сетевые ресурсы развития локальной политики в условиях новой политической реальности».

В современном мире сетевые исследования набирают все большую популярность. В первую очередь это связано с распространением и развитием сети Интернет, которое привело к образованию онлайн-сообществ, позволивших выйти за географические, социальные, временные и культурные границы. Современные сетевые сообщества формируются с целью достижения общих интересов и целей, распределяя имеющиеся и получаемые извне ресурсы внутри сообщества. Расширение границ самого понятия сообщества увеличило интерес исследователей к данной теме, а особенности взаимодействия людей, видоизменившиеся благодаря сети Интернет, в конце 1990-х — начале 2000-х гг. вывели на передний план в науке исследовательский инструментарий сетевого подхода.

Одним из основных преимуществ сетевого подхода, повлиявшим на его актуальность, явилась его способность охватывать сложные и изменяющиеся социально-политические процессы, а также анализировать характер взаимоотношений как внутри сообщества, так и между различными сообществами.

Сетевой подход: становление и развитие

Сетевой подход обрел свою популярность в начале 1990-х гг., когда изменения структуры и характеристик сообществ стали требовать расширения инструментария исследователя. Однако периодом первого появления сетевого подхода считается начало 1930-х гг., и связывают его с исследовательской деятельностью Я.Л. Морено, использовавшего метод социометрии для изучения малых групп (Moreno, 1934).

Первоначально сетевой подход преимущественно применялся в исследованиях антропологов и в прикладной экономике. Еще в 1940 г. А. Рэдклифф-Браун отметил, что для изучения любых человеческих сообществ необходимо рассматривать их не только как экономическую систему, но и с точки зрения совокупности взаимоотношений между акторами и группами, чем фактически он приравнял социальную структуру сообщества к сети социальных отношений (Radcliffe-Brown, 1940).

В последующие годы члены Манчестерской школы в процессе исследований Центральной Африки развили теорию единого социального поля и разработали несколько вариантов теории «социальной сети» (Aronson, 1970; Boissevain, Mitchell, 1973; Whitten, Wolfe, 1974). Понятие социальной сети с точки зрения инструментария исследования впервые попыталась представить Элизабет Ботт в своей книге «Семья и социальная сеть: роли, нормы и внешние отношения в обычных городских семьях» (Bott, 1957). Рассматривая семью как социальную систему, она использовала понятие социальной сети для описания взаимоотношений внутри семьи, а также для отображения внешних контактов. Немногом ранее Дж. Барнс в своем исследовании классов и сообществ в Норвежском островном приходе выделил несколько разновидностей социального поля (Barnes, 1954). Особое внимание он уделил полю с отсутствием границ, частей и координационной организации: данное поле строилось на взаимоотношениях всех жителей Бремнеса, состоящих между собой в определенных отношениях. Дж. Барнс предложил называть данный тип социального поля сетью, поскольку представлял его координацией точек, некоторые из которых соединены между собой линиями: точки представляли людей или группы, а линии показывали, кто из акторов сети с кем контактирует. Он также отмечал, что сеть не ограничивается отдельным приходом, а выходит за его рамки, включая взаимодействие с другими приходами.

Используя наработки предшественников и отталкиваясь от исследований М. Глакмана (Gluckman, 1955), представители Манчестерской школы развили концепцию

«социальной сети», выделив отдельные инструменты для ее использования, в том числе ситуационный анализ, расширенное исследование случая, а также множество других концептов. Данная совокупность инструментов сетевого подхода получила название антропологического сетевого анализа (АСА).

Еще одним исследователем, внесшим вклад в развитие сетевого подхода, был Джереми Буасвейн (Boissevain, 1979). Он считал, что сетевой анализ как инструмент имеет большое будущее и обосновал его актуальность десятью факторами:

- 1) в сетевом анализе особое внимание уделяется взаимосвязям элементов сети;
- 2) при фокусировке на отношениях элементов уделяется внимание их взаимозависимости;
- 3) фокус сетевого подхода позволяет формировать рамки исследования, что зачастую невозможно на микро- и макроуровне;
- 4) фокус исследователя направлен не только на связи, но и на их содержание;
- 5) содержание связей позволяет рассмотреть отношения сетевых акторов разных по статусу и количеству ресурсов;
- 6) сетевой анализ рассматривает динамику отношений в рамках социальной асимметрии;
- 7) сетевой подход избегает концептуальных барьеров институционального подхода;
- 8) при помощи сетевого анализа можно рассматривать социальные организации, возникшие в результате взаимодействия (лидер — последователи; продавец — покупатели);
- 9) использование инструментария сетевого анализа позволяет перенести формальный абстрактный анализ в плоскость ежедневного опыта;
- 10) наконец, сетевой подход дает возможность взаимодействовать со сложными аналитическими категориями, такими как «друзья друзей», в которых отсутствует прямой контакт с актором.

По мнению Дж. Буасвейна, антропологический сетевой анализ представляет собой простой и полезный инструмент, однако исследователь предсказал ему незавидное будущее (Boissevain, 1979). Первое — он опасался тривиальности результатов исследования, когда сложная и многочисленная выборка приводит к тому результату, который и так понятен. Второй опасностью он называл повышенную углубленность ученых в теорию математических графов. Дж. Буасвейн говорил о том, что использование техник, теорий и инструментов, предназначенных для другой науки и других целей, уничтожает и перегружает сетевой подход и называл это «борьбой с мухами с помощью динамита» (Boissevain, 1979). К началу 1970-х гг. антропологический сетевой анализ утратил былую популярность у исследователей-антропологов (Barnes, 1983). Однако сетевым подходом заинтересовались смежные науки.

Особенности методологии сетевого подхода привели к его популярности в сфере естественных наук. Благодаря этому в 1978 г. была создана Международная ассоциация исследователей в области сетевого анализа (International Network for Social Network Analysis — INSNA). Однако исследователи проблем гуманитарной направленности долгое время не замечали данного подхода, предпочитая использовать более популярные и фундаментальные теории и техники. Тем не менее сетевой подход продолжал развиваться наряду с более известными и популярными подходами, находясь в их тени вплоть до начала 1990-х гг. Исследователи связывают рост актуальности сетевого анализа с глобализацией общемировых процессов и прежде всего с сетевизацией (Градосельская, 2004). Несомненным преимуществом данного

подхода стала его универсальность, которая позволяет рассматривать любой актор с междисциплинарной точки зрения (Градосельская, 2001).

Сетевой подход в политической науке

Главным перелом в отношении к сетевому подходу произошел благодаря сети Интернет. Ее распространение и развитие наглядно отобразило примеры социального взаимодействия сообществ. Помимо этого, данное взаимодействие базировалось исключительно на отношениях внутри группы, исключая влияние территориальных, временных и социально-культурных факторов. Именно в данный период сетевой подход вошел в арсенал гуманитарно-направленных исследований. В политологической среде данный подход позволил прогнозировать и исследовать процессы с использованием не учитывавшихся ранее факторов и особенностей взаимодействия, например, проследить пути распространения политической информации (Биккулов, Чугунов, 2013).

Всплеск интереса российских политологов к сетевой методологии пришелся на начало 2000-х гг., когда одним из первых разработкой проблематики политических сетей занялся Л. В. Сморгун (Сморгун, 2001). Впоследствии отечественными учеными были выделены и обобщены основные параметры политических сетей, а именно (Мирошниченко, 2013):

- 1) основой для сетевого взаимодействия является совокупность свойств, способностей, потребностей, интересов, ресурсов и целей акторов сети;
- 2) политическая сеть действует для реализации определенных функций акторов;
- 3) регулярность отношений, основанная на ряде структурных переменных, формирует структуру сети;
- 4) сеть обладает собственными внутренними процедурными правилами и культурами;
- 5) власть внутри сети зависит от ресурсов и вероятности создания коалиции;
- 6) возможно развитие стратегий по отношению к сети и внутри нее.

Подобные характеристики политической сети можно назвать универсальными: они наиболее полно описывают суть сети.

В настоящее время сетевой анализ используется для исследования процессов формирования и взаимодействия различных политических, социальных и иных конструкций. Он позволяет сместить фокус исследования с качеств элементов структуры сообщества на связи и отношения между ними. Таким образом, основополагающим становится не характеристика акторов, а их отношение как средство объяснения поведения, целей и результатов их взаимодействия (Мирошниченко, 2013).

Базируясь на теории графов, сетевой анализ основывается на двух параметрах: узлы (вершины) и связи (ребра). С точки зрения данной теории любая сеть представляет собой совокупность узлов и связей. Узлы представляют собой акторов, составляющих элементы данной сети и взаимодействующих между собой. Данное взаимодействие и предстает в виде связей и является не чем иным, как отношениями между акторами. Любую социальную сеть можно охарактеризовать с помощью атрибутов акторов (статичных или динамических) и характеристик связей, помимо данных, сети также свойственны следующие показатели (Градосельская, 2004):

- 1) сила связи: многие исследователи разрабатывают собственный инструментарий для определения силы связи, но в общем ее можно определить как совокупность показателей: близость, продолжительность и частота;

2) размер сети: основной показатель, определяющий размер сети, — это число прямых связей, включенных в индивидуальные объединения;

3) сетевая плотность: данный показатель один из самых обобщенных; его рассматривают как силу связанности либо как соотношение между существующими и потенциальными связями;

4) сетевой ранг: данный показатель можно рассматривать как через показатель плотности, так и через размер сети; Р. Берт оценивал ранг с точки зрения общей длины маршрута, которым один элемент соединен с другим (Burt, 1980);

5) центральность и централизация: один из самых популярных показателей сети; самым простым отображением данного показателя является количество связей актора, а также насколько близко он расположен относительно других акторов;

6) эквивалентность: на основании общих характеристик актора возможно упрощение графа путем объединения акторов в новые по схожим признакам.

Универсальность и гибкость сетевого анализа, многообразие исследуемых показателей сети привели к тому, что данный подход используется практически во всех сферах научного знания. Помимо социологов и антропологов сетевой анализ широко используется в политологии для исследования политических сетей (Мирошниченко, 2014), политических институтов в пространстве сетевого фронта (Морозова, Мирошниченко, 2016), социальных сетей в контексте локальной политики (Гнедаш, 2012), сетевых ресурсов развития локальной политики (Рябченко, Мирошниченко, 2015), сложных сетей в публичной политике (Сморгунов, 2001) и др.

Как молодые ученые, так и опытные исследователи используют сетевой подход для изучения международных отношений (Деттерев, 2015), культурного сектора (Oehler, Sheppard, 2010), онлайн-сетей разной направленности (Сазанов, 2010; Гнедаш, Рябченко, 2014), а также интернет-сообществ, феномена лидерства и других объектов.

Исследования, рассматривающие онлайн-пространство, считаются формирующимся научным направлением в сетевом подходе (Рябченко, 2012). Они связаны с появлением новых онлайн-структур и новых механизмов публичного управления. Так, сетевизация социальной структуры потребовала от государства перехода к улучшению системы публичного управления путем ее модернизации (Мирошниченко, 2013). Так традиционные институты вышли в онлайн-пространство, функционируя в рамках информационно-коммуникационных технологий. Одним из ярких примеров такой модернизации может служить электронное правительство (Мирошниченко, Морозова, 2011).

Исследования новых сетевых структур, которые встраиваются в процесс публичной политики, обладают существенным потенциалом для развития сетевой теории. Многие исследования, проводимые современными учеными, однако, касаются лишь отдельных социальных сетей и взаимоотношений акторов внутри них (Суслов, 2016; Ушкин, 2015). Мало кто из исследователей рассматривает вопрос не только построения графа (Ryabchenko, Gnedash, 2016) и его анализ, но и процесс выхода сети за ее первоначальные границы, например, из онлайн в офлайн-сферу и влияние ее на локальные политические процессы (Ryabchenko, Miroshnichenko, Gnedash, Morozova, 2016).

Сетевые практики в сфере родительства

Как отмечает А.А. Гнедаш, современные социальные сети можно рассматривать как активного конструктивного и деструктивного актора, действия которого

в онлайн и офлайн-среде помогают решать проблемные вопросы современной политики (Гнедаш, 2012).

В качестве наиболее глобального примера подобного влияния можно назвать сообщество HeForShe — движение солидарности за равенство полов (HeForShe, 2017). Оно было создано организацией «ООН-Женщины» для привлечения мужчин и мальчиков к решению проблем гендерного равенства. Начав свое существование в 2014 г., в настоящий момент сообщество насчитывает в своих рядах более миллиона человек по всему миру. Действия данной сети в онлайн- и офлайн-среде приводят к реальным изменениям локальной политики. Одним из примеров подобной деятельности может служить аннулирование и запрет детских браков в области Дедза в Малави. Стоит отметить тот факт, что данное сообщество уникально. Множество других сетей не обладают подобными ресурсами и капиталом. Тем не менее их деятельность приносит реальные результаты.

Например, в 2010 г. в России было запущено движение «Молодые мамы — за справедливый закон» с целью принятия закона о страховании материнства для защиты работающих мам в период беременности. Данная акция стартовала в Санкт-Петербурге, но впоследствии ее поддержали множество других городов России (Новгород, Саратов, Брянск, Москва, Пермь, Владимир, Архангельск и др.) (Гнедаш, 2012). В настоящий момент многие сетевые сообщества, сформированные в офлайн-среде, активно выходят в онлайн-пространство. Встраиваясь в политический процесс, они выступают механизмом донесения до государства основных проблем, с которыми сталкивается сообщество.

Родительство — это одна из таких платформ в сетевой среде. Несмотря на пристальное внимание к семейной политике, государство опирается в ней на консервативную модель семьи, строящуюся на принципах традиционного гендерного разделения труда. Таким образом, мужчина оказывается традиционно исключен из семейных отношений, оставаясь в роли кормильца и добытчика в семье. Женщина, в свою очередь, рассматривается с точки зрения исполнения материнской функции. Складывается ситуация, когда декларируемая государством модель семьи и ее ценности и потребностей не совпадает с реальным положением дел. Это приводит к тому, что потребности современных родителей оказываются не удовлетворенными. Потребности в нематериальной, социально-психологической поддержке родителей вследствие снижения мобильности родителей с детьми; адаптации к родительской роли, проблемы отсутствия конкурентоспособности молодых матерей после выхода из декрета на рынке труда и другие вопросы составляют актуальную повестку дня для молодых родителей, однако не становятся предметом реальных действий государства (Чернова, 2013). Данная проблема подталкивает родителей к поиску возможностей для ее быстрого решения. Участие в сетевых онлайн-сообществах дает возможность родителям получить необходимую им информацию, помощь и поддержку от других участников сообщества. Такие сообщества создают и аккумулируют социальный капитал, способствующий достижению целей молодых родителей, добиться которых без его присутствия невозможно. Немаловажную роль играет также практическое исчезновение так называемого института бабушек.

Молодые матери нуждаются в помощи сообщества в наибольшей степени. Смена роли на родительскую, уход с рынка труда, новые обязанности родителя, социальная изоляция — все эти факторы сильно влияют на жизнь молодой матери. Поскольку современная политика мало внимания уделяет подобным нематериальным

потребностям, молодые матери вынуждены обращаться к социальному капиталу онлайн-сообществ для решения проблем и удовлетворения своих потребностей.

Онлайн-сообщества дают возможность решить хотя бы часть из них. Преобладают среди посетителей и участников социальных онлайн-сообществ молодые женщины, планирующие беременность или уже имеющие детей. Исследователи приходят к мнению, что женщины далеко опережают мужчин по использованию социальных медиа (Гнедаш, 2012). Женская активность в сетевых сообществах, обусловленная проблемой недостатка помощи и информации, связанной с родительством, породила феномен «цифровой мамы» (digital мама) (Гнедаш, 2012).

Сайт digitalmama.com с 2013 г. совместно с исследовательской компанией Factum Group проводит исследования феномена «цифровых мам» и определяет digital-маму как женщину 22–29 лет, с высшим образованием и средним доходом, которая находится в декретном отпуске или воспитывает ребенка до 6 лет (Digital мама, 2017). Согласно их исследованию, «цифровая мама» проводит в Интернете в поисках необходимой ей информации и общении около 4,2 ч. ежедневно, при этом 77% женщин — активные пользователи социальных сетей, они активно общаются и решают свои проблемы с помощью данных сообществ, а 87% опрошенных мам читают специализированные ресурсы по воспитанию детей, преимущественно сайты и онлайн-форумы.

Молодые мамы выбирают взаимодействие в онлайн социальных сетях, поскольку могут и днем, и ночью получить необходимую информацию или ответ на вопрос, а также привлечь к решению проблемы других пользователей, с кем происходили подобные ситуации. А.А. Гнедаш говорит о том, что «цифровая мама» испытывает чувство социальной безопасности, имея в социальных сетях широкий круг знакомых и друзей. Они также испытывают чувство уверенности, что в сети есть кто-то, кто занят поисками информации или обсуждением проблемы, которая волнует их самих (Гнедаш, 2012).

Молодые матери практически всегда первыми сталкиваются с последствиями гендерной асимметрии и ее влиянием на родительство. Сетевые сообщества дают им возможность решить или хотя бы облегчить часть из них. В ходе изучения влияния сетевых сообществ родителей на локальную политику и их выход из онлайн-пространства в офлайн для совершения конструктивных коллективных действий мы проанализировали 8 наиболее популярных онлайн-сообществ в сети Интернет среди мам и 6 наиболее посещаемых сообществ пап.

1. Одним из наиболее крупных сообществ в пространстве Рунета является сервис Deti.mail.ru (Дети Mail.ru, 2017). Он позиционирует себя как сайт для молодых мам, имеющих детей, или планирующих беременность. Контент данного сайта полностью сосредоточен на детях разных возрастов и их потребностях. Ресурс лидирует по степени посещаемости среди других сайтов для мам: за декабрь 2015 г. его посетило 4291 788 чел. В настоящее время количество посетителей, заглянувших на сайт за месяц, превысило 7,5 млн., а число обращений к сайту — 30,5 млн. Количество зарегистрированных участников ресурса составляет 542261 чел. Данный сайт предоставляет информационную и медицинско-консультационную помощь молодым родителям.

2. Наиболее известным в «Рунете» сообществом родителей является сеть Stranamam.ru (СтранаМам, 2017). Сайт был изначально основан в формате социальной сети для общения между мамами и бабушками для обмена опытом и информацией. Интересен тот факт, что сайт ориентирован исключительно на

женщин. Аудитория данного сайта на 99% представлена женщинами: из 665874 зарегистрированных пользователей всего 10601 — мужчина. Данный сервис занимает 3-ю строчку в рейтинге Mail.ru и за месяц его посетили более 1,7 млн. чел. (Рейтинг популярности Mail.ru, 2017). У сайта также есть две дополнительные сетевые площадки: «ВКонтакте» (67111 чел.) и «Фейсбук» (19716 чел.). Содержание ресурса достаточно многообразно: каталог учреждений для родителей, несколько программ помощи молодым мамам, возможность найти подруг по интересам среди зарегистрированных пользователей. Данная сеть начала функционировать в 2009 г. и в настоящий момент включает в себя множество дополнительных рубрик по интересам: рукоделие, кулинария, домоводство, отдых и др. Данная сеть позволяет вести дневник и общаться в группах. Помощь в рамках данной сети носит информационно-консультационный характер.

3. Еще один крупный ресурс, занимающий в рейтинге Mail.ru второе место по популярности и частоте обращений — 7ya.ru (7я.ру — портал о детях и семье, 2017). За последний месяц его посетило более 3,5 млн. чел., а количество обращений составило 10,7 млн. Данная сеть позиционирует себя как информационный проект по семейным вопросам. Помимо развлекательного и новостного контента на сайте представлена информация по беременности, родам, здоровью, красоте, воспитанию детей, образованию, домоводству, отдыху и семейным отношениям. Сайт функционирует в сети с 2010 г. и имеет преимущественно женскую аудиторию — 93% участников сообщества составляют женщины. Данный ресурс также имеет еще две сетевые площадки: «ВКонтакте» (116028 чел.) и «Фейсбук» (18304 чел.).

4. Многие онлайн-сети формируются стихийно и под влиянием общей потребности акторов. Одна из таких сетей — littleone.ru (Littleone — сайт питерских родителей, 2017). Данная сеть была сформирована питерскими родителями в 2000 г. В настоящий момент ресурс посвящен вопросам родов, беременности, детского развития и здоровья. Сайт примечателен тем, что предоставляет информацию по отдыху и досугу с детьми, предлагая конкретные места отдыха и туристические фирмы, а также содержит страницу с анализом 922 детских интернет-магазинов с учетом их рейтинга. Помимо интернет-магазинов, ресурс содержит отзывы о роддомах, детских садах и развивающих центрах Санкт-Петербурга и Москвы. У сайта есть сообщество «ВКонтакте» с количеством подписчиков — 64554 чел. Согласно статистике сайта за месяц его посетили 214478 чел.

5. Материалы еще одного сайта — Материнство.ру (Материнство, 2017) — разделены по возрастным категориям: дети от 0 до года, от 1 до 3 лет и т.д. Отдельные разделы сайта посвящены взаимоотношениям братьев и сестер, питанию и досугу, многодетным семьям, консультациям врачей, рейтингу роддомов, а также различным внутренним конкурсам. За время существования сайта его посетило более 75 млн. чел. Сам сайт функционирует с 1999 г. и имеет ТИЦ 3000. Аудитория данного ресурса также на 98% состоит из женщин.

6. В 1997 г. при поддержке медицинского портала «Медпортал.ру» начал свое существование ресурс Мама.ру (Мама.ру, 2017). Он охватывает информацию о детях с момента их зачатия и до момента младшего школьного возраста включительно. Отличительной особенностью данной сети является раздел, посвященный документам и различным социальным выплатам. Данный раздел предназначен для консультации юристов и оказания юридической помощи по семейным делам, затрагивающим любые бюрократические аспекты родительства: от обменной карты

и регистрации ребенка до пособий, выплаты материнского капитала и льготного обслуживания. Это одна из немногих родительских сетей, которая охватывает максимально большое количество категорий помощи молодым родителям. На данном сайте также присутствует раздел специально для пап (встречи из роддома, советы для пап, чего боятся папы, как ухаживать за малышом и др.). В сети представлены множество статей различного характера, включая проблемы с алиментами и наблюдения психологов. Конечно, данная сеть, как и большинство других, рассчитаны в большинстве своем на женскую аудиторию. Тем не менее тематика ресурса наиболее практически применима и универсальна. В социальных сетях «Фейсбук» и «ВКонтакте» данный ресурс имеет 13483 и 75464 чел. соответственно. Помимо этого, ресурс имеет свою страничку в «Инстаграм», на которую подписаны 964 чел.

7. Многие сообщества первоначально формировались с единственной целью, например, сеть Chado.ru (Чадо.ру, 2017) — это педиатрический сервер для родителей. На нем есть возможность получить консультацию врача-педиатра, а также и других специалистов узкой специализации. Поскольку сайт представляет собой узконаправленную сеть, возможностей для общения родителей в ней меньше. На сайте также представлена обширная библиотека по детскому здоровью. Сам сервис существует и действует при поддержке кафедр Санкт-Петербургской государственной педиатрической медицинской академии. Данный сервер функционирует в сети с 2001 г.

8. Одной из самых обширных сетей можно назвать gogodmam.ru (ГородМам.ру, 2017). Данный ресурс имеет свои площадки в социальных сетях: «ВКонтакте» (177767 подписчиков), «Фейсбук» (10049 подписчиков), «Инстаграм» (10,3 тыс. подписчиков), а также «Ютуб» (2550 подписчиков). Первоначально сайт формировался в 2001 г. для помощи молодым мамам в любых вопросах, сеть предоставляла возможность проконсультироваться с врачами, юристами и психологами. В настоящий момент данная сеть функционирует при финансовой и информационной спонсорской поддержке марки Huggies.

Как мы видим, подавляющее большинство посетителей и участников онлайн-сетей для родителей — молодые женщины, планирующие беременность или уже воспитывающие маленьких детей. В современном мире доступ к информации и своевременной помощи настолько необходим, что сетевые взаимодействия цифровых мам выходят на первый план. Наиболее интересен тот факт, что направленность интересов акторов в данных сетевых сообществах весьма разнообразна. Несмотря на то, что институт родительства является основным катализатором возникновения данных сетей, круг вопросов, решаемых и обсуждаемых их акторами, выходит за рамки исключительно проблем материнства.

И в связи с этим возникает другая проблема. Обилие сетей, сформировавшихся для решения проблем материнства, в то же время совершенно игнорируют проблемы отцовства. Гендерная асимметрия, появившаяся в результате советской семейной политики, привела к появлению феномена «отсутствующего отца» (Чернова, 2012). Российская политика невольно поддерживает данный «провал» в модели современной семьи, поскольку семейная политика государства продолжает отводить отцу роль исключительно финансового добытчика и кормильца, перекладывая социальную заботу исключительно на мать. Тем не менее современная модель семьи существенно отличается от позиционируемой и пропагандируемой государством. Данная модель уходит от патриархальной системы в пользу партнерства. Современный отец предпочитает принимать участие в воспитании и жизни сво-

его ребенка, разделяя с супругой семейные обязанности. Модель ответственного отцовства, начавшая формироваться естественным образом в начале 2000-х гг., наводит на мысль о появлении в скором времени феномена «цифровой папа».

Однако, на настоящий момент, число сетевых сообществ, сформированных в пространстве «Рунета» папами и для пап крайне мало. Большинство из них образованы без какой-либо поддержки со стороны, в отсутствие других альтернатив.

1. Один из первых ресурсов для пап был основан в 2008 г. Согласно статистике сайта Mirpap.ru (МирПап, 2017) на декабрь 2016 г. 78% пользователей — мужчины, 80% из них — в возрасте от 25 до 34 лет. Основной формат данной сети представляет собой блоги пользователей, ресурс также содержит тематические дневники, галерею (с возможностью размещения фотографий), расписание мероприятий для детей и родителей, раздел некоммерческих проектов и форум. Данная сеть существует и на платформах социальных сетей «Фейсбук», «Твиттер» и «ВКонтакте», но их аудитория весьма малочисленна и не превышает тысячи человек.

2. Другая весьма продвинутая и популярная сеть — ipapa.pro (Первая онлайн-энциклопедия для отцов, 2017). Данный ресурс создавался в рамках социального проекта «ЯПАПА». Целью проекта стала популяризация отцовства, помощь в решении вопросов и проблем, возникающих у молодых отцов, а также в совмещении счастливого отцовства с построением карьеры и обеспечением семьи. Данный ресурс примечателен тем, что ориентирован исключительно на пап. На ресурсе есть возможность завести собственный блог, однако организация и структура сети предполагает формат сетевой онлайн-энциклопедии с возможностью общения акторов между собой.

3. PAPA.PAPA.ru — сайт от пап и для пап (ПапаПапа.ру, 2017). Ресурс позиционирует себя как сеть прямо противоположную женским материнским сетям. Контент, представленный на сайте, весьма разнообразен: от советов по посещению мероприятий и путешествий до процедуры восстановления потерянных документов. Начав функционировать в 2016 г., сайт постоянно обновляется, имея при этом возможность обратиться к архивным записям. К сожалению, ресурс открыто не отслеживает количество зарегистрированных пользователей и пока не имеет групп в популярных социальных сетях.

4. Один из самых нестандартных видов сообществ для мужчин выбрал ресурс Rusbatya.ru, появившийся в 2013 г. (Журнал для пап «Батя», 2017). Сайт функционирует в формате электронного журнала для настоящих пап. Функция общения данной сети представлена на платформе «Фейсбук», где на данную сеть подписано более 3500 чел. Журнал представляет собой информационную базу со множеством статей и проектов: образовательные, исторические, религиозные, включая кулинарию специально для отцов. Данная сеть сотрудничает с благотворительным фондом «Защита семьи, материнства и детства», а также с Патриаршей комиссией по вопросам семьи, защиты материнства и детства.

5. Еще одна популярная площадка для общения отцов была создана в 2014 г. Сайт «ПапаСегодня» (ПапаСегодня, 2017) позиционирует себя как созданный для пап и всей семьи и нацелен на создание пространства для обмена опытом, новостями, информацией и полезными советами. Данная сеть позволяет вести свой собственный блог, доступный для чтения всем пользователям. «ПапаСегодня» также представлен в социальных сетях «Вконтакте» (1936 участников) и «Фейсбук» (7694 подписчика), где в сентябре 2017 г. запустила акцию #крутОтец с целью показать, что настоящие мужчины и отцы все еще существуют.

6. Формирование сетевых сообществ обусловлено, несомненно, взаимоотношениями для достижения какой-либо цели. В социальной сети «ВКонтакте» существует узкоспециализированная сеть отцов-одиночек, включающая 2806 участников (Отцы-одиночки, 2017). Основные направления общения в данной группе — психологическая и юридическая помощь отцам-одиночкам. У участников сети также есть возможность поделиться опытом воспитания детей, а также получить материальную помощь.

Отцовские сети отличаются большей лаконичностью и ограниченным подбором материала. В то время как женские сети полны медицинской, образовательной и юридической информацией, мужские сети ставят своей целью психологическую и информационно-развлекательную помощь. Фокус женских сетей «все о ребенке» смещается в сторону вопроса «все для папы».

Сетевые сообщества для родителей становятся только популярнее. С постепенным отмиранием института бабушек такие сети становятся едва ли не единственным способом получить необходимую помощь и поддержку, которую не способно дать государство в рамках своей семейной политики. Говорить о появлении феномена цифровых пап все еще рано, тем не менее отцовские сети растут и множатся. Не стоит забывать и о том, что с момента начала формирования женских сообществ прошло гораздо больше времени.

Однако один из самых важных факторов функционирования данного вида сетей в том, что сетевые сообщества иногда переходят из онлайн в офлайн-пространство для достижения своих целей. Например, как это сделала группа отцов из Санкт-Петербурга (Папа-школа.рф, 2017). Они создали «Папа-школу», где молодые отцы, могут получить все необходимые знания об отцовстве и детях. Обучение в школе проводят только мужчины, сами имеющие детей. Данная школа проводит всевозможные курсы на базе психологического центра «Наша семья».

Еще одной инициативой, запущенной в 2011 г. небольшой группой мужчин стал «Общественный совет отцов» (Совет отцов — Отцовские инициативы, 2017). Созданный для решения проблем и укрепления семьи, охраны материнства, отцовства и детства, данный Совет действует и по настоящий момент. Более того, данная инициатива была подхвачена многими городами и регионами Российской Федерации. Так, в 2011 г. губернатор Алтайского края подписал Постановление «О создании при Администрации края краевого Совета отцов» («О создании краевого Совета...», 2011). Основными целями своей деятельности Совет отцов определяют:

- позитивное представление образа мальчика и мужчины;
- кристаллизацию социальных, психологических и культурных функций мальчика в сообществе;
- формирование лидеров отцовского движения в регионах;
- формирование и развитие системы социального партнерства в сфере социально-экономических, культурных и семейных отношений.

Для достижения поставленных целей и задач, организуются школы ответственного отцовства, тренинги, семинары, беседы и различные мероприятия. В июне 2017 г. Советом отцов г. Хабаровска была проведена первая городская конференция отцов. Взаимодействия данного сообщества с краевыми и местными органами власти ярко показывает силу влияния сетевых сообществ на локальную политику.

Некоторые исследователи отмечают, что влияние социальных сетей и сообществ на решение проблем локальной политики может быть не только конструктивным,

но и деструктивным (Гнедаш, 2012). Во многом это зависит от структуры и целей сетевой структуры. Подобные сетевые сообщества также создают площадку для эффективного сотрудничества с органами власти, как это сделал Совет отцов. Стоит отметить, что женские социальные сети и их влияние на решение проблем локальной политики чаще исследовались учеными ввиду их многочисленности и многолетней активности. Тем не менее тенденции возникновения мужских социальных сетей говорят о том, что в скором времени исследования сетевых сообществ должны будут включать и мужские и женские выборки сетей. Только в таком случае будет видна общая картина изменений во взаимодействии сетевых сообществ и властных структур.

Библиографический список

1. Биккулов, А. С., Чугунов, А. В. (2013). *Сетевой подход в социальной информатике: моделирование социально-экономических процессов и исследования в социальных сетях*. СПб.: Изд-во ИТМО.
2. Гнедаш, А. А. (2012). Женские сообщества в online-пространстве: «режимы видимости» в публичной политике РФ. *Человек. Сообщество. Управление*, 1, 97–104.
3. Гнедаш, А. А. (2012). Конструктивный и деструктивный потенциал женских социальных сетей и сообществ в решении проблем современной социальной политики в РФ. *Женщина в российском обществе*, 3 (64), 59–63.
4. Гнедаш, А. А. (2012). Ресурсы, типы и функции женских online-социальных сетей в публичной политике. В *Сетевые ресурсы и практики в публичной политике (Материалы Всероссийской конференции молодых политологов)*. Краснодар: Просвещение-Юг.
5. Гнедаш, А. А., Рябченко, Н. А. (2014). Online и offline социальные сети: к вопросу о математическом обосновании стохастической модели функционирования. *Политическая экспертиза: Политэкс*, 3 (10), 91–100.
6. Гнедаш, А. А., Рябченко, Н. А. (2014). Типы пользователей online социальных сетей: теоретико-методологические основания для классификации. В *Интернет и современное общество (Материалы XVII Всероссийской объединенной конференции)*, 143–148. Санкт-Петербург.
7. Градосельская, Г. В. (2001). Сетевой анализ как метод исследования современных трансформаций. *Социально-экономическая трансформация в России: научные доклады*. Московский общественный научный фонд, Москва, 43–76.
8. Градосельская, Г. В. (2004). *Сетевые измерения в социологии*. Москва: Новый учебник.
9. Дегтерев, Д. А. (2015). Сетевой анализ международных отношений. *Вестник СПбГУ*, 6, 119–138.
10. Интернет-портал «Мир пап». Режим доступа <http://mirpap.ru>
11. Мирошниченко, И. В. (2013) *Социальные сети в российской публичной политике* (Автореферат докт. диссертации). Москва.
12. Мирошниченко, И. В. (2013). *Сетевой ландшафт российской публичной политики*. Краснодар: Просвещение-Юг.
13. Мирошниченко, И. В. (2013). Сетевой подход в политических исследованиях: содержание и направление развития. *Человек. Сообщество. Управление*, 3, 68–86.
14. Мирошниченко, И. В. (2014). Сетевой подход в политических исследованиях — сети в публичной политике. *Политическая наука: ежегодник*, 8–27.
15. Мирошниченко, И. В., Морозова, Е. В. (2011). Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и власти. *Полис. Политические исследования*, 1, 141–153.
16. Мирошниченко, И. В., Морозова, Е. В. (2016). Трансформация политических институтов в пространстве сетевого фронта. *Politbook*, 3, 36–49.
17. Мирошниченко, И. В., Рябченко, Н. А. (2015). Сетевые ресурсы развития локальной политики. *Среднерусский вестник общественных наук*, 5 (10), 38–49.

18. О создании краевого Совета отцов при Администрации Алтайского края: постановление Администрации Алтайского края от 21 октября 2011 года. Режим доступа <http://xn—dtbe2aqa1a6a7e.xn—p1ai/docs/37-region-docs/postanovlenie-administratsii-altajskogo-kрая-o-sozdanii-kraevogo-soveta-ottsov-pri-administratsii-altajskogo-kрая>
19. Официальная группа «Одинокий папа» в социальной сети «ВКонтакте» (2018). Режим доступа <http://vk.com/onlyonedad>
20. Официальный сайт исследования Digital-мам (2018). Режим доступа <http://digitalmama.com.ua>.
21. Официальный сайт сообщества «Город мам» (2018). Режим доступа <http://gorodmam.ru>
22. Официальный сайт сообщества «Дети.mail» (2018). Режим доступа <http://deti.mail.ru>
23. Официальный сайт сообщества «Мама.ру» (2018). Режим доступа <http://mama.ru>
24. Официальный сайт сообщества «Материнство» (2018). Режим доступа <http://materinstvo.ru>
25. Официальный сайт сообщества «Семья» (2018). Режим доступа <http://7ya.ru>
26. Официальный сайт социальной сети «Страна мам» (2018). Режим доступа <http://stranamam.ru>
27. Педиатрический сервер для родителей «Чад.ру» (2018). Режим доступа <http://chad.ru>
28. Первая онлайн-энциклопедия для отцов (2018). Режим доступа <http://ipapa.pro>
29. Рейтинг популярности Mail.ru (2018). Режим доступа <http://top.mail.ru/rating/house-children/month/visitors>
30. Рябченко, Н. А. (2012). *Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России: этапы, акторы, технологии*. (Автореферат канд. диссертации). Краснодар.
31. Сазанов, В. М. (2010). *Социальные сети как новая общественная среда. Системный анализ и прогноз*. Москва: Лаборатория СВМ.
32. Сайт от пап для пап (2018). Режим доступа <http://papapapa.ru>
33. Сайт питерских родителей «LittleOne» (2018). Режим доступа <http://littleone.ru>
34. Сморгун, Л. В. (2001). Сетевой подход к политике и управлению. *Полис: Политические исследования*, 3, 103–113.
35. Совет отцов — отцовские инициативы. Алтайский край. Режим доступа <http://xn—dtbe2aqa1a6a7e.xn—p1ai/advice>
36. Суслов, С. И. (2016). Симуляция эхо-камер в сетевом анализе online-сообществ в социальной сети «ВКонтакте» на примере петербургского политического сегмента сети. *Теории и проблемы политической науки*, 3, 136–146.
37. Ушкин, С. Г. (2015). Отношения дружбы в виртуальных социальных сетях (на примере социальной сети «ВКонтакте»). *Социум и власть*, 5 (56), 71–76.
38. Чернова, Ж. В. (2012). Сообщества родителей: новые формы солидарности и ресурсы мобилизации. *Женщина в российском обществе*, 3, 36–52.
39. Чернова, Ж. В. (2013). Родительство в современной России: политика государства и гражданские инициативы. *Мониторинг общественного мнения*, 7 (113), 51–61.
40. Электронный журнал «Батя». Режим доступа <http://rusbatya.ru>
41. Aronson, D. (1970). Editor's Preface. *Canadian Review of Social Anthropology*, 7, 221–225.
42. Barnes, J. (1954). Class and Committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*, 1 (7), 39–58.
43. Barnes, J. (1983). Graph theory in Network Analysis. *Social Networks*, 5, 235–244.
44. Boissevain, J. & Mitchell, J. (1973). *Network analysis. Studies in Human Interaction*. The Hague: Mouton.
45. Boissevain, J. (1979). Network Analysis: A Reappraisal. *Current Anthropology*, 2 (20), 392–394.
46. Bott, E. (1957). *Family and Social Network: Roles, Norms and External Relationships in Ordinary Urban Families*. London: Tavistock.
47. Burt, R. (1980). Models of Network Structure. *Annual Review of Sociology*, 6, 79–141.
48. Gluckman, M. (1955). *Custom and Conflict in Africa*. Oxford: Basil Blackwell.
49. Moreno, J. (1934). *Who shall survive?* Nervous and Mental Disease Publishing Co. Washington.

50. Oehler, K., Sheppard, St. (2010). The Potential of Social Network Analysis for Research of the Cultural Sector. Режим доступа <http://www.c-3-d.org/library/pdfs/NetworkAnalysisAndCulture.pdf>.
51. Official site HeForShe (2017). Режим доступа <http://www.heforshe.org/en>
52. Parsons, T. (1966). *The Concept of Society: The Components and their Interrelations. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
53. Radcliff-Brown, A. (1940). On Social Structure. *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, 1 (70), 1–12.
54. Ryabchenko, N. A. & Gnedash, A. A. (2016). Civic Tech Communities as a Modern Practice Of Social Reality Changes In The Era Of Digital Transformation. *International Journal of Control Theory and Applications*, 9 (35), 49–57.
55. Ryabchenko, N. A., Miroshnichenko, I. V., Gnedash & A. A., Morozova, E. V. (2016). Crowdsourcing systems on facebook platform: Experiment in implementation of mathematical methods in social research. *Journal of Theoretical and Applied Information Technology*, 85, 136–145.
56. Whitten, N. & Wolfe, A. (1974). *Network Analysis. Handbook of Social and Cultural Anthropology*. Chicago, 717–746.

Статья поступила в редакцию 23.11.2018

Статья принята к публикации 12.03.2018

Для цитирования: Степанова Е.А. Теория и методология сетевого подхода в исследованиях российских онлайн-сообществ. – Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 2. С. 50–66.

THE THEORY AND METHODOLOGY OF THE NETWORK APPROACH IN RESEARCHES OF RUSSIAN ONLINE-COMMUNITIES

E. A. Stepanova

Ekaterina A. Stepanova, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar, ul. Stavropolskaya, 149 E-mail: stepanova_ekaterina4@mail.ru.

The study was carried out through the financial support of the Russian Fund of Fundamental Research (RFFR), as part of the scientific project «Network Resources of the Development of Local Policy under New Political Reality» (№ 15–33–01313, 2015–2017, supervised by N. A. Ryabchenko).

Abstract. This article analyses the transformation of network approach research in different areas of science, its use in anthropology, sociology and political science, as one of the most flexible research tools. For a long time the theory of network approach has developed within the framework of natural science, but with the appearance of “network field” and “social network” concepts supported by the spreading of the Internet, researchers in the humanities also got interested in this approach. Due to the change in and the expansion of methodology, network approach has become an accessible research tool for both sociologists and political scientists. Russian political scientists have added network analysis to their toolkit comparatively recently. This paper examines the structure and basic characteristics of network analysis, as well as its advantages over other research methods. Now that the Internet is so popular, the network approach methodology is most relevant, because it allows to research complex social networks and the interrelationship between their actors. One of the most expressive features of modern social networks is the transition from online- to offline-space to achieve their own goals and to solve problems. This phenomenon is studied in the given article on the material of parents’ online-communities. Parents’ communities are divided into networks for moms and dads: male online-networks are only evolving, while female networks are numerous and active. These communities not only differ in their goals and objectives, but they also differently affect the solution of local policy problems by transition from online- to offline-space.

Key words: network approach methodology, network analysis, online-space, online-social networks, network communities, female online-communities, male online-communities, the transition from online- to offline-space.

References

1. Aronson, D. (1970). Editor's Preface. *Canadian Review of Social Anthropology*, 7, 221–225.
2. Barnes, J. (1954). Class and Committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*, 1 (7), 39–58.
3. Barnes, J. (1983). Graph theory in Network Analysis. *Social Networks*, 5, 235–244.
4. Bikkulov, A. S. & Chugunov, A.V. (2013). *Setevoy podhod v sotsial'noy informatike: modelirovanie ekonomicheskikh protsessov i issledovaniya v sotsial'nykh setyakh* [Network Approach in Social Informatics: Modelling of Social and Economic Processes and Research in Social Networks]. SPb.: Izd-vo ITMO.
5. Boissevain, J. & Mitchell, J. (1973). *Network analysis. Studies in Human Interaction*. The Hague: Mouton.
6. Boissevain, J. (1979). Network Analysis: A Reappraisal. *Current Anthropology*, 2 (20), 392–394.
7. Bott, E. (1957). *Family and Social Network: Roles, Norms and External Relationships in Ordinary Urban Families*. London: Tavistock.
8. Burt, R. (1980). Models of Network Structure. *Annual Review of Sociology*, 6, 79–141.
9. Chernova, Zh. V. (2013). Roditel'stvo v sovremennoy Rossii: politika gosudarstva i grazhdanskie initsiativy [Parenthood in Modern Russia: State Policy and Civic Initiatives]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion], 7 (113), 51–61.
10. Chernova, Zh.V. (2012). Soobshchestva roditel'ey: novyye formy solidarnosti i resursy mobilizatsii. [Parent communities: new forms of solidarity and mobilization resources]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society], 3, 36–52
11. Degterev, D. A. (2015). Setevoy analiz mezhdunarodnykh otnosheniy. [Network analysis of International Relations]. *Bulletin of St. Petersburg State University*, 6, 119–138.
12. Elektronnyy zhurnal "Batya" [The Electronic Journal "Batya"]. Retrieved from <http://rusbatya.ru>
13. Gluckman, M. (1955). *Custom and Conflict in Africa*. Oxford: Basil Blackwell.
14. Gnedash, A. A. (2012). Konstruktivnyy i destruktivnyy potentsial zhenskikh sotsialnykh setey i soobshchestv v reshenii problem sovremennoy sotsial'noy politiki v RF [Constructive and destructive potential of female social networks and communities in solving of problems of modern social policy in Russia]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society], 3 (64), 59–63.
15. Gnedash, A. A. (2012). Resursy, tipy i funktsii zhenskikh online-sotsial'nykh setey v publichnoy politike [The Resources, Types and Functions of Women's Online-Social Networks in Public Policy]. In *Setevye resursy i praktiki v publichnoy politike* [Network Resources and Practices in Public Policy] (Materials of the All-Russian Conference of Young Political Scientists). Krasnodar: Prosveshchenie-Yug.
16. Gnedash, A. A. (2012). Zhenskie soobshchestva v online-prostranstve: «rezhimy vidimosti» v publichnoy politike RF [Women's communities in online space: «modes of visibility» in public policy of the Russian Federation]. *Human. Community. Management*, 1, 97–104.
17. Gnedash, A. A., Ryabchenko, N. A. (2014). Tipy polzovateley online sotsial'nykh setey: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya dlya klassifikatsii [Types of Online Networks Users: Theoretical and Methodological Basis for Classification.]. In *Internet i sovremennoye obshchestvo* [Internet and Modern Society] (Materials of XVII All-Russian Joint Conference) (pp. 143–148). Sankt-Peterburg.
18. Gnedash, A. A. & Ryabchenko, N. A. (2014). Online i offline sotsial'nyye seti: k voprosu o matematicheskom obosnovanii stokhasticheskoy modeli funktsionirovaniya [Online and Offline Social Networks: on the Mathematical Justification of the Stochastic Model]. *Political expertise: Politex*, 3 (10), 91–100.
19. Gradoselskaya, G. V. (2001). Setevoy analiz kak metod issledovaniya sovremennykh transformatsiy. [Network Analysis as a Method of Research into Modern Transformations]. *Sotsialno-eko-*

- nomicheskaya transformatsiya v Rossii: nauchnye doklady* [Socio-Economic Transformation in Russia: Scientific Reports]. Moscow Public Scientific Foundation, pp. 43–76.
20. Gradoselskaya, G. V. (2004). *Setevye izmereniya v sotsiologii* [Network measurements in sociology]. Moskva: Novyj uchebnik.
 21. Internet-portal “Mir pap” [Web portal “The World of Dads”] (2018). Retrieved from <http://mirpap.ru>.
 22. Miroshnichenko, I. V. & Morozova, E. V. (2011). Setevye soobshchestva v usloviakh chrezvychaynykh situatsii: novye vozmozhnosti dlia grazhdan i dlia vlasti [Network Communities in the Conditions of Emergency Situations: New Opportunities for Citizens and Power]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1, 141–153.
 23. Miroshnichenko, I. V. (2013) *Sotsial’nyie seti v rossiyskoy publichnoy politike* [Social Networks in the Public Russian Policy] (Abstract of the Doct. Dissertation). Moskva.
 24. Miroshnichenko, I. V. (2013). *Setevoy landschaft rossiyskoy publichnoy politiki* [Network Landscape of the Russian Public Policy]. Krasnodar: Prosveshchenie-Yug.
 25. Miroshnichenko, I. V. (2013). Setevoy podhod v politicheskikh issledovaniyah: sodержanie i napravlenie razvitiya [Network Approach in Political Studies: Content and Trends]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 3, 68–86.
 26. Miroshnichenko, I. V. (2014). Setevoy podhod v politicheskikh issledovaniyakh — seti v publichnoy politike [Network Approach in Political Research — Networks in Public Policy]. *Political Science: Yearbook*, 8–27.
 27. Miroshnichenko, I. V., Morozova, E. V. (2016). Transformatsiya politicheskikh institutov v prostranstve setevogo frontira [Transformation of Political Institutions in Network Frontier’s Space]. *Politbook* [Politbook], 3, 36–49.
 28. Miroshnichenko, I. V., Ryabchenko, N. A. (2015). Setevye resursy razvitiya lokalnoy politiki [Network Resources of Development of Local Policy]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], 5 (10), 38–49.
 29. Moreno, J. (1934). *Who shall survive?* Nervous and Mental Disease Publishing Co. Washington.
 30. O Sozdanii kraevogo Soveta otcov pri Administratsii Altayskogo kraia: postanovlenie Administratsii Altayskogo kraia ot 21 oktyabrya 2011 goda [On the Establishment of the Regional Council of Fathers under the Administration of the Altai Territory: Resolution of the Administration of the Altai Territory of October 21], 2011. Retrieved from <http://xn—dtbe2aqa1a6a7e.xn—p1ai/docs/37-region-docs/postanovlenie-administratsii-altajskogo-kraia-o-sozdanii-kraevogo-soveta-otcov-pri-administratsii-altajskogo-kraia>
 31. Oehler, K., Sheppard, St. (2010). The Potential of Social Network Analysis for Research of the Cultural Sector. Retrieved from <http://www.c-3-d.org/library/pdfs/NetworkAnalysisAndCulture.pdf>.
 32. Official site HeForShe (2017). Retrieved from <http://www.heforshe.org/en>
 33. Oficial’naya gruppa “Odinokiy papa” v social’noy seti “VKontakte” [The Official Group “The Lonely Dad” in the Social Network “VKontakte”] (2018). Retrieved from <http://vk.com/onlyonedad>
 34. Oficial’nyy sayt issledovaniya Digital-mam [The Official Website Site of “The Digital-mom” Study] (2018). Retrieved from <http://digitalmama.com.ua>.
 35. Oficial’nyy sayt social’noy seti “Strana mam” [The Official Website of the Social Network “The Country Mothers”] (2018). Retrieved from <http://stranamam.ru>
 36. Oficial’nyy sayt soobshchestva “Deti.mail” [The Official Website of “The Children.mail” Community] (2018). Retrieved from <http://deti.mail.ru>
 37. Oficial’nyy sayt soobshchestva “Gorod mam” [The Official Website of “The City of Moms” Community] (2018). Retrieved from <http://gorodmam.ru>
 38. Oficial’nyy sayt soobshchestva “Mama.ru” [The Official Website of “The Mama.ru” Community] (2018). Retrieved from <http://mama.ru>
 39. Oficial’nyy sayt soobshchestva “Materinstvo” [The Official Website of “The Motherhood” Community] (2018). Retrieved from <http://materinstvo.ru>

40. Oficial'nyy sayt soobshchestva "Sem'ya" [The Official Website of "The Family" Community] (2018). Retrieved from <http://7ya.ru>
41. Parsons, T. (1966). *The Concept of Society: The Components and their Interrelations. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
42. Peditricheskiiy server dlya roditeley "Chado.ru" [The Pediatric Server for Parents "The Chado.ru"] (2018). Retrieved from <http://chado.ru>
43. Pervaya onlayn-ehnciklopediya dlya otcov [The First Online Encyclopaedia for Fathers] (2018). Retrieved from <http://ipapa.pro>
44. Radcliff-Brown, A. (1940). On Social Structure. *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, 1 (70), 1–12.
45. Reyting populyarnosti Mail.ru [Popularity rating Mail.ru] (2018). Retrieved from <http://top.mail.ru/rating/house-children/month/visitors>
46. Ryabchenko, N. A. (2012). *Institutsionalizatsiya publichnoy politiki v online-prostranstve sovremennoy Rossii: etapy, aktory, tekhnologii* [Institutionalization of Public Policy in the Online-space of Today Russia: stages, actors, technologies] (Abstract of the Cand. Dissertation). Krasnodar.
47. Ryabchenko, N. A. & Gnedash, A. A. (2016). Civic Tech Communities as a Modern Practice Of Social Reality Changes In The Era Of Digital Transformation. *International Journal of Control Theory and Applications*, 9 (35), 49–57.
48. Ryabchenko, N. A., Miroschnichenko, I. V., Gnedash & A. A., Morozova, E. V. (2016). Crowdsourcing systems on facebook platform: Experiment in implementation of mathematical methods in social research. *Journal of Theoretical and Applied Information Technology*, 85, 136–145.
49. Sayt ot pap dlya pap [The Official Website "From Dads for Dads"] (2018). Retrieved from <http://papapapa.ru>
50. Sayt piterskih roditeley "LittleOne" [The Official Website of the St. Petersburg's Parents "The LittleOne"] (2018). Retrieved from <http://littleone.ru>
51. Sazanov, V. M. (2010). *Sotsial'nyie seti kak novaya obshchestvennaya sreda* [Social Networks as a New Social Environment. System Analysis and Forecast]. Moskva: Laboratoriya SVM.
52. Smorgunov, L. V. (2001). Setevoy podhod k politike i upravleniju [Network Approach to Policy and Management]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis: Political Studies], 3, 103–113.
53. Sovet otsov — otsovskie initsiativy. Altayskiy kray [Council of Fathers — Father's Initiatives. Altai Region]. Retrieved from <http://xn—dtbe2aq1a6a7e.xn—p1ai/advice>
54. Suslov, S. I. (2016). Simulyatsiya ekho-kamer v setevom analize online-soobshchestv v sotsial'noy seti "VKontakte" na primere peterburgskogo politicheskogo segmenta seti [Echo Chamber's Simulation in Social Network Analysis of Online Communities in Social Network "VKontakte" by the example of the St. Petersburg political network segment]. *Teorii i problemy politicheskoy nauki* [Theories and Problems of Political Science], 3, 136–146.
55. Ushkin, S. G. (2015). Otnosheniya druzhby v virtualnykh sotsial'nykh setyakh (na primere sotsial'noy seti "VKontakte"). [Relations of Friendship in Virtual Social Network (as Exemplified by Social Network Vkontakte)]. *Socium i vlast'* [Social Life and Power], 5 (56), 71–76.
56. Whitten, N. & Wolfe, A. (1974). Network Analysis. *Handbook of Social and Cultural Anthropology*. Chicago, 717–746.

For citation: Stepanova E.A. The theory and methodology of the network approach in researches of Russian online-communities. – *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 2. P. 50–66.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА¹

Е. А. Блинова

Блинова Елена Александровна, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. Эл. почта: caudex@yandex.ru.

Аннотация. Цель исследования — проследить, каким образом сочетаются два подхода в политической науке — оценивание публичной политики и сетевой анализ. Оба подхода по отдельности активно используются при анализе публичной политики, и мы ставим задачу выяснить, каким образом и на основе чего возможен их синтез.

Методология исследования базируется на подходе публичного руководства (governance), а также теории игр и подходе экономики соглашений (неоинституциональная теория). Они позволяют проанализировать правила взаимодействия акторов, принципы, которыми они руководствуются, а также особенности координации в рамках сети.

Основные выводы исследования: оценивание публичной политики прошло в своем развитии несколько этапов и в начале XXI века подошло очень близко к слиянию с сетевым подходом в рамках публичного руководства. Тем не менее в научной литературе встречается крайне мало исследований, уделяющих внимание этому феномену. Стандартный сетевой анализ не дает возможности изучить динамичный, разноплановый характер функционирования сетей, а также внешние проявления политической активности сетей в публичной сфере. Вместе с тем конструктивистский подход к оцениванию, делающий акцент на делиберативных аспектах — важности общественных обсуждений в публичной политике — также упирается в «черный ящик» и невозможность определить, что стало источником проблем — дизайн программы или ее реализация. Для решения проблем, возникающих на стыке оценивания и сетевого анализа, мы привлекли теорию игр и подходы governance и экономики соглашений.

Данное исследование показало возможность и перспективность объединения двух методологических подходов — оценивания публичной политики и сетевого анализа для устранения индивидуальных ограничений.

Ключевые слова: оценивание программ, публичная политика, сетевой анализ, теория игр, публичное руководство, неоинституционализм.

В данной статье мы собираемся проследить, каким образом сочетаются два подхода в политической науке — оценивание публичной политики и сетевой анализ. Оба подхода по отдельности вполне успешно применяются для изучения публичной политики, и мы ставим задачу выяснить, возможно ли их объединить с целью устранения индивидуальных ограничений.

Оценка программ и публичной политики — актуальное явление в сфере государственного управления и социального развития многих стран мира. В англоязычной литературе оно обозначается термином *policy and program evaluation*. Как показала практика, использование оценки программ в деятельности государственных организаций позволяет повысить их прозрачность и подотчетность, а также повышает эффективность и продуктивность их функционирования. В нашей статье мы рассмотрим взаимосвязь двух областей политической науки — оценки программ и публичной политики (*policy and program evaluation*)

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00705 «Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях: методологический синтез как аналитическая стратегия».

и сетевого анализа. Для начала приведем некоторые полезные для нашей статьи определения оценивания. М. Пэттон, разработавший подход оценки, ориентированной на использование, дает следующее определение: «оценивание — это систематический сбор информации относительно характеристик и результатов политики, улучшения ее эффективности и помощи в принятии информированных решений по поводу ее дальнейшего развития» (Patton, 1997). Более приближенное к социальным наукам определение можно найти у П. Росси «оценивание заключается в использовании социологических методов для систематического изучения эффективности социальных программ» (Rossi, Lipsey, Freeman, 2004). И наконец, определение с точки зрения публичного управления дал Е. Хаус «оценка публичной политики — это институт повышающий демократичность публичных решений, так как он делает программы и политику более открытыми для общественного изучения и обсуждения» (House, 1999). Оценивание на Западе успешно развивается и как учебная дисциплина, и как профессиональная деятельность.

Сетевой подход в последние годы также обрел широкую поддержку в научном сообществе. В методологическом плане здесь одинаково хорошо разработаны как качественные, так и количественные методы, в том числе статистическое моделирование: процедуры квадратичного распределения (quadratic assignment procedures QAPs), экспоненциальные модели случайных графов (exponential random graph models ERGMs) и стохастические актор-ориентированные модели (stochastic actor-oriented models SAOMs). При этом для повышения объяснительного потенциала исследователи в политической науке прибегают к комбинированию сетевого подхода с такими методологиями, как теория рационального выбора, теория игр и др. Проблема заключается в том, что большинство научных результатов в рамках сетевого политического анализа лежит в плоскости объяснения природы самих сетей, их динамики, стратегий акторов, но не объяснения публичной политики. При анализе сетевого взаимодействия экономисты в первую очередь изучают координацию действий между акторами. В то же время политическая наука обращает больше внимания на особенности публичного управления — на то, как акторы сети влияют на сообщество в целом. Использование сетевого анализа для изучения публичного управления на региональном уровне связано с рядом проблем. Во-первых, сетевой анализ в основном имеет статичный характер, а политические сети по своему характеру высоко динамичны. Динамический характер сетевого взаимодействия выражается в том, что по сравнению с организацией сеть — менее стабильная структура, которая нуждается в институализации посредством соответствующих правил и норм. По мере развития региона система управления также должна адаптироваться к изменениям.

Во-вторых, сетевой анализ часто исследует одно измерение, в то время как политические сети могут иметь разноплановый характер: персональные, организационные и институциональные отношения пересекаются в сложной структуре с большой размерностью. Многоуровневый характер сетей отражает человеческий фактор. Персональный стиль взаимодействия представителей правительственных структур или организаций гражданского общества влияет как на характер отношений внутри сети, так и на характер всей сети как социальной единицы.

И, наконец, в-третьих, оценка сетей часто ограничивается внутренними процессами коммуникации, в то время как сети управления проявляют себя и через внешнюю активность, влияя на развитие конкретных сфер в регионе. Во время

проведения оценки сети необходимо учитывать три формы взаимоотношений: во-первых, межличностные отношения между двумя или более акторами, во-вторых, взаимоотношения между группой акторов и остальными членами организации и, в-третьих, общее взаимодействие между многочисленными индивидами, которые вместе формируют политическую повестку. Их может объединять общее корпоративное чувство сопричастности невидимому коллективу. Оценка сетевого публичного управления должна разделять уровни взаимоотношений внутри и вне сети и анализировать их по отдельности. Внутри сети преобладают процессы коммуникации между членами сети, но они этим не ограничиваются. Также могут быть дополнительные важные процессы коммуникации, например, между членами сети и регулирующими органами.

Следовательно, во время оценки сетевого публичного управления нужно обращать внимание на три аспекта — 1) динамическое развитие сетей; 2) многоуровневый характер управления; 3) наличие большого количества факторов помимо коммуникации между членами сети.

История становления двух подходов

Эта статья обращается к вопросу взаимосвязи оценки публичной политики и сетевого анализа, основываясь на обзоре литературы по оцениванию и сетевому подходу. Выводы, к которым мы пришли, во многом обусловлены предшествующей историей становления обеих концепций. По мнению исследователя Х. Вольмана (Wollman, 2003), в становлении оценки политики и программ можно выделить три волны. Первая волна связана с возникновением государства всеобщего благосостояния в США и европейских странах после Второй мировой войны. На первом этапе оценку использовали для измерения непосредственных результатов (outputs) от проводимой социальной политики. После нефтяного кризиса в 1970-х гг. к власти в западных странах пришли такие лидеры как Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер, нацеленные на сокращение бюджетных расходов и свертыwanie государственных социальных программ. Поэтому на втором этапе оценка программ заключалась в измерении в первую очередь государственных расходов (inputs) и экономии ресурсов. Конец 1980-х гг. был ознаменован появлением нового подхода в государственном управлении — нового государственного менеджмента. Он принес с собой новую форму координации деятельности внутри административной системы — теперь на смену иерархическому принципу пришел рыночный механизм. Эффективность работы государственной системы управления обрела новые показатели — соотношения затрат и выгод, ориентация на получение прибыли, эффективное в экономическом плане расходование имеющихся ресурсов. Для этого использовались такие механизмы, как аусторсинг, агенсификация, борьба с дублированием функций различными органами и др. Во время этой третьей волны развития оценки программ стали доминировать следующие типы оценивания — оценка краткосрочных (outputs) и среднесрочных (outcomes) результатов, оценка эффективности как соотношения «затрат — выгод» или «затрат — результативности», а также самооценка (self-evaluation) в виде мониторинга за достижением различных индикаторов. Как мы видим, оценка программ на протяжении своего развития в XX в. выполняла в первую очередь менеджериальную функцию и использовалась для контроля за проведением программы или предоставления отчетности о проделанной работе и достигнутых результатах.

Одновременно в политической науке активно разрабатывался еще один подход к оценке публичной политики — теория сетей. Многие авторы внесли вклад в разработку теории сетей — Э. Остром, Р. Роудс, Д. Марш, Д. Кноук, Т. Берцель, Дж. Марч и др. Таня Берцель определяет политическую сеть как «набор относительно стабильных неиерархических взаимосвязанных отношений, объединяющих разнообразных акторов с общими интересами относительно политического развития и обменивающихся ресурсами для достижения общих интересов, признающих, что кооперация — лучшая стратегия для достижения общих целей» (Börzel, 1997).

Возвращаясь к подходу нового государственного менеджмента, со временем оказалось невозможным основывать государственное управление на чисто рыночных принципах координации в связи с явлениями провалов рынка — наличием монополий, внешних эффектов (экстерналий), асимметричностью информации и др. Стало очевидным, что государственное управление также должно обеспечивать потребность в социальной эффективности и справедливости. В ответ на критику нового государственного менеджмента возникла новая концепция публичного руководства (governance). Согласно концепции «публичного руководства» происходит переход к новой форме координации деятельности между государством и гражданским обществом. На смену иерархическому и рыночному механизмам координации приходит сетевое горизонтальное взаимодействие между организациями гражданского общества, причем государство выступает здесь не в качестве равноправного игрока, а в роли арбитра, следящего за соблюдением правил и создающего инфраструктуру.

Тема взаимосвязи оценки публичной политики и сетевого анализа мало разработана как в отечественной, так и в западной литературе. На наш взгляд, для исследования данной взаимосвязи перспективными представляются три подхода — теория игр, подход «экономики соглашений» Л. Тевено и Л. Болтянски, а также оценивание как функция государственного управления в подходе публичного руководства.

Пригодность теории игр для оценивания политики

Большая часть современной публичной политики формулируется и реализуется в рамках сетей с множеством акторов. В рамках оценивания можно говорить о двух подходах, затрагивающих многоакторность сетевого общества: конструктивистский подход и аналитический подход.

Конструктивистское оценивание ориентировано на процесс (Guba, Lincoln, 1989) и заключается в повышенном внимании к участию, диалогу, взаимодействию и подобной активности в оценивании. Оценивание публичной политики в сетевом обществе требует определенных методов. Конструктивистское оценивание публичной политики и программ основывается на подходе теории изменений. Данный подход предполагает причинно-следственные связи и каузальные цепи для определения того, работает или нет политика или программа. В большинстве случаев акторы рассматриваются как часть предварительных теорий или результат причинно-следственных связей. Все акторы играют роль в производстве непосредственных и долгосрочных последствий. Конструктивистский подход предлагает пути изучения того, какой вклад разнообразные акторы в цепи событий вносят в достижении желаемых результатов. Тем не менее он не предла-

гает способов понять, почему акторы не вносят вклад или как могут получиться неутешительные результаты из взаимодействия акторов, обладающих добрыми намерениями и в целом поддерживающих цели и задачи политики. В результате многие оценщики сталкиваются с трудностями при объяснении того, что происходит во время реализации проекта или политики. Они упираются в «черный ящик» реализации, который не позволяет отделить ошибки дизайна от ошибок реализации.

Аналитический подход, куда и относится теория игр, менее развит. Теория игр широко используется в экономике и политической науке, однако в литературе по оцениванию на данный момент мало применяется. Поэтому вопросы относительно пригодности теории игр в качестве методов оценивания остаются уместными. В идеале теория игр позволяет приоткрыть «черный ящик» реализации политики, когда эта реализация зависит от действий нескольких независимых акторов. Данный потенциал проистекает не столько из математического использование теории игр, сколько из использования теории игр как формального моделирующего подхода, который обрисовывает структуру и добавляет строгости к изучению социальных процессов. Рассмотрим потенциал применения теории игр в оценивании публичной политики. Сетевое управление характеризуется наличием множества акторов и связей, которые формируют политику и ее реализацию, и в связи с этим определяют результаты. В большинстве случаев понимание ошибок реализации политики возможно путем анализа роли различных акторов, занимающихся реализацией. Во время реализации политики акторам необходимо сотрудничать. Вместе с тем они сталкиваются с принуждением, давлением и различными приоритетами. Также во время реализации необходимо осуществлять специфический выбор, требующий профессиональных суждений. Если политика или программа долгосрочная, то в ее реализации будут встречаться повторяющиеся действия и паттерны взаимодействия. Поэтому акторы могут выяснить, как обыграть систему, что добавляет еще большие сложности в понимание результатов, основываясь на начальном дизайне политики (Hermans, 2014). И если мы заинтересованы в долгосрочных результатах действия множества акторов, требуется более тщательный анализ взаимодействия между акторами. В теории игр акторы должны координировать свое поведение с другими и предугадывать поведение контрагентов, чтобы выстраивать свое поведение. Теория игр основана на предположении, что результат взаимодействия можно объяснить с позиций рационального выбора индивидуальных участников. В общих чертах теория игр включает следующие основные понятия. Игроки (синоним слова акторы) включают людей, правительства, организации. В игре участники обладают определенным числом возможных ходов — действий. Последовательность действий, которые совершают игроки, называется стратегия. Часто стратегии выбираются игроками в соответствии с ожидаемыми решениями других игроков. Объединенные стратегии всех игроков определяют последствия игры. Игроки обладают различными предпочтениями среди возможных последствий. Понятие выигрыша используется для обозначения ценности этих последствий для различных игроков. Игры проводятся в соответствии с правилами, предписывающими разрешенные, запрещенные и необходимые действия и стратегии. Различные правила могут привести к различным последствиям. Однако теория игр не занимается изучением этих правил, ими занимается институциональный ана-

лиз. Предполагается, что формальные модели теории игр могут достаточно аккуратно симулировать ряд игр в реальном мире и что их можно использовать для анализа вопросов назначения и справедливости распределение ценностей между акторами. Классическая теория игр имеет важные ограничения, которые могут сказаться на использовании теории игр в оценке. В основе классической теории игр лежит следующее предположение — ограниченное количество полностью рациональных акторов участвует в изолированной игре. Вместе с тем требуется полная информация об игре и правилах игры, а также о предпочтениях игроков и функциях полезности. Для преодоления данных ограничений возникли подвиды теории игр, например, теория мета-игр, анализ гипер-игр, также игры с неполной информацией, с асимметричной информацией, игры с неопределенностью. Другие ответвления теории игр пытаются преодолеть ограничение, касающееся изолированной игры. Работа ведется над играми, включающими эволюционную динамику и обучение, а также многоуровневые игры внутри организации и между нациями. Хотя в большинстве приложений теории игр используется некооперативная теория игр, все же имеется ряд работ, основывающихся на кооперативной теории игр. Они изучают создание ценности индивидами и группами вместо изучения потенциальных результатов конфликтов, основываясь на специфических действиях игроков в игре. Все же использованию теории игр в оценивании мешают понятия ограниченной рациональности и иррационального поведения. Игры могут существовать как теоретические конструкции, но наблюдение игр, измерение их параметров на практике трудно выполнимо. Оценка выигрышных структур для реальных акторов представляет сложности, и эта проблема широко известна в экономике. Несмотря на потенциальную полезность теории игр в оценивании, она редко используется.

Неоинституциональный подход и «экономика соглашений»

Еще один перспективный способ оценки публичной политики в условиях сетевого общества предлагает разновидность неоинституционального подхода — так называемая «экономика соглашений», разработанная в 1980-х гг. Л. Тевено, Ф. Эмар-Дюверне и Л. Болтянски. Она сосредоточивает свое внимание на механизмах согласований и способах координации индивидуальных действий. Л. Тевено анализирует социальные и организационные аспекты (все, что связано с соглашениями, обязательствами, доверием, лояльностью, солидарностью и т.д.) функционирования общества. Основными объектами, исследуемыми этой теорией, стали формальные и неформальные правила, контрактные соглашения, традиции, которые невозможно свести к индивидуальной рациональности. Л. Тевено перешел на другой уровень анализа, чтобы объединить индивидуальное поведение и решение (экономическую рациональность) и социальное, коллективное поведение (социальные нормы) и изучать интеграцию индивидуальных действий в порядок, равновесие, координацию. В анализе координации взаимодействий кроме нормативной и объективной ситуации следует еще учитывать модальность суждения, которое выносит индивид о действиях других индивидов. В зависимости от разных возможностей согласования действий с окружающим миром существуют разные модальности суждения. Взаимное согласование в ходе совместной деятельности требует сначала выработки общих оценок (таких как цена, репутация, эффективность, общий интерес). Л. Тевено утверждает, что

координация действий требует усилий, а не осуществляется автоматически (Тевено, 1997). В человеческой деятельности всегда существует неопределенность, обусловленная асимметричностью информации или контекстом ситуации. Эта неопределенность мешает координации действий. Л. Тевено предлагает дифференцировать формы неопределенности (информации), причем эти формы оказываются производными от различных форм оценки. Поэтому упор в подходе Л. Тевено делается на процедуре оценки, которая по его словам «является краеугольным камнем координации» (Олейник, 2005). Существует множество принципов, на основе которых достигается координация. Обоснование действий и, следовательно, возможность их координации связаны с обращением к объектам, характерным для той или иной формы координации. Таким образом, мир вещей также участвует в обосновании и координации действий. Введение общей формы оценки предметов как предпосылки координации происходит через заключение соглашений, что способствует снижению неопределенности. Поэтому экономика соглашений интересуется не столько формальными (юридически закреплёнными) нормами, сколько соглашениями — совокупностями неформальных норм, «правил игры». В экономике соглашений признается многообразие контрактных отношений или способов координации. По мнению, Л. Тевено существует как минимум семь «миров», каждому из которых соответствуют свои процедуры координации, своя совокупность вещей (объектов) и свои требования к поведению людей (Тевено, 2001). Эти семь миров — рыночный, индустриальный, традиционный, гражданский, мир общественного мнения, вдохновения и экологический. Каждый из «миров» подразумевает собственную постановку задачи о принятии решения в условиях неопределённости, а также свой механизм реализации решения. Подход Л. Тевено задает широкие рамки для изучения форм координации в реализации публичной политики. Миров не существуют изолированно, а имеют тенденцию пересекаться между собой. «Множественность способов оценки обуславливает одновременное сосуществование различных форм координации, когда отношения между субъектами можно представить в виде совокупности разнородных связей» (Эмар-Дюверне, 1997). В случаях, когда субъект в одном из миров использует тип координации, присущий другому миру, могут возникать конфликты и разного рода дисфункциональные расстройства. Модели «миров» дают глубокую и разнообразную интерпретацию взаимодействия индивидов и коллективного действия.

Оценивание как функция государственного управления в подходе публичного руководства (governance)

И, наконец, обратимся к самому перспективному, на наш взгляд, подходу публичного руководства. Согласно концепции «публичного руководства» происходит переход к новой форме координации деятельности между государством и гражданским обществом. На смену иерархическому и рыночному механизмам координации приходит сетевое горизонтальное взаимодействие между организациями гражданского общества, причем государство выступает здесь не в качестве равноправного игрока, а в роли арбитра, следящего за соблюдением правил и создающего инфраструктуру. Значимым моментом роста роли НКО и гражданского общества являются сетевые механизмы координации. Согласно подходу Э. Ведунга (Hertting, Vedung, 2012), «сетевое управление» (network governance) мо-

жет показаться противоречивым термином, так как «сеть» подразумевает нечто спонтанное, открытое, горизонтальное и изменчивое, а «управление» — руководство, координацию или указание. Необходимость горизонтальной координации между секторами, акторами, программами, департаментами Э. Ведунг объясняет наличием двух типов «сложности» в публичном управлении — институциональной и реальной (*institutional and substantive complexity*). Институциональная сложность отражает политическое разнообразие и проявляется в сфере ответственности различных департаментов, особенностях бюджетного процесса и т.п. Реальная (или субстантивная) сложность отражает наличие плохо структурированных проблем в мире, таких как устойчивое развитие, проблемы голода, бездомность, социальная инклюзивность, обусловленные большим количеством факторов. Для таких проблем неопределенность и разногласия касаются не только описания их природы, причин и последствий, но и их решения. Координация различных участников и заинтересованных сторон — важный инструмент объединения точек зрения, навыков и ресурсов. Цель сетевого управления — воспользовавшись эффектом синергии, предоставить площадку для обсуждения различного опыта и перспектив, чтобы генерировать новое понимание проблем и решений. Сетевые акторы обладают институциональной возможностью объединять и обмениваться имеющимися ресурсами для оптимизации деятельности, совместно вырабатывать общие рамки рассмотрения проблем и адаптироваться к меняющейся среде. Одновременно в связи с наличием проблем оппортунистического поведения, сетевое управление нуждается в государстве как гаранте институтов, обеспечивающем соблюдение договоров и поддерживающем переговорные структуры. Также Л. В. Сморгунов в своей монографии разъясняет, что понятие *governance* возникло на стыке идей нового государственного менеджмента и теории политических сетей. Некоторые исследователи сводят понятие *governance* к системе способностей. «*Governance* является способностью системы правления определять и осуществлять политику, т.е. руководить обществом» (Сморгунов, 2012).

Долгое время, начиная с появления оценивания программ в середине XX в., в среде исследователей доминировало представление об оценивании как менеджериальном, управленческом инструменте. Однако анализ и оценка программ имеют и политический аспект. Существенным моментом для политологического изучения оценивания стало возникновение нового концептуального подхода в политической науке — публичного руководства. Данный подход отразил изменения в характере взаимоотношений государства и гражданского общества, зарождение общества знания, появление сетевых форм координации, тенденции к большей демократизации и учету мнения структур гражданского общества в процессе принятия политических решений. Согласно концепции публичного руководства межорганизационное партнерство, совместные проекты и совместное производство государства и общества приобретают все большее значение в формировании и реализации государственной политики. В условиях публичного руководства основной задачей оценивания является скорее развитие, чем подотчетность. При помощи оценки можно добиться новых форм сотрудничества, сформулировать новые цели и практические действия по решению проблемы, с более глобальной точки зрения. При этом данные, полученные в результате процесса оценки, могут быть использованы всеми акторами, участвующими во взаимодействии с тем, чтобы не только определить перспективы дальнейшего

развития программы, но также на их основе выстроить взаимный диалог. Оценка как переговорная структура может рассматриваться в качестве неотъемлемой части процесса управления. Она нацелена на создание коллективного понимания взаимозависимости, поиск основ взаимодействия и координации. В связи с этим в рамках публичного руководства можно говорить об изменении статуса оценивания с простого менеджерального инструмента до функции государственного управления, которая пронизывает весь цикл принятия политических решений и имеет политическую значимость. Оценка программ является важной составляющей в политическом процессе и, встроенная в институциональную базу управления, способствует демократической легитимности политической системы.

Можно говорить о том, что оценка несет в себе делиберативную функцию при проведении публичной политики в рамках сетевого общества. В таком виде она требует высокого уровня открытости органов государственной власти к оценке. Государственные решения должны приниматься и оцениваться внутри публичного политического пространства. Использование внешней экспертной оценки, общественной экспертизы повышает демократичность процесса оценивания. Улучшение механизмов взаимодействия государства и структур гражданского общества за счет внедрения анализа и оценки программ может способствовать повышению экономической и социальной эффективности деятельности государства, демократизации общественных отношений и росту доверия граждан к государственным структурам. Именно в этом смысле можно говорить об обретении анализом и оценкой программ политического значения, а не только технически менеджерального характера как на данный момент.

В итоге мы приходим к выводу, что исторически оценивание публичной политики само по себе развивалось таким образом, чтобы органично слиться с сетевым подходом в рамках публичного руководства. В большинстве случаев многоакторные сети включают в себя государственных и негосударственных акторов, в первую очередь из гражданского общества, которые фокусируются на конкретной области принятия решений. Исследователи М. Альбрехт и Дж. Элбе указывают на то, что при проведении оценки сетевого публичного управления в рамках концепции *governance* нужно обращать внимание на следующие моменты: 1) как осуществляется функция внутреннего руководства, включая внутреннюю координацию; 2) что из себя представляет регуляторная система сетевого взаимодействия; 3) соблюдается ли баланс между индивидуальными и коллективными интересами; 4) существует ли процесс коллективного научения и стабилизации процесса руководства для сопротивления внешним воздействиям. Для ответа на эти вопросы и эффективного сочетания двух подходов — оценивания и сетевого анализа на практике возможно привлечение дополнительных средств, таких как теория игр и подход «экономики соглашений». Они позволяют проанализировать, на чем основывается координация в рамках сети, чем руководствуются и по каким правилам действуют акторы.

Библиографический список

1. Олейник, А. Н. (2000). *Институциональная экономика*. Учебное пособие. М.: Инфра-М.
2. Сморгун, Л. В. (2012). *В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
3. Тевено, Л. (1997). Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире. *Вопросы экономики*, 10, 44–56.

4. Тевено, Л. (2001). Рациональность или социальные нормы: преодоленное противоречие?. *Экономическая социология (электронный журнал)*, 2, № 1. Режим доступа www.ecsoc.msses.ru
5. Эмар-Дюверне, Ф. (1997). Конвенции качества и множественность форм координации. *Вопросы экономики*, 10, 71–82.
6. Albrecht, M., Elbe, J., Elbe, S. & Meyer, W. (2014). Analyzing and evaluating regional governance networks: Three challenges for applications. *Evaluation*, 20 (1), 58–74.
7. Bannink, D. & Ossewaarde, R. (2012). Decentralization: New Modes of Governance and Administrative Responsibility. *Administration & Society*, 44, 595–625.
8. Börzel, T. A. (1997). What's So Special About Policy Networks? — An Exploration of the Concept and Its Usefulness in Studying European Governance. *European Integration online Papers*, 1, (16), 1–24.
9. Carlsson, L. (2000). Non-hierarchical evaluation of policy. *Evaluation*, 6 (2), 201–216.
10. Guba, E. G. & Lincoln, Y. S. (1989). *Fourth Generation Evaluation*. Newbury Park, CA: SAGE.
11. Hansen, M. & Vedung, E. (2010). Theory-based stakeholder evaluation. *American Journal of Evaluation*, 31 (3), 295–313.
12. Haynes, P. (2008). Complexity theory and evaluation in public management. *Public Management Review*, 10 (3), 401–419.
13. Hermans, L., Cunningham, S. & Slinger, J. (2014). The usefulness of game theory as a method for policy evaluation. *Evaluation*, 20 (1), 10–25.
14. Hertting, N. & Vedung, E. (2012). Purposes and criteria in network governance evaluation: How far does standard evaluation vocabulary takes us?, *Evaluation*, 18 (1), 27–46.
15. House, E. R. & Howe, R. H. (1999). *Values in evaluation and social research*. Thousand Oaks, CA: SAGE.
16. Papadopolus, Y. (2003). Cooperative forms of governance: problems of democratic accountability in complex environments. *European Journal of Political Research*, 42 (4), 473–501.
17. Patton, M. (1997). *Utilization-focused evaluation: the new century text* / by Michael Quinn Patton. 3rd edition. Newbury Park, CA: Sage Publications Inc.
18. Pollitt, C. (1999). Stunted by Stakeholders? Limits to Collaborative Evaluation. *Public Policy and Administration*, 14 (2), 77–90.
19. Provan, K. & Kenis, P. (2007). Modes of network governance: structure, management, and effectiveness. *Journal of Public Administration & Theory*, 18 (2), 229–252.
20. Rossi, P. H., Lipsey M. W. & Freeman H. E. (2004). *Evaluation: a systematic approach*. 7th Edition. Newbury Park, CA: Sage Publications, Inc.
21. Schelling, T. (2010). Game theory: a practitioner's approach. *Economics and Philosophy*, 26 (1), 27–46.
22. Scriven, M. (1996). The theory behind practical evaluation. *Evaluation*, 2 (4), 393–404.
23. Meer, Van der, F. & Edelenbos, J. (2006). Evaluation in multi-actor policy processes: accountability, learning and co-operation. *Evaluation*, 12 (2), 201–218.
24. Van Kersbergen, K., & Van Waarden, F. (2004). "Governance" as a bridge between disciplines: Cross-disciplinary inspiration regarding shifts in governance and problems of governability, accountability and legitimacy. *European Journal of Political Research*, 43, 143–171.
25. Wollmann, H. (2003). Evaluation in public-sector reform: Toward a 'third wave' of evaluation? In: Hellmut Wollmann (ed.), *Evaluation in Public Sector Reform*, Cheltenham/Northampton: Edgar Elgar.

Статья поступила в редакцию 14.02.2018

Статья принята к публикации 28.03.2018

Для цитирования: Блинова Е.А. Особенности оценки публичной политики в условиях сетевого общества. – Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 2. С. 67–78.

FEATURES OF THE EVALUATION OF PUBLIC POLICY IN A NETWORK SOCIETY

E.A. Blinova

Elena A. Blinova, St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Universitetskaya nab., 7/9. El. mail: caudex@yandex.ru.

Abstract. The study was carried out through the financial support of the Russian Fund of Fundamental Research (RFFR), as part of the scientific project № 18-011-00705 “The Explanatory Potential of Network Theory in Political Research: Methodological Synthesis as Analytical Strategy”.

The purpose of the paper is to examine how two approaches — public policy evaluation and network analysis are combined. Both approaches are separately used in the analysis of public policy, and we set ourselves to find out how and on what basis their synthesis is possible.

Methodology: our research is based on the approach of public governance, as well as game theory and the economics of agreements (neo-institutional theory). They help to analyze the rules of interaction between actors, the principles they are guided by, and also the features of coordination within the network.

Conclusions: public policy evaluation has passed several stages in its development, and in the early 21st century came close to the merger with the network approach within the framework of governance approach. Nevertheless, there are very few studies in scientific literature that pay attention to this phenomenon. Standard network analysis does not provide the opportunity to study the dynamic, diverse nature of the functioning of networks, or the external effects of political activity of networks in the public sphere. At the same time, the constructivist approach to evaluation, which emphasizes the deliberation aspects — the importance of public discussions in public policy — also fails to determine what caused the problems — the design of the program or its implementation. To solve problems arising at the junction of evaluation and network analysis, we have used game theory, governance approach and economics of agreements.

Scientific significance: this research has shown the possibility and the prospects of combining two methodological approaches — public policy evaluation and network analysis — to eliminate individual limitations.

Key words: program evaluation, public policy, network analysis, game theory, governance, neo-institutionalism.

References

1. Albrecht, M., Elbe, J., Elbe, S. & Meyer, W. (2014). Analyzing and evaluating regional governance networks: Three challenges for applications. *Evaluation*, 20 (1), 58–74.
2. Bannink, D. & Ossewaarde, R. (2012). Decentralization: New Modes of Governance and Administrative Responsibility. *Administration & Society*, 44, 595–625.
3. Börzel, T. A. (1997). What's So Special About Policy Networks? — An Exploration of the Concept and Its Usefulness in Studying European Governance. *European Integration online Papers*, 1, (16), 1–24.
4. Carlsson, L. (2000). Non-hierarchical evaluation of policy. *Evaluation*, 6 (2), 201–216.
5. Emar-Dyuverne, F. (1997). Konventsii kachestva i mnozhestvennost' form koordinatsii [The Convention and the Quality of the Plurality of Forms of Coordination]. *Voprosy ekonomiki* [Russian Journal of Economics], 10, 71–82.
6. Guba, E. G. & Lincoln, Y. S. (1989). *Fourth Generation Evaluation*. Newbury Park, CA: SAGE.
7. Hansen, M. & Vedung, E. (2010). Theory-based stakeholder evaluation. *American Journal of Evaluation*, 31 (3), 295–313.
8. Haynes, P. (2008). Complexity theory and evaluation in public management. *Public Management Review*, 10 (3), 401–419.

9. Hermans, L., Cunningham, S. & Slinger, J. (2014). The usefulness of game theory as a method for policy evaluation. *Evaluation*, 20 (1), 10–25.
10. Hertting, N. & Vedung, E. (2012). Purposes and criteria in network governance evaluation: How far does standard evaluation vocabulary takes us?, *Evaluation*, 18 (1), 27–46.
11. House, E. R. & Howe, R. H. (1999). *Values in evaluation and social research*. Thousand Oaks, CA: SAGE.
12. Meer, Van der, F. & Edelenbos, J. (2006). Evaluation in multi-actor policy processes: accountability, learning and co-operation. *Evaluation*, 12 (2), 201–218.
13. Oleinik, A. (2000). *Institutsional'naya ekonomika. Uchebnoye posobiye* [Institutional Economics] (Manual). M.: Infra-M.
14. Papadopolus, Y. (2003). Cooperative forms of governance: problems of democratic accountability in complex environments. *European Journal of Political Research*, 42 (4), 473–501.
15. Patton, M. (1997). *Utilization-focused evaluation: the new century text* / by Michael Quinn Patton. 3rd edition. Newbury Park, CA: Sage Publications Inc.
16. Pollitt, C. (1999). Stunted by Stakeholders? Limits to Collaborative Evaluation. *Public Policy and Administration*, 14 (2), 77–90.
17. Provan, K. & Kenis, P. (2007). Modes of network governance: structure, management, and effectiveness. *Journal of Public Administration & Theory*, 18 (2), 229–252.
18. Rossi, P. H., Lipsey M.W. & Freeman H.E. (2004). *Evaluation: a systematic approach*. 7th Edition. Newbury Park, CA: Sage Publications, Inc.
19. Schelling, T. (2010). Game theory: a practitioner's approach. *Economics and Philosophy*, 26 (1), 27–46.
20. Scriven, M. (1996). The theory behind practical evaluation. *Evaluation*, 2 (4), 393–404.
21. Smorgunov, L. (2012). *V poiskah upravlyayemosti: kontseptsii i transformatsii gosudarstvennogo upravleniya v XX veke* [In Search of Manageability: Public Administration in the XXI Century and the Concept of Transformation]. SPb.: Izdatel'stvo SPbGU.
22. Teveno, L. (1997). Mnozhestvennost' sposobov koordinatsii: ravnovesiye i ratsional'nost' v slozhnom mire [The Plurality of Modes of Coordination: Balance and Rationality in a Complex World]. *Voprosy ekonomiki* [Russian Journal of Economics], 10, 44–56.
23. Teveno, L. (2001). Ratsional'nost' ili sotsial'nyye normy: preodoljonnnoye protivorechie? [Rationality or Social Standards: an Overcome Contradiction?]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 2 (1), 88–123.
24. Van Kersbergen, K., & Van Waarden, F. (2004). "Governance" as a bridge between disciplines: Cross-disciplinary inspiration regarding shifts in governance and problems of governability, accountability and legitimacy. *European Journal of Political Research*, 43, 143–171.
25. Wollmann H. (2003). Evaluation in public-sector reform: Toward a 'third wave' of evaluation? In: Hellmut Wollmann (ed.), *Evaluation in Public Sector Reform*, Cheltenham/Northampton: Edgar Elgar.

For citation: Blinova E.A. Features of the evaluation of public policy in network society. – *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 2. P. 67–78.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОТЕСТНЫХ ГРУПП: ПОКАЗАТЕЛИ И ИХ АПРОБАЦИЯ¹

А. В. Соколов, И. А. Левченко

Соколов Александр Владимирович, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 150000, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14. Эл. почта: alex8119@mail.ru.

Левченко Илья Алексеевич, Фонд региональных общественно-политических исследований, 150000, г. Ярославль, ул. Советская, д. 10, офис 54. Эл. почта: levchenkoilja@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена анализу современного протеста в России. Авторы предпринимая попытку выделить ключевые показатели результативности деятельности протестных групп, осуществив операционализацию показателей, которые, влияют на успешность функционирования деятельности протестных групп. Ключевыми показателями были выбраны: количество участников, количество протестных акций, количество упоминаний в СМИ, охват конфликта, продолжительность существования, вовлеченность (внутренняя и внешняя), активность сообществ в социальных сетях, степень решенности проблемы.

В качестве объекта исследования анализируется деятельность 4 протестных кампаний: общественное движение «За парк Торфянка!», «Всероссийское движение валютных заемщиков», протесты шахтеров из города Гуково и протестные акции в поддержку фильма «Он вам не Димон».

Для анализа использовались данные Google Trends и Яндекс-статистика, программный продукт Popsters для анализа активности в социальных сетях.

В статье делается вывод о том, что активность граждан в протестных кампаниях в современной России может быть успешной и приносить результаты в решении тех проблем, которые стали причиной их самоорганизации. Анализ протестных кампаний в современной России показал, что каждое движение имеет свой уникальный инструментарий, нет единой организационной модели, каждое движение действует с учетом внутренних ресурсов и специфики, определяя собственные пути и методы достижения поставленных задач.

Были продемонстрированы особенности процесса функционирования и управления протестными группами. В процессе анализа удалось выделить преимущества (высокую мобилизационную составляющую, продолжительность протестной деятельности, широкую географию конфликта, большое количество протестных акций, высокий уровень оперативной коммуникации и др.) и недостатки (отсутствие широкой поддержки со стороны политических партий, отсутствие должной поддержки со стороны государства и местных органов власти, отсутствие освещения конфликта в репортажах на федеральных новостных каналах и др.) организации указанных протестных кампаний.

Ключевые слова: протест, результативность, коллективные действия, Интернет, социальные сети, новые медиа, власть.

Введение

Сторонники теории мобилизации ресурсов утверждают, что открытые и развитые общества обеспечивают более благоприятные условия для социально уязвимых групп, что делает протест распространенным явлением, так как в ходе него они могут добиться улучшения своего положения (Russell, van Sickle, 2005). Наличие неправительственных организаций и других групп гражданского общества пре-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-33-01022 (а2) «Моделирование и индексирование протестной активности в субъектах Российской Федерации».

доставляет возможность гражданам участвовать в коллективных действиях в защиту своих интересов (Putnam, Feldstein, 2003). Данные группы для достижения поставленных целей привлекают средства, мобилизуют активистов, организуют коммуникации, формируют коалиции для противостояния официальным властям (Tarrow, 1994). Таким образом, создаются условия для протестных кампаний.

В современной науке сложился подход, объясняющий политический протест через парадигму коллективных действий, как публичное выражение гражданами инакомыслия и критического отношения, в том числе посредством неинституциональных форм политического участия, как проявление недовольства и обид, позволяющее снять накопившееся напряжение из-за социальных или психологических деформаций (Travaglini, 2014). Как отмечает Ле Бон, протестное действие формируется из объединения отдельных разрозненных индивидов, которые объединяются для высказывания своего недовольства (Le Bon, 2001).

Важно отметить, что протест в острой стадии ведет к росту энтропии в обществе, разрушению социальных структур, социальному хаосу и в конечном итоге к разрушению самого общества. А. Б. Волынчук и С. А. Соловченков полагают, что разрешение противоречий гражданского общества и государства на стадии формирования протеста является необходимым условием социальной стабильности (Волынчук А. Б., Соловченков С. А., 2013).

Как указывает, Л. И. Никовская, если гражданское общество (его представители — граждане и их объединения) вступают в конфронтацию с государством в деструктивном ключе, то государство имеет право использовать административные ресурсы (в том числе свое монопольное право на насилие) для стабилизации социальной жизнедеятельности (Никовская, 2012). В этом процессе важна роль государства, его желание действовать именно конструктивным способом в общенациональных интересах, не подменяя их узкоэгоистическими, корпоративно-чиновничьими.

Протест является способом выражения несогласия, а также формулирования и артикуляции своих интересов и потребностей, механизмом обратной связи между государством и гражданским обществом как субъектов социальных отношений. Как подчеркивает В. А. Артюхина, с помощью протеста население оповещает власти, что оно не согласно с проводимой государством политикой, требует перемен (Артюхина, 2011). В таких условиях социальный протест служит инструментом реализации этой сдерживающей функции, механизмом влияния на государственную власть в интересах гражданского общества.

Индивиды и группы используют протест только в том случае, если правительство не готово выслушать и попытаться удовлетворить их требования посредством мирных переговоров. К.-Д. Опп отмечает, что нет смысла ухудшать отношения с потенциальным партнером агрессивными действиями, если цель может быть достигнута посредством конструктивного взаимодействия (Опп, 2012), в том числе и потому, что протест является более затратной формой активности, чем переговоры. Протест же часто снижает вероятность быть услышанными, так как органы власти (должностные лица) будут чувствовать себя обиженными из-за «неадекватного» поведения. В связи с этим ученые утверждают, что если доступ к органам власти (лицам, принимающим решения) открыт, протест является редким явлением (Eisinger, 1973).

Г. Брэди, С. Верба и К. Шлозман отмечают, что существует положительная связь между способностью индивидуума влиять на политические процессы и исполь-

зованием цифровых технологий и степенью его участия (Brady, Verba, Schlozman, 1995). Социальные сети облегчили поиск и распространение информации и потому снизили затраты на доступ к ней и политическому участию, предоставили возможность не только поиска информации, но и ее комментирования, обсуждения в удобных для пользователей месте и времени. Они могут примкнуть к социальным движениям без непосредственного участия в митингах и иных мероприятиях. В результате цифровые технологии снижают издержки и создают значительный потенциал для демократизации политического участия.

Протестующие могут привлечь внимание властей путем внимания «третьих» лиц посредством нарушения функционирования учреждений, в работе которых они нуждаются (Piven, Cloward, 1991). Данные действия могут не только привлечь власти, но и мобилизовать для участия в протесте те группы, в интересах которых функционируют данные учреждения.

Если они не будут использовать данную стратегию, их требования могут быть проигнорированы. Нарушения в функционировании институтов и учреждений не могут быть проигнорированы, так как в эффективном их функционировании заинтересованы широкие слои, а их дисфункциональность может приводить к делигитимации власти. Поэтому политические лидеры для восстановления стабильности и избегания ухудшения ситуации вынуждены реагировать на протесты, в том числе посредством уступок или репрессий.

В. Гэмсон отмечает, что в процессе исследования протестной активности была сформулирована теория эффективности. Она акцентирует внимание на ожидании граждан, которые должны предполагать возможность изменения условий функционирования группы или политики в целом за счет протестных акций (Gamson W.A., 1992). Для этого индивидуумы должны воспринимать группу, чтобы была возможность объединиться с целью борьбы за свои интересы. Также индивидуумы должны воспринимать политический контекст как восприимчивый к запросам группы.

Методика исследования

В связи с этим целью данной статьи является анализ результативности протестных кампаний в современной России. Для определения результативности деятельности протестных групп необходимо провести операционализацию показателей, которые, по нашему мнению, напрямую влияют на успешность деятельности протестных групп.

В качестве объекта анализируется деятельность 4 протестных кампаний: общественное движение «За парк Торфянка!», «Всероссийское движение валютных заемщиков», протесты шахтеров из города Гуково и протестные акции в поддержку фильма «Он вам не Димон».

Можно выделить несколько ключевых показателей, позволяющих провести анализ протестных кампаний:

- количество участников (данный показатель подразумевает суммарное количество протестующих, которые приняли участие во всех акциях и мероприятиях за период протестной кампании);
- количество протестных акций (данный показатель подразумевает суммарное количество протестных акций, организованных за период протестной кампании);
- количество упоминаний в СМИ (данный показатель включает в себя суммарное количество упоминаний в электронных СМИ ключевых слов по тематике

протестного движения за весь период протестной кампании. В качестве инструментов измерения количества упоминаний выступают сервисы Google Trends и Яндекс-статистика);

- охват конфликта (данный показатель подразумевает количество городов, в которых проводились протестные акции);

- продолжительность существования (имеется в виду длительность протестной кампании и достижение результата);

- вовлеченность: внешняя (поддержка протестной деятельности партнерскими и дружественными организациями, а также политическими партиями) и внутренняя (внутренние формирования среди протестующих, создание коалиций и пр.);

- активность в сообществах в социальных сетях (для измерения данного показателя использовалась программа Popsters — сервис аналитики контента, статистики и сравнения сообществ в социальных сетях;

- степень решенности проблемы (данный показатель отражает состояние конфликта на июнь 2017 г.: какие меры предприняты и достигнуты ли цели протестной кампании).

С помощью программы Popsters проведен анализ количества просмотров за месяц, количество публикаций за месяц, а также общее количество «лайков», «репостов», комментариев, просмотров, публикаций и подписчиков в сообществе за все время. Анализ данных показателей помог выявить общий уровень активности протестного движения в социальных сетях).

Анализ данных показателей позволил детально рассмотреть и сравнить факторы, влияющие на успешность организации в протестной деятельности. Выбранные показатели играют ключевую роль в формировании, развитии и функционировании протестной группы. Главная задача каждого движения — поддержание протестной активности как можно дольше, используя при этом все необходимые каналы коммуникации, мобилизации и привлечения ресурсов.

Протестная кампания в поддержку сохранения парка Торфянка

Анализ протестной кампании общественного движения «За парк Торфянка!» показал, что на протяжении всего существования движения активисты добивались полной и окончательной отмены строительства в парке храмового комплекса. Формально протестующие добились решения об отмене строительства в парке еще в 2015 г., однако по факту активистам приходилось пресекать незаконные попытки строительства в парке, что вынуждало митингующих обеспечивать поддержание протестной активности на протяжении двух лет. В течение всей протестной кампании активистам удалось провести более 30 крупных акций, таких как митинги, шествия и флэшмобы. Однако стоит отметить, что для общественного движения характерен вид протестной акции, который можно назвать «стояние», которое заключалось в ежедневном патрулировании парковой территории инициативными группами с плакатами и растяжками в защиту парка на протяжении более 670 дней.

По нашим оценкам, общее количество участников всех акций составило более 8 тыс. чел. География конфликта небольшая — Москва и Санкт-Петербург. Все основные акции проходили в Москве, в одном из районов которой находится парк. В Санкт-Петербурге в знак солидарности проводились немногочисленные единичные акции в поддержку протестующих из Москвы.

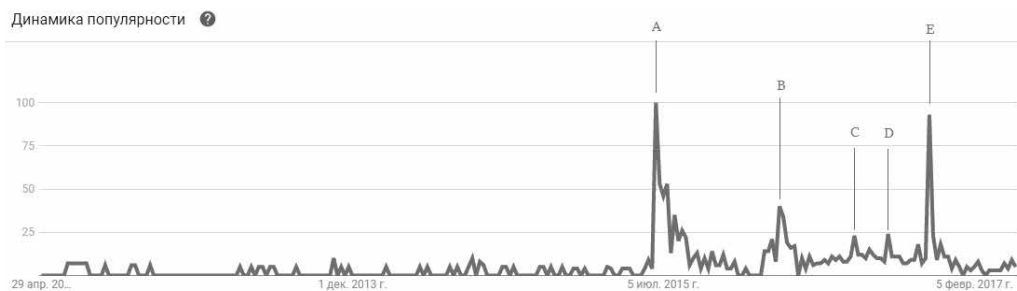

Рис. 1. Статистика Google-trends по динамике запросов по словам «парк торфянка»

Процесс привлечения в протестную деятельность новых участников условно можно разделить на два типа: внутренний и внешний. К внутреннему типу мы отнесли деятельность, направленную на привлечение в конфликт местных жителей, а также жителей соседних районов, которых также касается проблема застройки парковых зон: Зябликово, Ховрино, Гагаринцы, Головинцы. К внешнему типу следует отнести поддержку протестующих политическими объединениями: КПРФ, «ЯБЛОКО», а также общественными организациями «За тихий город», «Не молчи!», «Левый фронт» и различными православными общинами.

Конфликт в парке Торфянка затрагивался многими политиками и должностными лицами в своих выступлениях. Упоминание политическими партиями (КПРФ, «ЯБЛОКО», «Справедливая Россия») в своих выступлениях темы Торфянки связано скорее всего с попыткой набрать политические очки на выборах. Так, «горячие» фазы конфликта проходили одновременно с выборными кампаниями в Государственную Думу РФ и Московскую городскую думу. По конфликту также высказывались представители и чиновники из префектуры СВАО города Москвы.

Согласно Яндекс-статистике (Яндекс — статистика по ключевым словам «парк торфянка»), за весь период протестной кампании в электронных СМИ и на различных сайтах было 1914 упоминаний данной кампании. Также данная тема затрагивалась в 61 интервью с экспертами, политологами и политиками.

Представленный график частоты запросов в Google (График частоты запросов по результату «За парк Торфянка!») среди пользователей глобальной сети Интернет (рис. 1) говорит о том, что интерес к теме парка Торфянки возник в 2013 г. Самый большой скачок (А) обусловлен самой первой и острой протестной акцией, когда местные жители преграждали путь строительной технике живыми щитами (Гражданское противостояние на «Торфянке»...). Данная ситуация вызвала бурное обсуждение в сети и активный интерес общественности. В этот момент многие информационные агентства и сайты широко освещали ситуацию, развернувшуюся в парке Торфянка. Помимо того, интерес граждан к проблемам парка (В) привлекла ситуация, когда на мирных протестующих было организовано нападение активистами движения «Сорок сороков», выступающее за строительство храма (Защитники Торфянки сообщили...). Дальнейшие небольшие скачки (С) и (D) связаны с обострением конфликта и новыми провокациями со стороны сторонников строительства храма. Причиной роста динамики (Е) в конце 2016 г. послужили аресты активистов движения «За парк Торфянка!» и обыски в их квартирах (К защитникам парка «Торфянка» пришли...). Вопиющая ситуация в отношении

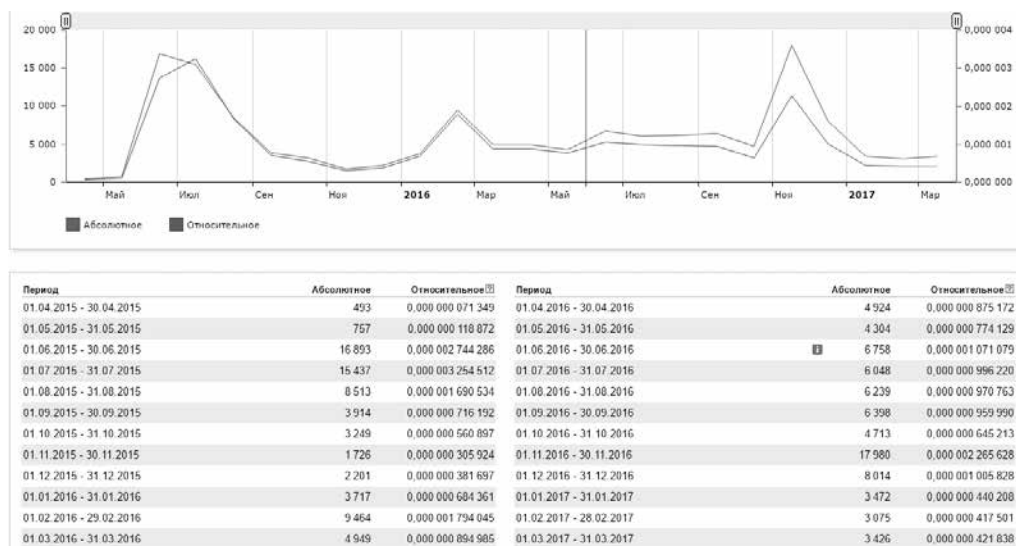

Рис. 2. Статистика показов в поисковой системе Яндекс по запросу «Торфянка»

защитников парка вызвала небольшие протестные акции православных общин в поддержку протестующих (Защитники Торфянки сообщили о нападении...).

В результате исследования поисковой системы Яндекс было выявлено, что общее количество запросов со словом «Торфянка» за апрель 2017 года составляет 3022 (рис. 2, табл. 1). Это относительно низкий результат в сравнении с предыдущим годом, когда данный запрос имел большую популярность в связи активными протестными событиями в парке. Падение роста популярности объясняется еще тем, что движение практически ушло из информационного поля, так как были приняты основные решения в пользу местных жителей, запрещающих строительство храма в парке Торфянка.

Измерение активности в социальных сетях вызвано тем, что Интернет является достаточно универсальной и самой обширной площадкой по коммуникации и взаимодействию между субъектами. Использование в деятельности протестной группы социальной сети значительно активизировало процесс обмена и распространение информации среди неравнодушных активистов, а также способствовало эффективной координации деятельности между участниками сообщества, дав возможность оперативно связывать протестующих между собой и своевременно делиться развитием событий. Для измерения активности в социальной сети была использована программа Popsters — сервис аналитики контента, статистики и сравнения сообществ в социальных сетях.

Анализируя сообщество в «ВКонтакте» общественного движения «За парк Торфянка!», можно сказать, что наибольшую популярность по просмотрам, репостам, лайкам и обсуждениям получили информационные посты с призывами поддержать участие в митингах и акциях, организованных на территории парка (Официальная группа в социальной) (рис. 3, 4). Также большую популярность получила выкладываемая в группе информация об экстренных ситуациях, таких

Таблица 1. Статистика показов за месяц в поисковой системе Яндекс по запросу «Торфянка»

Статистика по словам	Показов в месяц
Торфянка	3022
парк торфянка	1401
торфянка новости	343
торфянка последние	304
торфянка последние новости	301
храм +в парке торфянка	207
торфянка +с храмом	206
новости парка торфянка	147
торфянка +в контакте	138
парк торфянка последние	137
парк торфянка последние новости	135

как задержание и обыски у активистов движения, нападения на активистов движения и информация о попытках захвата активистами «Сорок Сороков» парка.

Общая активность за все время акции составила: лайков — 82461; репостов — 13221; комментариев — 114075; просмотров — 265257; публикаций — 1171; подписчиков — 4505.

Можно сделать вывод, что в сообществе работа по созданию контента велась регулярно. Своевременно освещались актуальные события, что способствовало оперативному реагированию граждан и активистов, которые поддерживали основную группу протестующих в течение всего конфликта. Спад активности в группе в социальной сети за последние месяцы связан со снижением остроты ситуации.

Анализ результатов показал, что инициативной группе протестующих из числа местных жителей удалось развить конфликт, привлечь в него новые силы и необходимые ресурсы. Главный акцент был сделан на поддержание деятельности сообщества в социальной сети, так как это объективно одна из самых широких площадок для взаимодействия и коммуникации не только среди широкого числа участников, но и между членами самой инициативной группы. Деятельность, осуществляемая в сообществе в социальной сети, послужила оригинальным информационным источником, как для различных СМИ, так и для граждан, которые просто интересовались данным протестом, о чем говорит высокий уровень просмотров, комментариев и обсуждений внутри сообщества. Также активистами широко использовался метод личного взаимодействия с гражданами и местными жителями, что значительно повысило мобилизационную составляющую. Подтверждением служит довольно большое количество протестных акций и дней, на протяжении которых удавалось постоянно поддерживать протестную активность.

Несмотря на то что конфликт носит локальный характер, активистами была сделана кропотливая и планомерная работа по популяризации самого места протестных действий, переформированию повестки с локальной на общерос-

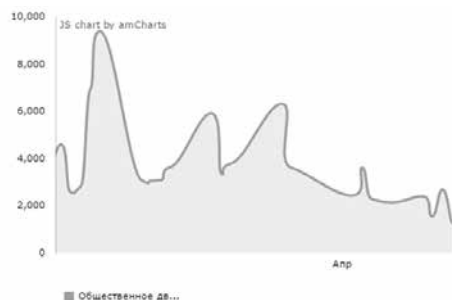

Рис. 3а. Просмотры сообщества за месяц
«За парк Торфянка!»

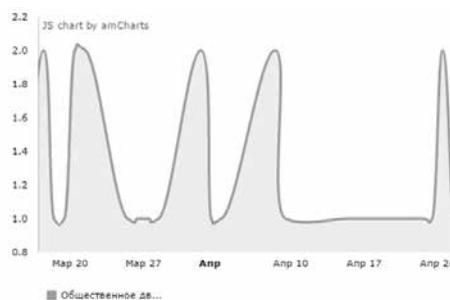

Рис. 3а. Количество публикаций в сообществе «За парк Торфянка!» за месяц

сийскую, поскольку уменьшение парковых зон является насущной проблемой для больших городов, в том числе и посредством постройки храмов. Данный шаг позволил в полной мере мобилизовать протестный актив одного города, о чем свидетельствует значение показателя суммарного количества протестующих, принявших участие в различных акциях и мероприятиях. Организаторам также удалось сформировать инициативные группы, которые организовывали постоянное патрулирование парковой зоны.

Протестная кампания шахтеров в Гуково

Анализ протестной кампании шахтеров из Гуково показал, что с момента возникновения конфликта протестующие принципиально добивались полного погашения долгов по заработной плате. Активно начав свою деятельность в феврале 2015 г., шахтеры продолжают протесты и по настоящее время. Хотя требования начали понемногу выполняться за счет организации постепенных выплат работникам, митингующие не планируют прекращать протесты до полного погашения всех долгов. Подобные меры связаны с недоверием протестующих к органам власти, которые добиваются скорейшего прекращения протестных акций, чтобы не терять свои политические очки, т.к. протестует практически весь профессиональный класс рабочих целого города.

На протяжении всей протестной кампании протестующим удалось провести более 140 крупных протестных акций, из них более 50 массовых митингов и более 90 ежедневных пикетов в течение 3 месяцев, в которых постоянно участвовали от 90 до 140 человек на каждом мероприятии. Стоит отметить, что протестующими был использован такой тип протестной акции, как голодовка (три раза на протяжении всей протестной кампании).

На протяжении всего противостояния, по нашим оценкам, суммарное количество протестующих на всех акциях составило более 10 тыс. чел. География конфликта небольшая — в основном город Гуково, единичные акции в Ростове и Москве. Такая география протестов объясняется спецификой протестной кампании, когда затрагиваются только интересы профессионального сообщества, а урегулирование конфликта лежит исключительно в сфере бюджетных отношений.

Исходя из этого отметим, что широкая общественность не могла в полной мере оказать поддержку протестующим. Процесс привлечения в протестную деятельность новых участников также можно разделить условно на два типа: внутренний

и внешний. К внутреннему типу относится деятельность, направленная, прежде всего на максимальную мобилизацию внутренних ресурсов: работа с профсоюзом горняков и шахтеров, постоянные обращения к председателю оргкомитета шахкома, поддержка коллег с предприятия «Шолоховское» и работа с профсоюзной газетой «Солидарность». К внешнему типу следует отнести поддержку протестующих политическими партиями (КПРФ, «Справедливая Россия»), а также Российским независимым профсоюзом работников угольной промышленности и Российский союз угольщиков.

Конфликтная ситуация упоминалась многими политиками и должностными лицами в своих выступлениях. Очень часто высказывался по проблеме губернатор Ростовской области В.Ю. Голубев, депутаты от КПРФ, в частности В.Ф. Рашкин. Федеральные органы исполнительной власти не включались в данную проблемную ситуацию, возложив всю ответственность исключительно на губернатора Ростовской области. Не было публичных выступлений, а также широких дискуссий и информационных поводов вокруг данной ситуации.

Согласно Яндекс-статистике (Яндекс-статистика по ключевым словам «шахтеры...»), за весь период протестной кампании в электронных СМИ и на различных сайтах было 1329 упоминаний протестной кампании и проблемной ситуации в целом. Также данная тема затрагивалась в 24 интервью с экспертами, политологами и политиками за весь период.

Представленный на рис. 5 график частоты запросов в поисковой системе Google, среди пользователей глобальной сети Интернет в период с января 2014 по апрель 2017 г. показывает, что первый скачок (А) обусловлен согласованием и организацией шахтерами ежедневных пикетов с требованиями вернуть долги по зарплате. На протяжении всего конфликта, как видно из графика, было множество скачков, связанных прежде всего с жесткими требованиями и акциями шахтеров. Так, точки (В) и (С) отмечены началом организации голодовки (Шахтеры голодают за зарплату). Самый большой скачок отмечается в точке (D), которому способствовала ситуация, когда митингующим шахтерам запретили покидать город Гуково и Ростовскую область (Приезду ростовских шахтеров на пикет...). Остальные точки на графике характеризуют степень решения проблем, связанных с выплатами задолженности, так как выплаты происходили поэтапно и с определенными затруднениями, что порождало новый виток протестных акций.

В результате исследования поисковой системы Яндекс было выявлено, что общее количество запросов со словом «шахтеры Гуково» за апрель 2017 г. составляет 1773 (рис. 6, табл. 2). Это относительно низкий результат по сравнению с предыдущими месяцами, когда проблемы шахтеров широко освещались электронными СМИ.

Показатель активности в сообществах в социальных сетях оценить невозможно, так как в своей протестной деятельности шахтеры активно не использовали Интернет в качестве информационной и коммуникационной площадки, сосредоточив все свои силы на работе с профильным активом.

Как показал анализ деятельности протестной группы, несмотря на отсутствие активности движения в сети Интернет, проблема постоянно освещалась различными СМИ. Динамика запросов поисковых систем свидетельствует о том, что данная тема широко освещалась различными СМИ. Также интерес к теме провоцирует характер акций митингующих: ежедневные массовые пикеты, голодовки, массовые поездки на митинги. География протеста очень ограничена, но, учи-

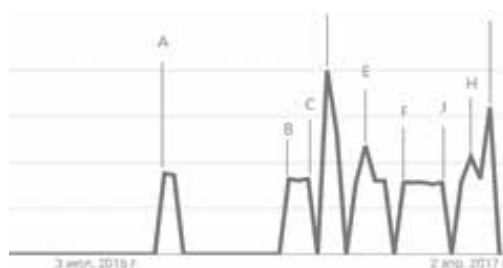

Рис. 4. Статистика Google-trends по динамике запросов по словам «шахтеры Гуково»

тывая суммарное количество протестующих, а также количество акций, можно сделать вывод о сильной координирующей силе инициативной группы, которая не позволяла снижаться протестной активности и количеству участников.

Деятельность протестной группы шахтеров наглядно подтверждает, что возможно организовать полноценный, действенный и обширный протест без использования в качестве коммуникационной площадки сеть Интернет. Главными инструментами достижения своих целей для шахтеров стали массовость и постоянность, о чем говорит серия ежедневных пикетов со средней численностью 90–140 чел. за мероприятие.

Протестная кампания «Всероссийского движения валютных заемщиков»

Анализ протестной кампании «Всероссийского движения валютных заемщиков» показал, что на протяжении всего существования движения активисты добивались полных и окончательных мер по разрешению проблемной ситуации (полной реструктуризации валютных займов по докризисному курсу). Формально протестующие добились решения о реструктуризации в декабре 2014 г., однако окончательное решение по проблеме не было принято. В течение всей протестной кампании государство предпринимало множество мер (докапитализация банков, небольшая финансовая помощь ограниченному кругу валютных заемщиков, внедрение системы АИЖК и пр.), но ни одной окончательной меры, решающей проблему полностью, принято не было. Поэтому акции валютных заемщиков продолжают и по настоящее время.

На протяжении всей протестной кампании активистам удалось провести более 150 крупных акций и более 750 однодневных пикетов около различных отделений банков. Большие акции типа митингов и шествий активисты организовывали отдельно, делая их всеобщими.

По нашим оценкам, за время противостояния суммарное количество протестующих на всех акциях составило более 40 тыс. чел. География конфликта получилась обширной, так как граждан с валютными займами оказалось большое количество по всей стране. Всероссийским движением валютных заемщиков был организован всероссийский митинг, в котором приняли участие активисты из разных городов (Москвы, Санкт-Петербурга, Липецка, Белгорода, Новосибирска, Челябинска, Екатеринбурга, Краснодара, Петрозаводска, Саратова, Тюмени, Владивостока, Волгограда, Калининграда, Кемерово, Красноярска, Самары, Нижнего Новгорода и др.).

Процесс привлечения в протестную деятельность новых участников условно можно разделить на два типа: внутренний и внешний. К внутреннему типу

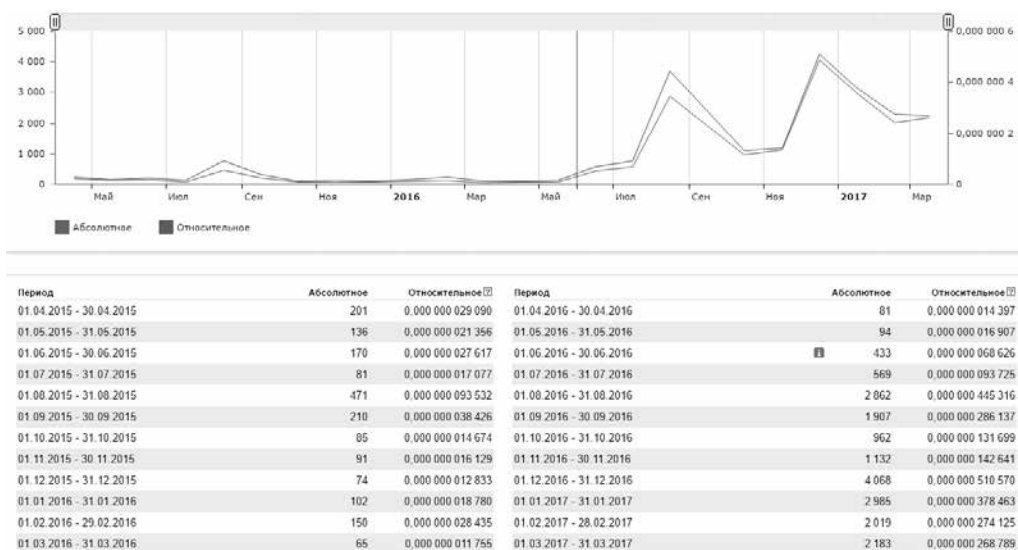

Рис. 5. Статистика показов в поисковой системе Яндекс по запросу «шахтеры гуково»

Таблица 2. Статистика показов за месяц в поисковой системе Яндекс по запросу «шахтеры гуково»

Статистика по словам	Показов в месяц
шахтеры гуково	1773
новости шахтеров гуково	569
шахтеры гуково кингкоул	447
шахтерам работникам кингкоул +в гуково	382
шахтерам работникам кингкоул +в гуково последние	369
новости гуково задолженность шахтерам	313
пикет шахтеров гуково	285
новости выплаты задолженности шахтерам г гуково	233
новости выплаты задолженности шахтерам г гуково ерш	127
новости пикета шахтеров г гуково	127
гуково зарплаты шахтерам	119
шахтеры гуково 2017	108

мы отнесли деятельность, направленную на привлечение в конфликт граждан по всей стране, которые оказались в бедственном финансовом положении из-за ипотечных валютных займов; к внешнему типу — поддержку протестующих политическими объединениями (КПРФ, «ЯБЛОКО», «Справедливая Россия»), а также государственными структурами (Роспотребнадзором, Финпотребсоюзом, Центральным банком России, депутатами Государственной Думы, Правительством РФ), а также Обществом защиты прав потребителей.

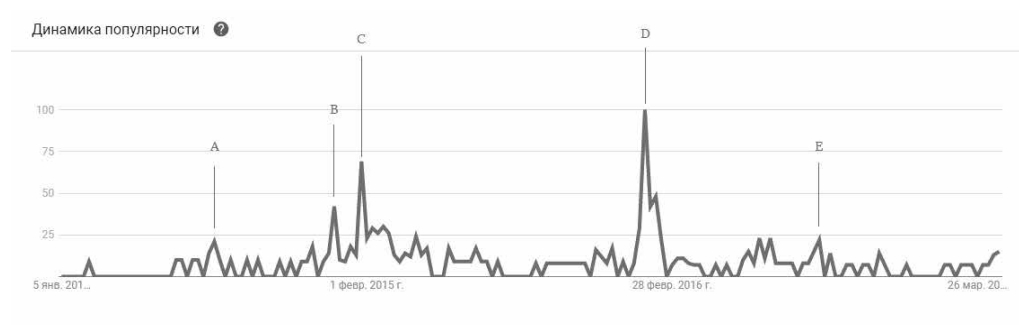

Рис. 6. Статистика Google-trends по динамике запросов по словам «валютные заемщики»

Согласно Яндекс-статистике (Статистика Google-trends по динамике запросов по словам «валютные...»), за весь период протестной кампании в электронных СМИ и на различных сайтах было 31676 упоминаний. Также данная тема затрагивалась в 1220 интервью с экспертами, политологами и политиками за весь период.

Представленный на рис. 7 график частоты запросов среди пользователей глобальной сети Интернет Российской Федерации показал, что интерес к проблеме валютных займов возник в 2014 г. Наибольшие скачки в самом начале (А) и (В) обусловлены первыми крупными протестными акциями, организованными движением. В этот период заемщики активно участвовали в сборе подписей, организации митингов и красочных флэшмобов. Скачок (С) связан с организацией всероссийской протестной акции валютных заемщиков, участие в которой приняли более 20 городов по всей России (Митинги валютных заемщиков: итоги..., 2015). Самый большой скачок (D) связан с первыми мерами со стороны Правительства РФ, Центробанка и некоторых банков по урегулированию проблемы валютных займов (Банки, получившие господдержку..., 2015). В частности, была попытка некоторых банков конвертировать валютные долги по докризисному курсу, кроме того, Минстрой включил в антикризисный план программу помощи валютным ипотечникам.

Исследование поисковой системы Яндекс выявило, что общее количество запросов со словом «валютные заемщики» за апрель 2017 г. составляет 2365 (рис. 8, табл. 3). Это относительно низкий результат по сравнению с предыдущими месяцами, когда тема валютных займов широко освещалась в федеральных СМИ.

Показатель активности в сообществах в социальных сетях не удалось оценить, так как главное сообщество Движения в социальных сетях является закрытым. Допуск туда строго регламентируется и осуществляется через заполнение определенной анкеты. Можно предположить, что данные меры были приняты для того, чтобы не допустить в сообщество провокаторов и прочих нежелательных элементов.

Несмотря на закрытость самого сообщества, мы видим, что это не помешало движению координировать свою деятельность и находить поддержку среди равнодушных жителей. Анализируя количество упоминаний в СМИ свидетельствует о том, что тема проблем с валютной ипотекой заняла доминирующее положение в информационном поле. Это позволило движению выйти на федеральный уровень и мобилизовать граждан по всей стране, тем самым значительно расширив географию конфликта.

Главной чертой протестной деятельности заемщиков стало то, что их акции не только многочисленны, но и очень хорошо скоординированы и разнообразны.

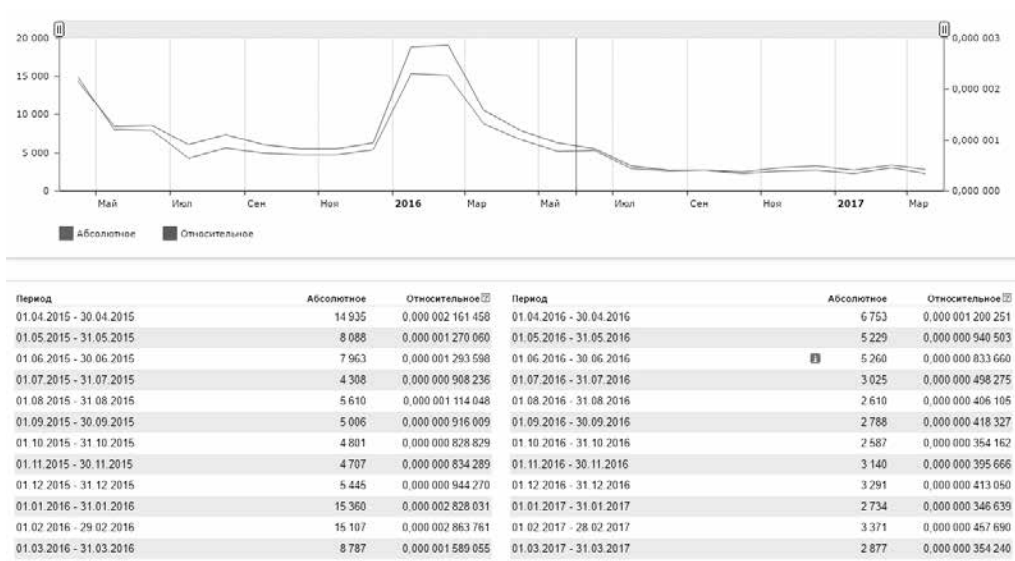

Рис 7. Статистика показов в поисковой системе Яндекс по запросу «валютные заемщики»

Помимо пикетов вторым по популярности протестным действием были очень красочные флэшмобы, посвященные похоронной тематике. Также движение использовало голодовку как крайнюю меру заявления о своих правах.

В целом мы видим очень сплоченную деятельность данного движения: действия скоординированы, каждый элемент выступает отдельно, создавая и проводя протестные акции в автономном режиме, о чем свидетельствует огромное число пикетов. Длительные протестные акции говорят о твердом намерении добиться выполнения поставленной цели в полном объеме. Ключевым показателем успешности организационной составляющей служит суммарное количество участников. Учитывая автономность элементов протестной группы, высокое количество акций и участников, можно сделать вывод, что процесс мобилизации и координации успешно осуществляется на разных уровнях в протестной группе.

Протестная кампания в поддержку фильма-расследования «Он вам не Димон»

Анализ протестной кампании в поддержку фильма-расследования «Он вам не Димон» показал, что основную деятельность протестной группы можно связать только с проведением всероссийской протестной акции против коррупции 26 марта 2017 г. Движение ставило перед собой ясную цель — добиться расследования. Пока цель не достигнута, организация повторных всероссийских протестных акций продолжается. Следует сказать, что активисты ярко не проявляют иную активность, сосредоточив все свои силы именно на единых днях всероссийского протеста.

На протяжении всей протестной кампании активистам удалось провести в один день более 100 протестных акций по всей стране, которые проходили в виде митингов, шествий, пикетов, флэшмобов и гуляний. Стоит отметить,

Таблица 3. Статистика показов за месяц в поисковой системе Яндекс по запросу «валютные заемщики»

Статистика по словам	Показов в месяц
валютные заемщики	2365
всероссийское валютные заемщики	614
движение валютных заемщиков	607
всероссийское движение валютных заемщиков	583
новости валютных заемщиков	502
валютные ипотечные заемщики	343
валютные заемщики последнее	261
валютные заемщики последние новости	257
валютные заемщики сегодня	148
помощь валютным заемщикам	115

что для активистов характерен такой вид протестной акции, как гуляние. Это связано с тем, что во многих городах местная власть отказала в согласовании проведения митингов и шествий, поэтому активисты нашли выход в мирном ходе.

По нашим оценкам, суммарное количество протестующих на всех этих акциях составило более 73 тыс. чел. География конфликта оказалось большой. Всего в акции приняли участие около 100 городов по всей России и 4 города Европы. Однако самым массовым и главным стал митинг в Москве.

Процесс привлечения в протестную деятельность новых участников является только внешним, так как основной акцент был сделан на популяризации конфликта и привлечении огромного числа граждан, несмотря на политические взгляды и прочие различия. Политическими партиями данный протест не поддерживался, по крайней мере, открыто.

Согласно Яндекс-статистике, за весь период протестной кампании в электронных СМИ и на различных сайтах было 5624 упоминаний. Причем большинство новостей по данной теме связано с освещением самих митингов и судебных разбирательств с задержанными на этих митингах. Также за весь период данная тема затрагивалась в 149 интервью с экспертами, политологами и политиками.

Представленный на рис. 9 график частоты запросов среди пользователей глобальной сети Интернет Российской Федерации говорит о том, что интерес к фильму «Он вам не Димон» возник в сам день публикации расследования 2 марта 2017 г. Пиковой же точки запрос достиг в день единой протестной акции 26 марта. Дальше пик активности запросов падает, так как вся информационная кампания протестующих была направлена на агитацию принять участие в едином дне митинга.

По результатам исследования поисковой системы Яндекс, было выявлено, что общее количество запросов со словом «Он вам не Димон» за апрель 2017 г составило 295501 (рис. 10, табл. 4). Это самый высокий результат по сравнению со всем периодом протекания конфликта.

Динамика популярности ?

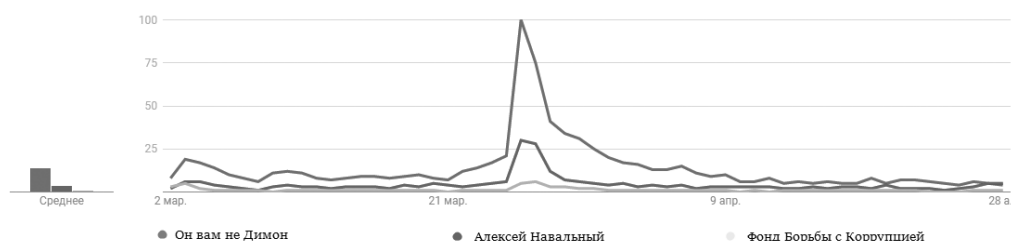

Рис. 8. Статистика Google-trends по динамике запросов по словам «он вам не Димон», «Алексей Навальный», «фонд борьбы с коррупцией»

Измерение активности в социальных сетях вызвано тем, что сеть Интернет является достаточно универсальной и самой обширной площадкой по коммуникации и взаимодействию между субъектами. Использование социальной сети в деятельности протестной группы значительно повысило процесс обмена и распространение информации среди активистов, а также способствовало эффективной координации деятельности между участниками сообщества, дав возможность оперативно связывать протестующих между собой и делиться актуальным развитием событий «с полей». Для измерения активности в социальной сети использовалась программа Popsters — сервис аналитики контента, статистики и сравнения сообществ в социальных сетях.

Анализ сообщества в «ВКонтакте» протестной акции в Москве «Он вам не Димон» показал, что абсолютно все опубликованные сообществом материалы имели огромную информационную популярность и широко тиражировались среди граждан. Об этом говорит количество опубликованных материалов (27) и их перепостов, лайков и обсуждений. Популярность информационных постов связана с тем, что само сообщество «Требуем ответов 12 июня|Москва» (Официальная группа в социальной сети «ВКонтакте»: Митинги...) выступало координатором всех акций и публиковало актуальную информацию по проведению митингов, распространению агитационной продукции и пр. Просмотры и количество публикаций в сообществе «Требуем ответов 12 июня|Москва» в социальной сети «ВКонтакте» за апрель представлено на рис. 11 и рис. 12.

Общая активность в сообществе за все время акции составила: лайков — 17046; репостов — 1651; комментариев — 7209; просмотров — 1091 539; публикаций — 27; подписчиков — 9062.

Можно сделать вывод, что в сообществе работа по созданию контента велась регулярно. Сообщество в социальной сети выступило основным центром по взаимодействию и координированию действий участников. Огромное количество просмотров, перепостов и обсуждений подтверждает данное предположение.

Координация деятельности в многочисленных социальных сообществах стало наиболее действенным фактором развития в распространении протестной кампании по городам России. Социальные сети сыграли ключевую роль не только в организации, но и в освещении протестной деятельности. Данный инструмен-

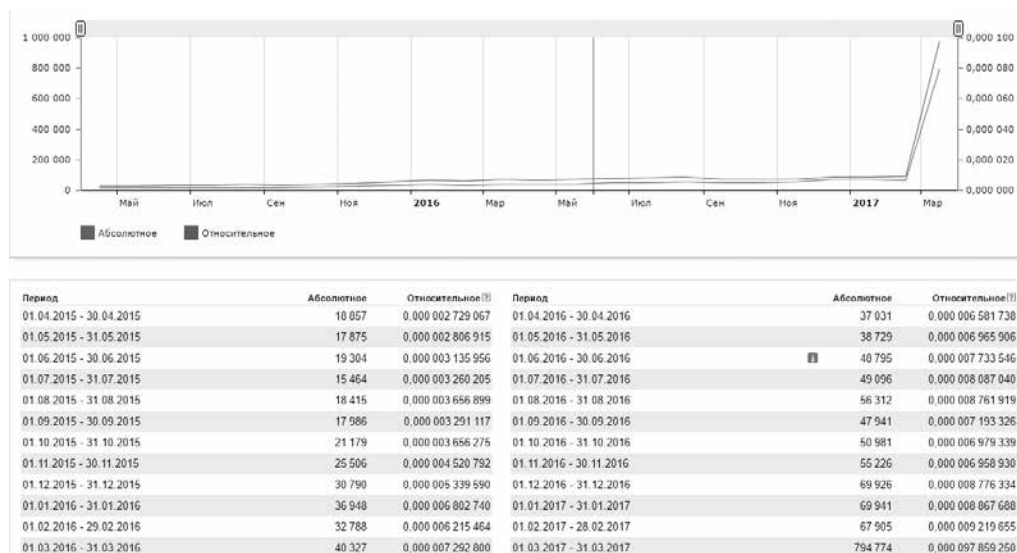

Рис. 9. Статистика показов в поисковой системе Яндекс по запросу «Он вам не Димон»

Таблица 4. Статистика показов за месяц в поисковой системе Яндекс по запросу «Он вам не Димон»

Статистика по словам	Показов в месяц
+он +вам +не димон	295501
+он +вам +не димон полная версия	76945
+он +вам +не димон навалыйный полная	76590
+он +вам +не димон навалыйный полная версия	76001
+он +вам +не димон фильм	44875
+я +вам +не димон фильм навалыйного	38804
+он +вам +не димон смотреть	37287
фильм навалыйного +я +вам +не димон смотреть	31276
димона медведева	29847
димон медведев	29844
+он +вам +не димон ютуб	17242

тарий продемонстрировал весьма значительные изменения в процессе информирования и вовлечения населения в гражданский протест, а также методах распространения информации в условиях отсутствия информационной поддержки от ведущих СМИ страны, тем самым создавая свою альтернативную повестку.

В рамках данной протестной кампании подготовка акций на локальном уровне осуществлялась главным образом местными активом. Деятельность центрального штаба сводилась к небольшой координации и обеспечению. Данная про-

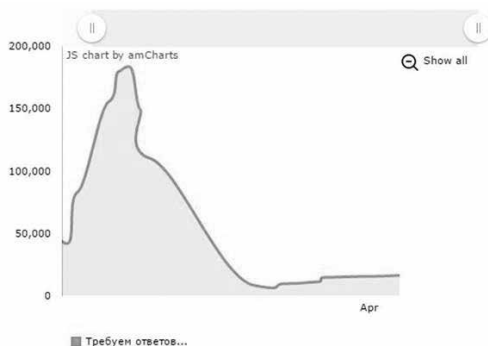

Рис. 10а. Просмотры сообщества за месяц
«Требуем ответов 12 июня|Москва»

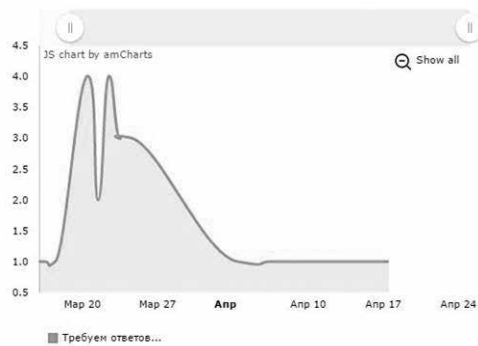

Рис. 10б. Количество публикаций
в сообществе «Требуем ответов
12 июня|Москва» за апрель

тестная кампания показала высокую степень автономности элементов сетевого взаимодействия, а значит, и успешность всего организационного процесса.

Важно отметить, что задачей протестной кампании является организация единых акций с определенным временным интервалом. Это объясняет отсутствие активности в промежутках между всероссийскими массовыми акциями. Данная мера позволяет организаторам учесть ошибки и особенности организации прошлой акции и задействовав новые силы, ресурсы и возможности уже в следующей акции. Данная стратегия может привести к нарастающему эффекту, что способно увеличить результативность акций в несколько раз.

Выводы

Практика протестных кампаний в современной России демонстрирует, что активность граждан может быть успешной и приносить результаты в решении тех проблем, которые стали причиной их самоорганизации. По нашему мнению, ключевыми показателями результативности организации протестной активности являются: количество участников, количество протестных акций, количество упоминаний в СМИ, охват конфликта, продолжительность существования, вовлеченность (внутренняя и внешняя), активность в сообществах в социальных сетях, степень решенности проблемы.

Анализ протестных кампаний в современной России показал, что каждое движение имеет свой уникальный инструментарий, нет единой организационной модели, каждое движение действует с учетом внутренних ресурсов и специфики, определяя собственные пути и методы достижения поставленных задач.

На основе анализа четырех протестных кампаний были продемонстрированы особенности функционирования и управления протестными группами. В процессе анализа деятельности каждой из протестных групп удалось выделить преимущества (высокая мобилизационная составляющая, продолжительность протестной деятельности, широкая география конфликта, большое количество протестных акций, высокий уровень оперативной коммуникации и др.) и недостатки (отсутствие широкой поддержки со стороны политических партий, отсутствие должной поддержки со стороны государства и местных органов власти, от-

существование освещения конфликта в репортажах на федеральных новостных каналах и др.) организации указанных протестных кампаний. Изучение протестных кампаний также позволило выявить высокий организационный и координационный потенциал протестных движений в России.

Также подтверждена значимость интернет-коммуникаций в процессе организации протестной активности. Зачастую Интернет выступает ключевым ресурсом в организации коммуникации внутри протестных групп, их коммуникации с внешними субъектами. Именно публикации в Интернете и посты в социальных сетях служат главным источником информации для социума о существующей проблеме, протестных действиях граждан. Это позволяет сформировать необходимый информационный фон для начала диалога с властью, привлечения ее ресурсов для решения существующей проблемы. Поэтому принципиальное значение приобретают такие показатели, как количество участников, количество протестных акций, охват конфликта. Именно они создают общественное давление, привлекающее СМИ, внимание которого уже не может игнорировать власть.

Статья поступила в редакцию 11.12.2017

Статья принята к публикации 02.02.2018

Для цитирования: Соколов А. В., Левченко И. А. Результативность деятельности протестных групп: показатели и их апробация. – Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 2. С. 79–99.

Библиографический список

1. Артюхина, В. А. (2011). Социальный протест как проявление гражданского общества. Социология в современном мире: наука, образование, творчество, 3, 251–255.
2. Борисак, Д. (2015). Банки, получившие господдержку, не спешат ею пользоваться. Ведомости. Режим доступа <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2015/12/14/620791-banki-otlozhili-subordi-dolgi-yaschik>
3. Волинчук, А. Б., Соловченков, С. А. (2013). Социальная напряженность и протестная активность в контексте анализа социальной безопасности. Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, 1, 25–36.
4. График частоты запросов по результату «За парк Торфянка!». Режим доступа <https://trends.google.ru/trends/explore?q=%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%84%D1%8F%D0%BD%D0%BA%D0%B0>
5. Защитники Торфянки сообщили о нападении активистов «Сорок сороков» и бездействии полиции (2016). Медиазона. Режим доступа <https://zona.media/news/2016/21/07/torf-lico>
6. К защитникам парка «Торфянка» пришли с обысками и задержали (2016). BBC News. Русская служба. Режим доступа <http://www.bbc.com/russian/news-37971505>
7. Макаров, А. (2015). Гражданское противостояние на «Торфянке» в Москве: навигация по репортажам. livejournal: интернет-блог. Режим доступа <http://arthur-msk.livejournal.com/19308.html>
8. Митинги валютных заемщиков: итоги выходных (2015). Стройконтроль. Режим доступа <http://msk.stroykontrol.info/news.php?id=4325>
9. Никовская, Л. И. (2012). Гражданское общество и протесты: что за ними стоит? Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 4 (110), 5–13.
10. Официальная группа в социальной сети «ВКонтакте»: Митинги 26 марта. Режим доступа https://vk.com/dimon_moscow
11. Официальная группа в социальной сети «ВКонтакте»: Общественное движение за Парк Торфянка!». Режим доступа <https://vk.com/park.torf2016>

12. Приезду ростовских шахтеров на пикет в Москву помешала полиция (2016). РБК. Режим доступа <http://www.rbc.ru/politics/20/12/2016/585956c69a79477526ea6c67>
13. Статистика Google-trends по динамике запросов по словам «валютные заемщики». Режим доступа <https://news.yandex.ru/yandsearch?text=%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%84%D1%8F%D0%BD%D0%BA%D0%B0&rpt=nnews2&grhow=clutop>
14. Шахтеры голодают за зарплату (2016). Gazeta.ru. Режим доступа <https://www.gazeta.ru/social/2016/08/23/10154243.shtml>
15. Яндекс — статистика по ключевым словам «парк торфянка». Режим доступа <https://news.yandex.ru/yandsearch?text=%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%84%D1%8F%D0%BD%D0%BA%D0%B0&rpt=nnews2&grhow=clutop>
16. Яндекс — статистика по ключевым словам «шахтеры гуково». Режим доступа https://news.yandex.ru/yandsearch?text=%D1%88%D0%B0%D1%85%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%8B%D0%93%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BE&rpt=nnews2&grhow=clutop&wiz_no_news=1&rel=rel&within=777&from_day=01&from_month=01&from_year=2015&to_day=11&to_month=05&to_year=2017
17. Brady, H., Verba, S. & Schlozman, K. L. (1995). Beyond Ses: A Resource Model of Political Participation. *American Political Science Review*, 89 (2), 271–294.
18. Eisinger, P. K. (1973). The conditions of protest behavior in American cities. *American Political Science Review*, 67 (1), 11–28.
19. Gamson, W. A. (1992). *Talking Politics*. New York: Cambridge University Press.
20. Le Bon, G. (2001). *The Crowd: A Study of the Popular Mind*. Kitchener, ONT: Batoche Books.
21. Opp, K-D. (2012). Collective identity, rationality and collective political action. *Rationality and Society*, 24 (1), 73–105.
22. Piven, F. F. & Cloward, R. A. (1991). Collective Protest: A Critique of Resource Mobilization Theory. *International Journal of Politics, Culture and Society*, 4 (4), 435–458.
23. Putnam, R. D. & Feldstein, L. M. (2003). *Better Together: Restoring the American Community*. New York: Simon & Schuster.
24. Russell, D. J. & van Sickle, A. (2005). The Resource, Structural, and Cultural Bases of Protest. Center for the Study of Democracy (CSD) Working Papers. Retrieved from <http://escholarship.org/uc/item/3jx2b911>
25. Tarrow, S. (1994). *Power in Movement: Social Movements, Collective Action and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
26. Travaglino, G. A. (2014). Social sciences and social movements: the theoretical context. *Contemporary Social Science*, 1, 1–14.

EFFECTIVENESS OF PROTEST GROUPS` ACTIVITY: INDICATORS AND THEIR TESTING

A. V. Sokolov, I. A. Levchenko

Alexander V. Sokolov, Demidov Yaroslavl State University, 150000, Yaroslavl, Sovetskaya str., 14. E-mail: alex8119@mail.ru.

Ilya A. Levchenko, The Foundation for Regional Social and Political Studies, 150000, Yaroslavl, Sovetskaya str., 10, office 54. E-mail: levchenkoilja@gmail.com.

Abstract. The article is devoted to the analysis of contemporary protest in Russia. The authors attempt to identify key indicators of the effectiveness of the activities of protest groups, carrying out the operationalization of indicators that affect the success of the functioning of protest groups. The key indicators were: the number of participants, the number of protest actions, the number of media references, coverage of the conflict, duration of existence, involvement (internal and external), activity in communities in social networks, the degree of solving of the problem.

Authors analyze activities in 4 protest campaigns: the public movement “For the Park Torfianka!”, “All-Russia movement of foreign currency borrowers”, protests of miners from the city of Gukovo and protest actions in support of the film “He’s not Dimon”.

For the analysis we used Google Trends data and Yandex statistics, the software product Popsters for analyzing protesters’ activity in social networks.

The article concludes that the practice of protest campaigns in modern Russia demonstrates that the activity of citizens can be successful and bring results in solving those problems that have caused their self-organization. The analysis of protest campaigns in modern Russia has shown that each movement has its own unique tools, there is no single organizational model, each movement operates in accordance with internal resources and specifics, determining its own ways and methods of achieving the objectives.

Features of the functioning and management of protest groups were demonstrated in the paper. In the process of analysis, it was possible to identify the advantages (high mobilization component, duration of protest activities, broad geography of the conflict, a large number of protest actions, high level of operational communication, etc.) and shortcomings (lack of broad support from political parties, lack of proper support from the state and local authorities, the lack of coverage of the conflict in reports on federal news channels, etc.) organization of these protest campaigns.

Key words: protest, effectiveness, collective actions, the Internet, social networks, new media, power.

References

1. Artyukhina, V. A. (2011). Social’nyy protest kak proyavlenie grazhdanskogo obshchestva [Social Protest as a Manifestation of Civil Society]. *Sociologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo* [Sociology in the Modern World: Science, Education, Creativity], 3, 251–255
2. Borisyak, D. (2015). Banki, poluchivshie gosподderzhku, ne speshat eyu polzovatsya [Banks that received state support, do not rush to use it]. *Vedomosti* [Vedomosti]. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2015/12/14/620791-banki-otlozhili-subordi-dolgi-yaschik>
3. Brady, H., Verba, S. & Schlozman, K. L. (1995). Beyond Ses: A Resource Model of Political Participation. *American Political Science Review*, 89 (2), 271–294.
4. Eisinger, P. K. (1973). The conditions of protest behavior in American cities. *American Political Science Review*, 67 (1), 11–28.
5. Gamson, W. A. (1992). *Talking Politics*. New York: Cambridge University Press.
6. Grafik chastoty zaprosov po rezultatu “Za park Torfyanka!” [Graph of the Frequency of Requests for the Result “For the Park Torfianka!”]. Retrieved from <https://trends.google.ru/trends/expl ore?q=%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%84%D1%8F%D0%BD%D0%BA%D0%B0>
7. K zashchitnikam parka “Torfyanka” prishli s obyskami i zaderzhali [The Defenders of the Park “Torfianka” Came With Searches and Detained] (2016). *BBC News. Russkaya sluzhba*. [BBC News. Russian Service]. Retrieved from <http://www.bbc.com/russian/news-37971505>
8. Le Bon, G. (2001). *The Crowd: A Study of the Popular Mind*. Kitchener, ONT: Batoche Books.
9. Makarov, A. (2016). Grazhdanskoe protivostoyanie na “Torfyanke” v Moskve: navigaciya po reportazham [Civil confrontation on the “Torfianka” in Moscow: Navigation on Reportages]. *Livejournal: internet-blog* [Livejournal: Internet-Blog]. Retrieved from <http://arthur-msk.livejournal.com/19308.html>
10. Mitingi valyutnykh zaemshchikov: itogi vykhodnykh [Rallies of Foreign Currency Borrowers: the Results of the Weekend] (2015). *Stroykontrol* [Construction control]. Retrieved from <http://msk.stroykontrol.info/news.php?id=4325>
11. Nikovskaya, L. I. (2012). Grazhdanskoe obshchestvo i protesty: chto za nimi stoit? [Civil Society and Protests: What is behind that?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 4 (110), 5–13.

12. Oficialnaya gruppa v socialnoy seti "Vkontakte": Mitingi 26 marta [The official group in the social network "Vkontakte": rallies on March 26]. Retrieved from https://vk.com/dimon_moscow
13. Oficialnaya gruppa v socialnoy seti "Vkontakte": Obschestvennoe dvizhenie za Park Torfyanka!» [The official group in the social network Vkontakte: Public Movement for Park Torfianka!]. Retrieved from <https://vk.com/park.torf2016>
14. Opp, K-D. (2012). Collective identity, rationality and collective political action. *Rationality and Society*, 24 (1), 73–105.
15. Piven, F. F. & Cloward, R. A. (1991). Collective Protest: A Critique of Resource Mobilization Theory. *International Journal of Politics, Culture and Society*, 4 (4), 435–458.
16. Priezdu rostovskikh shakhterov na piket v Moskvu pomeshala policiya [The Arrival of Rostov Miners to Picket in Moscow Was Prevented by the Police] (2016). RBC [RBC]. Retrieved from <http://www.rbc.ru/politics/20/12/2016/585956c69a79477526ea6c67>
17. Putnam, R. D. & Feldstein, L. M. (2003). *Better Together: Restoring the American Community*. New York: Simon & Schuster.
18. Russell, D. J. & van Sickle, A. (2005). The Resource, Structural, and Cultural Bases of Protest. *Center for the Study of Democracy (CSD) Working Papers*. Retrieved from <http://escholarship.org/uc/item/3jx2b911>
19. Shakhtery golodayut za zarplatu [The miners are Starving for Their Wages] (2016). *Gazeta.ru* [The Newspaper]. Retrieved from <https://www.gazeta.ru/social/2016/08/23/10154243.shtml>
20. Statistika Google-trends po dinamike zaprosov po slovam "valyutnye zaemshchiki". [Statistics Google-trends on the Dynamics of Requests for Words "Currency Borrowers"]. Retrieved from <https://news.yandex.ru/yandsearch?text=%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%84%D1%8F%D0%BD%D0%BA%D0%B0&rpt=nnews2&grhow=clutop>
21. Tarrow, S. (1994). *Power in Movement: Social Movements, Collective Action and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. Travaglino, G. A. (2014). Social sciences and social movements: the theoretical context. *Contemporary Social Science*, 1, 1–14.
23. Volynchuk, A. B. & Solovchenkov, S. A. (2013). Socialnaya napryazhennost i protestnaya aktivnost v kontekste analiza socialnoy bezopasnosti [Social Tension and Protest Activity in the Context of Social Security Analysis]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa* [Territory of New Opportunities: Vladivostok State University of Economics and Service Bulletin], 1, 25–36.
24. Yandex — statistika po klyuchevym slovam "park torfyanka" [Yandex — Statistics on the Keywords "Park Peat"]. Retrieved from <https://news.yandex.ru/yandsearch?text=%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%84%D1%8F%D0%BD%D0%BA%D0%B0&rpt=nnews2&grhow=clutop>
25. Yandex — statistika po klyuchevym slovam "shakhtery gukovo" [Yandex — Statistics on the Keywords "Gukovo Miners"]. Retrieved from https://news.yandex.ru/yandsearch?text=%D1%88%D0%B0%D1%85%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%8B%20%D0%93%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BE&rpt=nnews2&grhow=clutop&wiz_no_news=1&rel=rel&within=777&from_day=01&from_month=01&from_year=2015&to_day=11&to_month=05&to_year=2017
26. Zashchitniki Torfyanki soobshchili o napadenii aktivistov "Sorok sorokov" i bezdeystvii policii [Defenders of the Peatland Reported the Attack of the Activists of the Forty-Forty and the Inactivity of the Police] (2016). *Mediazona* [Media Zone]. Retrieved from <https://zona.media/news/2016/21/07/torf-lico>

For citation: Sokolov A.V., Levchenko I.A. Effectiveness of protest groups' activity: indicators and their testing. – *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 2. P. 79–99.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЮДЕЙ, ПРАКТИКУЮЩИХ РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ ТУРИЗМА

А.В. Литвин

Литвин Антон Витальевич, Кубанский государственный университет, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: domen_anton_imp@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются результаты эмпирического исследования психологического содержания туризма. В содержании туризма выделяется отношение личности к географическому пространству и сами личностные особенности людей, практикующих туризм.

Отношения имеют трехчастную структуру: когнитивный, аффективно-мотивационный и поведенческий компоненты. Личностный компонент психологического содержания туризма включает: ценностные ориентации, особенности самоактуализации.

Проверялась гипотеза о существовании различий в психологическом содержании туризма у людей, практикующих различные виды туризма. Были опрошены представители трех видов туризма: горного, культурно-исторического, пляжного ($n = 190$).

В ходе сравнительного анализа были выявлены статистически значимые различия в содержании туризма у людей, практикующих различные его виды. Большинство этих различий выявлены в когнитивном, аффективно-мотивационном компонентах отношения к географическому пространству. Гипотеза подтверждается в когнитивном, аффективно-мотивационном компонентах отношения к географическому пространству и не подтверждается в поведенческом компоненте отношения к географическому пространству и в личностном компоненте содержания туризма. Приведена интерпретация.

Составлены психологические портреты людей, практикующих горный, культурно-исторический или пляжный вид туризма. Портреты отражают психологическое содержание туризма: характеризуют ряд особенностей отношения к географическому пространству и личностных особенности туристов.

Ключевые слова: психологическое содержание туризма, отношение личности к географическому пространству, образ туристического места, психологические функции туризма, эмоции, субъективная витальность, поведенческие модели.

Введение

В настоящее время заметно выросла роль свободного времени и досуга людей. По данным агентства «ТурСтат», количество внутренних туристов в 2016 г. в России составило 55 млн. чел. При этом Краснодарский край вышел на первое место по числу посещений среди регионов России. Кубань посетили 15,8 млн. туристов.

Вместе с тем в психологической науке отсутствует теория туризма, нет психологического определения туризма. Не определены феномены, лежащие в основе туризма, не ясны внутренние психологические механизмы, обеспечивающие реализацию намерений людей, обеспечивающих их благополучие во время совершаемых туров.

Возникающие проблемы взаимодействия людей в туристической группе при выборе мест для посещения, чувство неудовлетворения от тура: каковы их психологические причины?

Эти проблемы, лежащие в социальной реальности, актуализируют и определяют заложенную в статье *проблему исследования*, заключающуюся в новом теоретическом осмыслении и эмпирическом изучении внутренних психологических закономерностей туризма, связанных с внешними формами активности туристов,

основывающихся на отношениях человека к пространству, ранее не рассматривающихся в психологической науке. Работа посвящена теоретическому поиску психологического основания туризма и эмпирическому выявлению содержания этого основания у людей, практикующих различные виды туризма.

В научной литературе существует достаточно большое количество работ учёных-непсихологов, которые, однако, используют психологические понятия, методики и способы аргументации. Кроме того, наблюдается явный дефицит теоретических моделей туризма на фоне преобладания эмпирических исследований. В целом же большинство работ, посвященных исследованию туризма, оставляют впечатление отрывочных, второстепенных исследований.

Противоречие между разнообразными подходами к изучению психологического содержания туризма, с одной стороны, и недостаточностью исследования туризма как целостной реальности, имеющей богатое психологическое содержание — с другой, определяет суть научной проблемы и, в частности, актуальность исследования психологического отношения как основного психологического содержания туризма. Мы предполагаем, что решение поставленной проблемы даст возможность человеку овладеть способами рационального и конструктивно управления своим досугом с сохранением психологического благополучия, самореализовываться в планировании и осуществлении туров и наиболее полном осуществлении своих интенций и желаний.

Основной признак туризма как социальной практики — перемещение в пространстве с места своего постоянного жительства в другое место (Кусков, 2005). Это перемещение есть внешне наблюдаемая поведенческая характеристика. Мы полагаем, что за этим перемещением и кроется психологическая начинка туризма. Человек перемещается в пространстве, следовательно, человек вступает в отношения с пространством. В.Н. Мясищев, говоря об отношениях человека, характеризовал их как устойчивую психологическую связь с различными сторонами объективной действительности, которая выражается в действиях, переживаниях; отношения являются основой психической активности человека. В исследовании отношений объединяются внешнее и внутреннее, субъективное и объективное, ведь отношения осуществляются во внешнем по отношению к человеку мире, но выражают внутренний мир человека (Мясищев, 1995).

Второй важный признак туризма — отсутствие целей трудоустройства и / или получения заработка в месте назначения (Кусков, 2005). Это значит, что цели могут быть какими угодно, в том числе и иррациональными, или их может не быть вовсе. Здесь мы выделяем личностный компонент психологического содержания туризма.

Туризм — предмет исследования междисциплинарный (Holden, 2005). Чтобы сохранить предмет психологии в наших рассуждениях, работать мы будем с психологическим определением туризма, сформулированным совместно с А.Н. Деминим: туризм — это перемещение и организация поведения человека в физическом пространстве в его свободное время на основе формирования образов места, в которое он перемещается, и маршрута перемещения, переживание их привлекательности в системе личностных мотивов, ценностей и психологических функций досуговой занятости.

Цель исследования — выявить различия в психологическом содержании туризма у людей, практикующих различные виды туризма.

Объектом исследования явилось психологическое содержание туризма, включающее отношение личности к пространству и личностные особенности людей, практикующих туризм. Предметом исследования послужили особенности отношений личности к географическому пространству и личностные особенности людей, практикующих различные виды туризма.

В качестве *гипотезы* выступило предположение о том, что существуют различия в психологическом содержании туризма у людей, практикующих различные виды туризма.

Теоретическая модель психологического содержания туризма

Приведенное нами определение туризма мы будем использовать для операционализации нашей гипотезы.

В содержании туризма мы выделяем отношение личности к географическому пространству и сами личностные особенности людей, практикующих туризм.

Отношения имеют трехчастную структуру: когнитивный, аффективно-мотивационный и поведенческий компоненты. В отношении к пространству когнитивным компонентом является образ посещаемых туристических мест, образы отдельных ключевых мест в целом; аффективно-мотивационным — реализуемые функции туризма, эмоциональные явления, связанные с посещением мест, субъективная витальность после посещения туристических мест; поведенческим — перемещение в пространстве и реализуемые в посещаемом месте поведенческие модели.

Личностный компонент психологического содержания туризма включает: ценностные ориентации, особенности самоактуализации.

Рассмотрим более подробно (насколько это позволяет формат статьи) теоретическую модель психологического содержания туризма, с которой мы работаем.

Психические процессы имеют пространственные измерения (Березина, 2012; Зинченко, Мамардашвили, 2004). Человек и географическое пространство образуют единство, они неотделимы друг от друга: вся жизнедеятельность человека происходит в этом пространстве, и само это пространство наполнено содержанием психологических смыслов, знаков (Литвин, 2016). Также и

А. Ангял считал, что отделить человека (если точнее — организм) от среды невозможно, ведь они взаимодействуют друг с другом, взаимопроникают друг в друга (Angyal, 1941). А. Н. Леонтьев в статье «Образ мира» отмечает, что окружающее человека пространство обладает не только 4 координатами пространство – время, но к ним добавляется еще 5 координат — осознание этого пространства. Человек живет в пятимерном мире (Леонтьев, 1983).

Человек вступает с географическим пространством в некие отношения (мы пока не говорим, что эти отношения психологические): человек перемещается в пространстве, наблюдает за ним, преобразует его, размещает Себя в пространстве, наделяет пространство своим личностным содержанием.

Мы считаем, что для всего разнообразия активности, направленной на восприятие, изучение, переживание и преобразования пространства, необходим некий общий психологический регуляторный конструкт (Литвин, 2013). У человека формируется то, что необходимо ему для поддержания этих отношений, что позволяет регулировать отношения (Эльконин, 1994).

Некоторые исследователи описывали так называемую когнитивную карту как конструкт, который служит таким регулятором. Например, В. В. Петухов считал,

что структура «когнитивной карты определяется не только характером местности, но и теми задачами, которые приходится решать человеку в окружающей его среде» (Петухов, 1984). Когнициям, когнитивной психологии ряд авторов придает большое значение в исследованиях туризма (Skavronskaya, Scott, Moyle, Le, Nadinejad, 2017).

По нашему мнению, когниции — лишь часть реальности, часть некоей психологической структуры, которая содержит в себе также и эмоциональные явления, и поведенческие планы, модели. Это структура и есть собственно психологическое отношение человека к географическому пространству, имеющее 3 компонента: когнитивный, аффективно-мотивационный и поведенческий.

Рассмотрим данную модель сквозь призму слоев психики, наглядное представление которых предлагают З.И. Рябикина и Л.Н. Ожигова (Рябикина, Ожигова, 1999). Поведение, среда и организм образуют нечто внешнее по отношению к человеку, авторы условно называют эти три компонента объективным слоем реальности. Образ мира, планы и структуры поведения и мотивационно-потребностная сфера образуют бытийный слой психики. Конативный, аффективный и когнитивный компоненты образуют смысловой или собственноличностный слой.

Приложим эту схему к рассмотрению нашей модели психологического содержания туризма. Мы сознательно изменим названия некоторых компонентов слоев, чтобы лучше расставить акценты. Нам важен сам подход к такому наглядному рассмотрению слоев реальности.

Перемещение человека (поведение) как индивида (грубо говоря — перемещение организма) в географическом пространстве (среде) есть внешняя форма туризма. За этой внешней формой кроется психологическое содержание. Образы туристических мест как части образа мира, эмоциональные явления — мотиваторы, поскольку туризм способен удовлетворить потребность в том числе в эмоциональном насыщении (Filep, 2012; Kai, 2013; Pearce, 2005; Pearce, 2009; Šimková, 2014; Tопу, 2014) (работ, посвященных мотивации и счастью, больше, чем посвященных какому-либо другому аспекту туризма; а Н. Chuandong называет стремление к удовольствию «сутью туризма» (Н. Chuandong, 2013), а также намерения по реализации поведенческих моделей составляют психологические отношения человека к географическому пространству (бытийный слой).

На месте личностного слоя психики располагается личностный компонент психологического содержания туризма: важные для изучения туризма ценностные ориентации (Bianchi, 2015) и особенности самоактуализации, о которых писали психологи-исследователи туризма и досуга (Екинцев, Черданцева, 2011; Фернхем, Хейвен, 2001).

Границы в этой схеме между компонентами условные, один компонент оказывает воздействие на другой. Например, образ места как часть пространства строится при движении и восприятии (Замятин, 2014), следовательно, актуализация образа места вызывает желание посетить это место, двигаться в пространстве в его направлении, в частности, в самом месте и воспринимать его. Следовательно, при движении в географическом пространстве и его восприятии у человека появляются новые образы мест. В связи с этим Р.Л. Pearce и J. Packer указывают на связанность процессов мотивации туризма и выбора места назначения для посещения (Pearce, Packer, 2013).

Методики исследования

Приводим используемые нами методики, соответствующие измеряемым компонентам психологического содержания туризма.

Когнитивный компонент. Образы посещаемых мест — семантический дифференциал с набором дескрипторов для оценки пространства, предложенный Лоуэнталь и Риэль (Lowenthal, Riel, 1972) и дополненный нами несколькими дескрипторами. Была сформулирована следующая инструкция к дифференциалу: «Вам предлагается оценить типичные места, которые вы посещаете за пределами своего населенного пункта. Ниже приведены парные противоположные качества, описывающие определенное впечатление от оцениваемых мест. В каждой строке обведите ту цифру, которая соответствует Вашему мнению. Чем ближе цифра к характеристике, тем в большей степени она ей соответствует».

Образы отдельных ключевых мест в целом — семантический дифференциал оценки образа города (олицетворение цивилизации — место суеты), дикой природы (место уединения и созерцания — губительное для человека место), сельской местности (место естественной жизни человека — место, где люди вынуждены выживать тяжелым трудом). Инструкция к дифференциалу: «Оцените три нижеприведенных обобщенных объекта. Выберите характеристику, которая, на Ваш взгляд, больше подходит объекту. В каждой строке обведите ту цифру, которая соответствует Вашему мнению. Чем ближе цифра к характеристике, тем в большей степени она ей соответствует». Семантический дифференциал составлен на основе работы Дж. Голда, который считает, что образы данных объектов являются важными для понимания географических установок людей (Голд, 1990).

Аффективно-мотивационный компонент. Для оценки эмоциональных явлений, связанных с посещением туристических мест, был использован опросник эмоциональной направленности Додонова (Додонов, 1978) с измененной инструкцией к опроснику: «Внимательно прочитайте нижеприведенный перечень переживаний. В правой части таблицы напротив каждого переживания отметьте, в какой степени Вы любите испытывать это переживание (1 — меньше всего люблю испытывать, 7 — больше всего люблю испытывать)».

Для оценки реализуемых функций туризма был использован опросник Дёмина–Пивкина (Дёмин, Пивкин, 2014), направленный на диагностику латентных функций занятости, согласно подходу М. Яходы. Инструкция к опроснику была переформулирована: «Оцените степень влияния Вашего нынешнего досуга (и проведения свободного времени) за пределами своего населенного пункта на различные стороны Вашей жизни. Отвечая на вопросы, обводите кружком одну из цифр между предлагаемыми вариантами ответов. Цифра “1” означает максимальную степень согласия с левым вариантом, цифра “7” — с правым вариантом. Цифра “4” означает среднее значение между вариантами».

Субъективная витальность измерялась с помощью Шкалы субъективной витальности Александровой (Александрова, 2014). Инструкция к опроснику была переформулирована: «Пожалуйста, ответьте на каждое из следующих утверждений, выделив цифру (цветом, курсивом или обведите), показывающую, насколько это утверждение верно для вас и вашего состояния после того, как вы возвращаетесь домой после своих туристических поездок».

Поведенческий компонент. Для оценки реализуемых в пространстве поведенческих моделей был применен авторский опросник, в котором присутствуют

следующие шкалы: наблюдение за пространством, перемещение в пространстве, преобразование в пространстве, статичное размещение Себя в одном месте пространства. Инструкция к опроснику: «Оцените, что именно Вы стремитесь делать по отношению к посещаемым Вами местам за пределами своего населенного пункта. Отметьте цифру в каждой строке, используя следующую систему оценок...». Примеры пунктов: «Во что бы то ни стало побывать там». «Самостоятельно передвигаться к кульминационной точке в интересующем месте». «Наблюдать красоты места, любоваться ими».

Личностный компонент. Для оценки ценностных ориентаций использовался опросник Рокича (Карелин, 2007) со стандартной инструкцией.

Для оценки особенностей самоактуализации использовались шкалы самоактуализационного теста САТ (Гозман, 1995): сензитивность, спонтанность, синергия. Инструкция использовалась стандартная.

Таким образом, в ходе эмпирического исследования проверялась гипотеза о существовании различий в психологических характеристиках представителей различных видов туризма. Выявление различий осуществлялось с помощью t-критерия Стьюдента для несвязанных выборок.

Выборку исследования составили представители трех видов туризма: горного (ходят пешком с рюкзаками, ночуя в палатках), пляжного (ездят на море), культурно-исторического (осматривают культурно-исторические достопримечательности в населенных пунктах). Рассмотрим выборку подробнее. «Горные» туристы: $n = 65$ человек, возраст от 19 до 41 года, средний возраст — 28,8 лет; 44 мужчины, 21 женщина. «Пляжные» туристы: $n = 65$ человек, возраст от 18 до 50 лет, средний возраст — 25,7 лет; 40 мужчин, 25 женщин. «Культурно-исторические» туристы: $n = 60$ человек, возраст от 19 до 40 лет, средний возраст — 28,2 лет; 20 мужчин, 40 женщин.

Эмпирические результаты и их интерпретация

В ходе эмпирического исследования получены следующие результаты.

Когнитивный компонент. Были выявлены значимые различия в образе посещаемых мест и в образе городов.

«Горные» туристы оценивают посещаемые ими места в большей степени, чем другие туристы, как красивые, статичные, хаотичные, здоровые, интересные, тихие, темные, не подавляющие, снимающие напряжение, пессимистичные, далекие, высокие.

«Культурно-исторические» туристы оценивают посещаемые ими места в большей степени, чем другие туристы, как оживленные, светлые, богатые, новые, близкие, широкие, зловонные, раздражающие.

«Пляжные» туристы оценивают посещаемые ими места в большей степени, чем другие туристы, как опрятные, низкие, уродливые, угнетающие.

Полученные различия в образе посещаемых мест можно в точности объяснить особенностями тех объектов, которые туристы посещают. Разные объекты, посещаемые туристами, разные и образы. «Горные» туристы описали горы: красивые, статичные (стоящие на одном месте, неизменные в течение длительного периода) и т.д. «Культурно-исторические» туристы описали города: оживленные (средоточие людей), зловонные (от выхлопных газов,строек, мусорных контейнеров) и т.д. «Пляжные» туристы описали пляжи: опрятные (оборудованность современ-

Таблица 1. Сравнение значений переменных у представителей трех видов туризма по когнитивному компоненту

№	Переменная	Виды туризма		
		Горный	Культурно-исторический	Пляжный
1	красивый — уродливый	1,15**	1,5**	1,76**
2	чистый — зловонный	1,77*	2,33**	1,92*
3	хорошо спланированный — хаотичный	3,62**	2,83*	2,69*
4	здоровый — нездоровый	1,46**	2*	2,08*
5	оживленный — статичный	5**	2,17**	3,15**
6	богатый — бедный	3,46*	2,17**	3,15*
7	интересный — скучный	1,08**	1,83*	1,85*
8	новый — древний	3,69*	2,83**	4*
9	бодрящий — угнетающий	2,08*	2*	2,77**
10	тихий — шумный	2,23**	3,83*	3,31*
11	не подавляет — вызывает чувство беспокойства	2,15**	3,17*	2,69*
12	опрятный — грязный	2,69*	2,33*	1,85**
13	светлый — темный	3,15**	1,83**	2,38**
14	снямающий напряжение — раздражающий	1,62**	2,67**	2,23**
15	оптимистичный — пессимистичный	2,54**	2*	1,85*
16	близкий — далекий	5,23**	2,67**	3,31**
17	высокий — низкий	2,46**	3,17**	3,69**
18	широкий — узкий	3,31*	2,67**	3,23*
19	город как олицетворение цивилизации — город как место суеты	5,07*	4,83*	3,76**

* есть статистически значимые различия с одним из показателей в ряду, $p \leq 0,05$ ** есть статистически значимые различия с двумя другими показателями в ряду, $p \leq 0,05$

ных пляжей), низкие (по сравнению с высокими горами; пляжи — минимальная высота над уровнем моря), уродливые (чрезмерная застройка, уродливые кабинки для переодевания) и т.д. Таким образом гипотеза о различиях в образе посещаемых мест в различных видах туризма подтверждается.

«Пляжные» туристы оценивают города как олицетворение цивилизации в большей степени, чем «горные» и «культурно-исторические».

Видимо, «пляжные» туристы не так хорошо знакомы с другими городами, потому как не посещают их, в отличие от «культурно-исторических». Город, ими посещаемый, является их местом постоянного проживания, где они имеют все возможные удобства, которые могут отсутствовать на пляжах. «Пляжные» туристы не идут специально в горы как «горные» туристы из места суеты (города) в место уединения и созерцания (дикая природа). Таким образом, гипотеза о различиях в образе

Таблица 2. Сравнение значений переменных у представителей трех видов туризма по аффективно-мотивационному компоненту

№	Переменная	Виды туризма		
		Горный	Культурно-исторический	Пляжный
1	упорядочивание повседневной жизни во времени	16,84**	19,16**	14,23**
2	обеспечение регулярных взаимодействий за пределами своей семьи	16,69**	15,16**	13**
3	соединение индивидуальных целей с надындивидуальными	17,46**	19,16**	14,69**
4	побуждение к регулярному проявлению активности	17,07**	15,66*	15,23*
5	вынужденность досуговой занятости	9,23**	11,33*	11,69*
6	романтические эмоции	6,15**	5,67**	4,85**
7	акзигитивные эмоции	3,62**	4,5*	4,77*
8	глотрические эмоции	5,08*	4,67**	5,15*
9	альтруистические эмоции	6,23*	6,33*	5,92**
10	гностические эмоции	5,77**	4,67*	4,85*
11	пугнические эмоции	6,08*	5,83*	5,15**
12	коммуникативные эмоции	6,08*	6,17*	5,54**
13	субъективная витальность	38,38*	37,5*	35,15**

* есть статистически значимые различия с одним из показателей в ряду, $p \leq 0,05$

** есть статистически значимые различия с двумя другими показателями в ряду, $p \leq 0,05$

обобщенных мест в различных видах туризма лишь частично подтверждается, потому как нет различий в образе дикой природы и сельской местности.

Аффективно-мотивационный компонент. Были выявлены значимые различия в реализации функций досуговой занятости, особенностей эмоциональных явлений, связанных с посещением мест, уровнем субъективной витальности.

Функции досуговой занятости. «Горные» туристы наиболее высоко оценивают степень влияния туризма на обеспечение регулярных взаимодействий за пределами своей семьи, на побуждение к регулярному проявлению активности. В этом туризме присутствует общение с Другими, с другими группами в ходе тура. Является физически активным видом туризма, побуждая регулярно выезжать за пределы своего населенного пункта и подготавливать снаряжение. Вынужденность занятости туризмом — самая низкая, что говорит о том, что люди, практикуют данный вид туризма, исходят из своих внутренних интенций.

«Культурно-исторические» туристы наиболее высоко оценивают степень влияния туризма на упорядочивание повседневной жизни во времени, что, видимо, связано с необходимостью обстоятельно планировать график отпусков, на сое-

динение индивидуальных целей с надындивидуальными, что можно объяснить общей тенденцией сохранений культурного наследия.

«Пляжные» туристы наиболее низко оценивают степень влияния туризма на упорядочивание повседневной жизни во времени (видимо, нет планирования поездок, они сугубо сезонные), на обеспечение регулярных взаимодействий за пределами своей семьи, на соединение индивидуальных целей с надындивидуальными (в прибрежных селениях и пляжах нет общения с другими людьми, только с тем, с кем приехал).

Таким образом, гипотеза о различиях в реализации функций занятости в различных видах туризма подтверждается.

Эмоциональные явления, связанные с посещением мест. «Горные» туристы, более чем другие туристы, любят в посещаемых ими местах испытывать эмоции романтические, гностические, все это связано с желанием изведать, изучить ранее неизвестные места. Наименее всего любят испытывать эмоции акизитивные, связанные с накопительством, которое никакого отношения к данному виду туризма не имеет.

«Культурно-исторические» туристы наименее всего любят испытывать в посещаемых ими местах эмоции глорические, что может говорить о понимании ими величия тех мест и достопримечательностей, которые они осматривают, и нежелании выделяться на их фоне.

«Пляжные» туристы наименее всего любят испытывать эмоции альтруистические, пугнические, коммуникативные, романтические. Видимо, это связано с купированием эмоций вообще при посещении пляжей, в старании не показывать, не испытывать какие-либо эмоции в месте скопления большого количества незнакомых людей.

Таким образом, гипотеза о различиях в эмоциональных явлениях, связанные с посещением мест, подтверждается.

Субъективная витальность. «Пляжные» туристы испытывают наименьшую субъективную витальность, чем остальные туристы. Они ездят из одного места большого скопления людей (свой город), в другое место большого скопления людей (пляжи), что не способствует реализации функций личности.

Таким образом, гипотеза о различиях в субъективной витальности подтверждается только у представителей пляжного вида туризма.

Поведенческий компонент. Были выявлены некоторые значимые различия в поведенческих моделях.

«Горные» туристы, более чем другие туристы, стремятся в посещаемых ими местах реализовать поведенческую модель «перемещение» (в горных походах эти туристы много ходят пешком) и модель «наблюдатель» (любование красотами, исследование места).

Таким образом, гипотеза о различиях в поведенческих моделях подтверждается лишь на «горных» туристах, практикующих специфический вид туризма, предполагающий специфическое поведение. Их поведение очень активно, в отличие от представителей других видов туризма. «Горным» туристам необходимо еще дома собрать снаряжение, еду, проходить относительно большие расстояния в течение нескольких дней.

Личностный компонент. Ценности личности. Существенных различий в ценностных ориентациях туристов выявлено не было.

Таблица 3. Сравнение значений переменных у представителей трех видов туризма по поведенческому компоненту

№	Переменная	Виды туризма		
		Горный	Культурно-исторический	Пляжный
1	поведенческая модель «перемещение»	23,38**	19,66*	19*
2	поведенческая модель «наблюдатель»	25,30**	23,16*	22,15*

* есть статистически значимые различия с одним из показателей в ряду, $p \leq 0,05$

** есть статистически значимые различия с двум другими показателями в ряду, $p \leq 0,05$

Таблица 4. Корреляция ценностных иерархий представителей трех видов туризма (коэффициент Спирмена).

№	Сопоставляемые виды туризма	Значения коэффициента корреляции (уровень значимости)	
		Терминальные ценности	Инструментальные ценности
1	Горный и культурно-исторический	0,692*	0,229
2	Горный и пляжный	0,475*	0,411*
3	Культурно-исторический и пляжный	0,792*	0,249

* статистически значимая корреляция

Практически все коэффициенты статистически значимы, что говорит о высокой связанности ценностных иерархий туристов. Анализируя таблицу 5, в которой приведены первые «пятерки» ценностей, можно наглядно увидеть схожесть ценностных ориентаций туристов.

Как видно из таблицы 4, некоторые ценности характерны для двух-трех видов туризма, пусть и имеют разные ранги.

Особенными, не повторяющимися в других видах туризма, ценностями «горных» туристов являются: уверенность в себе, активная деятельная жизнь, развитие (терминальные), а также независимость и образованность (инструментальные). Особой ценностью «культурно-исторических» туристов является: широта взглядов (инструментальная). Особенности ценностями «пляжных» туристов являются: наличие хороших и верных друзей (терминальная) и воспитанность (инструментальная). Хорошо видно, что наибольшее количество особенных ценностей у «горных» туристов. Однако гипотеза о различиях в ценностях не подтверждается, что может быть связано с тем, что туристы выбирают один вид досуга, за пределами своего населенного пункта, а также с проживанием в пределах одного субъекта федерации, со своими культурными и ценностными традициями.

Особенности самоактуализации. Были выявлены некоторые значимые различия в особенностях самоактуализации туристов.

Таблица 5. Сравнение значений переменных у представителей трех видов туризма по личностному компоненту (ценностям личности)

№	Первые «пятерки» ценностей (в скобках средний ранг)			
	Горный	Культурно-исторический	Пляжный	
1	уверенность в себе (5,07)	здоровье (4,00)	здоровье (4,84)	
2	терминальные	активная деятельная жизнь (6,46)	любовь (4,00)	наличие хороших и верных друзей (5,92)
3		любовь (6,69)	счастливая семейная жизнь (4,50)	любовь (6,84)
4		счастливая семейная жизнь (6,69)	свобода (4,83)	материально обеспеченная жизнь (7,15)
5		развитие (6,92)	материально обеспеченная жизнь (6,33)	свобода (7,23)
1	Инструментальные	независимость (6,07)	ответственность (4,83)	честность (6,46)
2		честность (6,69)	самоконтроль (5,33)	воспитанность (6,69)
3		ответственность (6,76)	широта взглядов (7,50)	жизнерадостность (7,07)
4		образованность (7,61)	эффективность в делах (7,66)	самоконтроль (7,46)
5		жизнерадостность (7,76)	жизнерадостность (8,00)	эффективность в делах (7,69)

«Горные» туристы имеют самую высокую сензитивность. Вкупе с тем, что они же имеют самую низкую вынужденность занятости туризмом, это говорит о том, что они практикуют туризм исходя из собственных интенций, побуждений, к которым они умеют прислушиваться. Кроме того, в ходе совершения туров необходимо отслеживать собственное состояние, чтобы не слишком утомиться.

«Культурно-исторические» туристы имеют самую низкую сензитивность, спонтанность и синергию. Получается, что они имеют самую низкую самоактуализацию. Данный вид туризма не способствует самоактуализации личности, и его выбирают не самоактуализирующиеся личности. Вероятно, это из-за приниженного понимания Себя рядом с памятниками культуры, порою утомительных экскурсий, наблюдения за социальным неравенством в разных городах. Н. Chuandong считает одной из целей туризма утверждение и возвеличивание Себя (Н. Chuandong, 2013). При этом данные туристы хотят испытывать глорические эмоции в наименьшей степени, чем другие туристы. Видимо, в основе причины наименьшей степени самоактуализации лежит невозможность утвердить и возвеличить Себя.

Таким образом, гипотеза о различиях в особенностях самоактуализации подтверждается только на «культурно-исторических» туристах.

Заключение

Опираясь на эмпирические результаты, можно сделать вывод, что частично подтверждена гипотеза о существовании различий в психологическом содер-

Таблица 6. Сравнение значений переменных у представителей трех видов туризма по личностному компоненту (особенностям самоактуализации)

№	Переменная	Виды туризма		
		Горный	Культурно-исторический	Пляжный
1	Особенности самоактуализации. Сензитивность	52,77**	41,33**	48,30**
2	Особенности самоактуализации. Спонтанность	51,76*	48,50**	49,76*
3	Особенности самоактуализации. Синергия	50,61*	45,66**	50*

* есть статистически значимые различия с одним из показателей в ряду, $p \leq 0,05$

** есть статистически значимые различия с двум другими показателями в ряду, $p \leq 0,05$

жании туризма у людей, практикующих различные виды туризма: различно их отношение к географическому пространству в когнитивном и эмоционально-аффективном компоненте, но не различны их личностные особенности и поведенческий компонент. Это может быть связано с тем, что туризм — это прежде всего реализация отношений к географическому пространству, а не личностных особенностей людей; и туризм одинаково для всех своих видов предполагает перемещение из одного места в другое.

Были составлены обобщенные портреты представителей каждого вида туризма, основанные на эмпирических данных. Критерием портретирования послужил относительный уровень выраженности характеристик. Портреты отражают психологическое содержание туризма у людей, практикующих различные виды туризма: характеризуют ряд особенностей отношения к географическому пространству и личностных особенности туристов.

Психологическое содержание туризма у людей, практикующих горный туризм, характеризуется рядом особенностей. Представители горного туризма оценивают горы, ими посещаемые, как красивые, статичные, хаотичные, здоровые, интересные, тихие, темные, не подавляющие, снимающие напряжение, пессимистичные, далекие, высокие. Любят в горах испытывать чувство необычайного, таинственного, неизведанного, появляющегося в незнакомой обстановке, местности; а также интерес, наслаждение при познании нового. К занятиям туризмом их мотивирует обеспечение регулярных взаимодействий за пределами своей семьи (ведь в этом виде туризма присутствует общение с Другими, с другими группами в ходе тура) и побуждение к регулярному проявлению активности, потому как данный вид туризма является физически активным, также он побуждает регулярно выезжать за пределы своего населенного пункта (бывает почти каждый месяц), подготавливать снаряжение, еду, проходить относительно большие расстояния в течение нескольких дней. Их поведение очень активно. Посещаемые места они стремятся обойти, наблюдая красоты этого места. Их поведение направлено на изучение ранее неизвестных им мест. Представителей этого вида туризма отличает высокая сензитивность. Люди практикуют данный вид туризма исходя из своих внутренних интенций, побуждений, к которым они прислушиваются. Они

ценят уверенность в себе, активную деятельную жизнь, развитие, а также независимость и образованность.

Психологическое основание туризма у людей, практикующих культурно-исторический туризм, характеризуется рядом особенностей. Представители культурно-исторического туризма оценивают посещаемые ими культурно-исторические достопримечательности, находящиеся большей частью в городах, как оживленные, светлые, богатые, новые, близкие, широкие, зловонные, раздражающие. Можно сказать, о понимании ими величия тех мест и достопримечательностей, которые они осматривают, и нежелании выделять Себя на их фоне. К занятиям туризмом их мотивирует упорядочивание повседневной жизни во времени, что, видимо, очень тесно связано с необходимостью обстоятельно планировать график отпусков, соединение индивидуальных целей с надындивидуальными, потому как осмотр культурных достопримечательностей происходит на фоне общей тенденции сохранения культурного наследия. Представителей этого вида туризма отличает низкая сензитивность, низкий уровень спонтанности и синергии, которые не развиваются в данном виде туризма, видимо, из-за приниженного понимания Себя рядом с памятниками культуры, утомительных экскурсий. Ценят широту взглядов.

Психологическое основание туризма у людей, практикующих пляжный туризм, характеризуется рядом особенностей. Представители пляжного туризма оценивают посещаемые ими пляжи как опрятные, низкие, уродливые, угнетающие. Города оценивают как олицетворение цивилизации, поскольку на пляжах, как правило, отсутствуют некоторые ее достижения, необходимые для комфорта. Эти туристы в малой степени любят на пляжах испытывать какие-либо эмоции, потому как происходит купирование эмоций в местах скопления большого количества незнакомых людей. Латентные функции занятости реализуются в их досуге в самой низкой степени (упорядочивание повседневной жизни во времени, соединение индивидуальных целей с надындивидуальными, обеспечение регулярных взаимодействий за пределами своей семьи), потому как поездки на море просто привязаны к сезону, четкого планирования поездки на море нет. Туристы в прибрежных селениях и пляжах не общаются с другими людьми, только с теми, с кем приехали. Данный вид туризма не способствует реализации функций туризма. Субъективная витальность (чувство наполненности энергией) после посещения пляжей минимальная. Пляжный туризм — ритуальный вид туризма; ездить на море каждое лето является данью норме, а не внутренним желанием туристов. Ценят наличие хороших и верных друзей и воспитанность.

Разработанная в ходе теоретического анализа модель отношений человека к географическому пространству применима не только для изучения туризма. Данная модель может быть использована и для других феноменов, связанных со взаимодействием человека и географического пространства: размещением производств, при выборе места жительства и др.

Полученные результаты открывают новые возможности анализа туризма как имеющего богатое психологическое содержание, возникающее при взаимодействии человека и географического пространства. Мы вплотную подходим к созданию теории туризма на основе понятия «отношение к географическому пространству». Выявлено своеобразие психологического содержания различных видов туризма.

Созданная модель туризма может быть использована для объяснения многих феноменов, связанных с туризмом: проблемы взаимодействия людей в туристической группе, выбор мест для посещения, чувство удовольствия или неудовлетворения от тура и др. Речь идет о психологическом благополучии человека при совершении туров.

Результаты исследования также могут быть полезны при формировании туристических групп, выборе мест для посещения, создании имиджа туристических объектов, в решении проблем внутригруппового взаимодействия туристов.

В качестве дальнейшей научной работы над туризмом можно изучать маршруты следования туристов как реальность, в которую непосредственно погружены туристы; динамику эмоционального состояния в процессе прохождения или проезда маршрута, психологические аспекты ориентирования и другое психологическое содержание туристических маршрутов.

Библиографический список

1. Александрова, Л. А. (2014). Субъективная витальность как предмет исследования. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 1, 133–163.
2. Березина, Т. Н. (2012). Многомерная психика. Внутренний мир личности. Москва: ПЕР СЭ.
3. Гозман, Л. Я., Кроз М. В., Латинская М. В. (1995). Самоактуализационный тест. Москва: Рос. пед. агентство.
4. Голд, Дж. (1990). Психология и география: основы поведенческой географии. Москва: Прогресс.
5. Дёмин, А. Н., Пивкин, Д. Ю. (2014). Разработка опросника «Психологическая структура занятости». Психология. Экономика. Право, 4, 18–29.
6. Додонов, Б. И. (1978). Эмоция как ценность. Москва: Политиздат.
7. Екинцев, В. И., Черданцева А. В. (2011). Туристическая деятельность как проявление саморазвития человека. Психология в экономике и управлении, 1, 70–74.
8. Замятин, Д. Н. (2014). Пространство и движение. Социологические исследования, 4, 20–29.
9. Зинченко, В. П., Мамардашвили, М. К. (2004). Проблема объективного метода в психологии. Постнеклассическая психология, 1, 45–70.
10. Карелин, А. (2007). Большая энциклопедия психологических тестов. Москва: Эксмо.
11. Кусков, А. С., Голубева, В. Л., Одинцова, Т. Н. (2005). Рекреационная география. Учебно-методический комплекс. Москва: МПСИ, Флинта.
12. Леонтьев, А. Н. (1983). Образ мира. В В. В. Давыдов (ред.) Избр. психолог. произведения (с. 251–261). Москва: Педагогика.
13. Литвин, А. В. (2016). Противопоставление и единство человека и географического пространства. Психолог, 2, 1–8. doi: 10.7256/2409–8701.2016.2.18955
14. Литвин, А. В. (2013). Особенности ментальной географической карты в подростковом возрасте. Психология. Экономика. Право, 1, 54–59.
15. Мясисhev, В. Н. (1995). Психология отношений. Москва-Воронеж.
16. Петухов, В. В. (1984). Образ мира и психологическое изучение мышления. Вестник Московского Университета, 4, 13–20.
17. Рябикина, З. И., Ожигова, Л. Н. (1999). Общество и человек: объективное в субъективном пространстве личности. Человек. Сообщество. Управление, 4, 5–27.
18. Фернхем, А., Хейвен, П. (2001). Личность и социальное поведение. Санкт-Петербург: Питер.
19. Эльконин, Б. Д. (1994). Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л. С. Выготского). Москва: Трифола.
20. Angyal, A. (1941). Foundations for a Science of Personality. New York: The Commonwealth Fund.

21. Bianchi, C. (2015). Solo Holiday Travellers: Motivators and Drivers of Satisfaction and Dissatisfaction. *International Journal of Tourism Research*, 4, 17–32. doi: 10.1002/jtr.2049
22. Chuandong, H. (2013). Tourism: An Explanation of Evolutionary Psychology. *Tourism Tribune*, 28 (9): 102–108.
23. Filep, S. (2012). Positive Psychology and Tourism. *Handbook of Tourism and Quality-of-Life Research*, 2, 31–50. DOI: 10.1007/978-94-007-2288-0_3
24. Holden, A. (2005). *Tourism Studies and the Social Sciences*. London: Routledge.
25. Kai, L. (2013). Happiness and Tourism. *International Journal of Business and Social Science*, 4 (15), 67–70.
26. Lowenthal, D. & Riel, M. (1972). Milieu and Observer Differences in Environmental Associations. *Publications on Environmental Perception*, 7, 37–86.
27. Pearce, P. L. & Packer J. (2013). Minds on the move: New links from psychology to tourism. *Annals of Tourism Research*, 40, 386–411.
28. Pearce, P. L. (2005). *Tourist Behaviour. Themes and conceptual schemes*. Clevedon: Channel View Publications.
29. Pearce, P. L. (2009). The relationship between positive psychology and tourist behavior studies. *Tourism Analysis*, 14, 37–48.
30. Šimková, E. (2014). Psychology and its application in tourism. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 114, 317–321.
31. Skavronskaya, L., Scott, N., Moyle, B., Le, D., Hadinejad, A., Zhang, R., Gardiner, S., Coghlan, A. & Shakeela, A. (2017). Cognitive psychology and tourism research: state of the art. *Tourism Review*, 2, 221–237. doi: 10.1108/TR-03-2017-0041
32. Tony, S.M. Tse. (2014). Does Tourism Change Our Lives? *Journal Asia Pacific Journal of Tourism Research*, 9, 989–1008.

Статья поступила в редакцию 17.02.2018
Статья принята к публикации 25.03.2018

Для цитирования: Литвин А.В. Психологические особенности людей, практикующих различные виды туризма. – Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 2. С. 100–116.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF PEOPLE PRACTICING DIFFERENT TYPES OF TOURISM

A. V. Litvin

Anton V. Litvin, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya Str., 149.
E-mail: domen_anton_imp@mail.ru.

Abstract. The results of an empirical research of the psychological content of tourism are presented in the paper. It was necessary to single out an individual's attitude to geographical space, as well as personal characteristics of people who practice tourism, within the framework of the content of tourism.

The attitude includes three components: cognitive, affective-motivational and behavioral. The personal component of the psychological content of tourism includes value orientations and specific characteristics of self-actualization.

It was assumed that there were distinctions in the psychological content of tourism among people practicing different types of tourism. To verify the hypothesis, representatives of three types of tourism (mountainous, cultural-historical, and beach (n = 190)) were polled.

In the course of the comparative analysis, statistically significant differences in the content of tourism among people practicing various types of tourism were revealed. Most of these differences occur in the cognitive and the affective-motivational components of the attitude to geographical space. The hypothesis is confirmed in the cognitive and the affective-motivational components of the attitude to geographical space, and is not confirmed in the behav-

ioral component of the attitude to geographical space and in the personal component of the content of tourism. The interpretation of the results is represented in the paper.

Psychological portraits of people practicing mountain, cultural, historical or beach type of tourism were made up. The portraits reflect the psychological content of tourism; namely, they describe a number of features of the attitude to geographical space, and personal characteristics of tourists.

Key words: psychological content of tourism, attitude of a person to geographical space, image of a tourist place, psychological functions of tourism, emotions, subjective vitality, behavioral models.

References

1. Aleksandrova, L. A. (2014). Sub"yektivnaya vital'nost' kak predmet issledovaniya [Subjective Vitality as a Research Object]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 1, 133–163.
2. Angyal, A. (1941). *Foundations for a Science of Personality*. New York: The Commonwealth Fund.
3. Berezina, T. N. (2012). *Mnogomernaya psikhika. Vnutrenniy mir lichnosti* [Multidimensional psyche. The Inner World of the Individual]. Moskva: PER SE.
4. Bianchi, C. (2015). Solo Holiday Travellers: Motivators and Drivers of Satisfaction and Dissatisfaction. *International Journal of Tourism Research*, 4, 17–32. doi: 10.1002/jtr.2049
5. Chuandong, H. (2013). Tourism: An Explanation of Evolutionary Psychology. *Tourism Tribune*, 28 (9): 102–108.
6. Dodonov, B. I. (1978). *Emotsiya kak tsennost'* [Emotion as a value]. Moskva: Politizdat.
7. Dyomin, A. N., Pivkin, D. Yu. (2014). Razrabotka oprosnika "Psikhologicheskaya struktura zanyatosti" [Development of the questionnaire "Psychological structure of employment"]. *Psikhologiya. Ekonomika. Pravo* [Psychology. Economy. Law], 4, 18–29.
8. El'konin, B. D. (1994). *Vvedeniye v psikhologiyu razvitiya (v traditsii kul'turno-istoricheskoy teorii L. S. Vygotskogo)* [Introduction into Psychology of Development (in the Tradition of Cultural and Historic Theory of L. S. Vygotsky)]. Moskva: Trivola.
9. Fernkhem, A., Kheyven P. (2001). *Lichnost' i sotsial'noye povedeniye* [Personality and Social Behaviour] Sankt-Peterburg: Piter.
10. Filep, S. (2012). Positive Psychology and Tourism. *Handbook of Tourism and Quality-of-Life Research*, 2, 31–50. DOI: 10.1007/978-94-007-2288-0_3
11. Gold, Dzh. (1990). *Psikhologiya i geografiya: osnovy povedencheskoy geografii* [An introduction to behavioural geography]. Moskva: Progress.
12. Gozman, L. Ya., Kroz, M. V. & Latinskaya M. V. (1995). *Samoaktualizatsionnyy test* [Self-actualization Test]. Moskva: Ros. ped. agentstvo.
13. Holden, A. (2005). *Tourism Studies and the Social Sciences*. London: Routledge.
14. Kai, L. (2013). Happiness and Tourism. *International Journal of Business and Social Science*, 4 (15), 67–70.
15. Karelin, A. (2007). *Bol'shaya entsiklopediya psikhologicheskikh testov* [The Great Encyclopedia of psychological tests]. Moskva: Eksmo.
16. Kuskov, A. S., Golubeva, V. L. & Odintsova, T. N. (2005). *Rekreatsionnaya geografiya: uchebno-metodicheskii kompleks* [Recreational geography. Tutorial]. Moskva: MPSI, Flinta.
17. Leont'yev, A. N. *Obraz mira. Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya* [Image of the World. Selected Psychological Works]. Moskva: Pedagogika
18. Litvin, A. V. (2013). Osobennosti mental'noy geograficheskoy karty v podrostkovom vozraste [Features mental map during adolescence]. *Psikhologiya. Ekonomika. Pravo* [Psychology. Economy. Law]. 1. 54–59.
19. Litvin, A. V. (2016). Protivopostavleniye i yedinstvo cheloveka i geograficheskogo prostranstva [Opposition and Unity of Man and Geographical Space]. *Psikholog* [Psychologist], 2, 1–8. doi: 10.7256/2409-8701.2016.2.18955

20. Lowenthal, D. & Riel, M. (1972). Milieu and Observer Differences in Environmental Associations. *Publications on Environmental Perception*, 7, 37–86.
21. Myasishchev, V. N. (1995). *Psikhologiya otnosheniy* [Psychology of Relations]. Moskva-Voronezh.
22. Pearce, P. L. & Packer J. (2013). Minds on the move: New links from psychology to tourism. *Annals of Tourism Research*, 40, 386–411.
23. Pearce, P. L. (2005). *Tourist Behaviour. Themes and conceptual schemes*. Clevedon: Channel View Publications.
24. Pearce, P. L. (2009). The relationship between positive psychology and tourist behavior studies. *Tourism Analysis*, 14, 37–48.
25. Petukhov, V. V. (1984). Obraz mira i psikhologicheskoye izucheniye myshleniya [The Image of the World and the Psychological Study of Thinking]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta* [Bulletin of Moscow University], 4, 13–20.
26. Ryabikina, Z. I. & Ozhigova L. N. (1999). Obshchestvo i chelovek: ob"yektivnoye v sub"yektivnom prostranstve lichnosti [Society and the Person: Objective in Subjective Space of the Person]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye* [Human. Community. Management], 4, 5–27.
27. Šimková, E. (2014). Psychology and its application in tourism. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 114, 317–321.
28. Skavronskaya, L., Scott, N., Moyle, B., Le, D., Hadinejad, A., Zhang, R., Gardiner, S., Coghlan, A. & Shakeela, A. (2017). Cognitive psychology and tourism research: state of the art. *Tourism Review*, 2, 221–237. doi: 10.1108/TR-03-2017-0041
29. Tony, S. M. Tse. (2014). Does Tourism Change Our Lives? *Journal Asia Pacific Journal of Tourism Research*, 9, 989–1008.
30. Yekintsev, V. I., Cherdantseva A. V. (2011). Turisticheskaya deyatel'nost' kak proyavleniye samorazvitiya cheloveka [Tourist Activity as a Manifestation of a Person's Self-development]. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii* [Psychology in Economics and Management], 1, 70–74.
31. Zamyatin, D. N. (2014). Prostranstvo i dvizheniye [Space and Movement]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 4, 20–29.
32. Zinchenko, V. P. & Mamardashvili M. K. (2004). Problema ob"yektivnogo metoda v psikhologii [The Problem of the Objective Method in Psychology]. *Postneklassicheskaya psikhologiya* [Post-nonclassical psychology], 1, 45–70.

For citation: Litvin A. V. Psychological features of people practicing different types of tourism. – *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 2. P. 100–116.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

СОЗДАНИЕ ОБРАЗА РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИКА-ЖЕНЩИНЫ В PR: ВОСТРЕБОВАННЫЕ КАЧЕСТВА И ХАРАКТЕРИСТИКИ

Е. В. Кривцова, Т. С. Рябуха, Е. В. Шапкина, В. В. Шиллер

Кривцова Евгения Владимировна, Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6. Эл. почта: evgeniya_k@bk.ru.

Рябуха Татьяна Сергеевна, Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6. Эл. почта: riabuha.t@yandex.ru.

Шапкина Елена Владимировна, ООО «ЭнергоРесурс», 650070, Россия, г. Кемерово, ул. Свободы, д. 8. Эл. почта: shapkinaev@mail.ru.

Шиллер Вадим Викторович, Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6. Эл. почта: shiller.vadim@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специфики создания образа регионального политика-женщины. Политическая самоидентификация электората ориентирована не столько на партийные программы, политические взгляды и установки, сколько на образы женщин-политиков, складывающиеся в массовом сознании. Целью эмпирического исследования было изучение составляющих образ женщины-политика качеств и характеристик, востребованных в регионе, а также роль PR-технологий в его создании. Основными методами сбора и анализа эмпирических данных исследования являлись: анкетный и экспертный опрос, контент-анализ, методика «Незаконченные предложения».

В результате исследования было выявлено, что к составляющим образ женщины-политика лидерским качествам, востребованным в регионе, относят в первую очередь решительность и предприимчивость. Из профессионально-деловых качеств женщины-политика наиболее важным представляется добросовестность в выполнении обязанностей. Также есть запрос на морально-этические качества — честность, неподкупность и справедливость. Как показали результаты исследования, при создании образа женщины-политика стоит принять на вооружение такие PR-технологии, как паблисити, формирование узнаваемости у аудитории через присутствие на ТВ, в прессе, в интернет-изданиях, избегая при этом формы саморекламы, а также участие в пресс-конференциях и встречах с электоратом. Специфика создания образа женщин-политиков заключается в том, что он должен включать маскулинные качества, но при этом придерживаться своей гендерной роли и учитывать особенности гендерных стереотипов.

Ключевые слова: женщина-политик, имидж, образ, лидерство, PR, PR-технологии, регион, Кемеровская область.

Роль женщин в современном обществе постепенно возрастает. Всё больше наших современниц занимают руководящие посты в бизнесе, предпринимательстве, а также в политике. При этом политическая самоидентификация электората ориентирована не столько на партийные программы, политические взгляды и установки, сколько на образы женщин-политиков, складывающиеся в массовом сознании. Поэтому так важна для лидеров работа над собственным имиджем — использование методов и PR-технологий, с помощью которых происходит создание образа женщины-политика, и которые, в конечном счете, открывают женщинам путь к вершинам политической власти (Aydin, Sahin, 2016; Ames, 2016; Anthony, 2017; Caldiero, 2016; Dimitrov, 2015; Martinelli, Erzikova, 2017; Turk, Valin, 2017). Продвижение женщин во власть необходимо для стабильного и устойчивого развития общества, для реального равноправия мужчин и женщин.

Постановка проблемы

Образ женщины-политика — это специально формируемое представление в глазах различных социальных групп. Он возникает не спонтанно, а благодаря целенаправленным усилиям как самого политика, так и его PR-команды. Но иногда он возникает и вопреки их воле и желаниям как результат полового различия или деятельности других недружественных политиков с помощью различных средств, прежде всего средств массовой информации (Добриогло, 2005; Дергач, 2006; Паттерсон, 2009; Шахтарина, 2000; Яковлев, 2010; Arcos, 2016; Singh, Duhan, 2016). Образ должен быть выстроен с учётом региональной специфики, обусловлен временем (не рекомендуется повторно использовать один и тот же образ, даже если он ранее приносил успех); определён демографическими и этнопсихологическими факторами (национальный состав населения, миграции на национальной основе). Также нужно учитывать ситуативные факторы — внезапные изменения политической ситуации или события в жизни политика (Гринберг, 2010; Golan, Yang, Kinsey, 2015; Maier, 2015; Mengü, Mengü, 2016; Mogenssen, 2017).

Перед PR-специалистами встаёт сложная задача по созданию образа, который сможет привести женщину к успеху на политической арене. Эти сложности происходят из-за влияния мнений, сложившихся в обществе, и стереотипов, которые касаются женщин-политиков.

Образ женщины-политика является социально-психологической категорией, если рассматривать его с точки зрения определённых функциональных особенностей и образования. Такая категория может объединять в себе не только социальный статус, социальные связи женщины-политика, но и ее психологические особенности и качества.

Выделяют три группы, которые являются компонентами образа женщины-политика и влияют на принятие избирателями решения о выборе (Морозова, 2010; Молчанов, 2013):

- 1) рациональные характеристики (интеллектуальные способности, внешность и результаты интеллектуальной деятельности);
- 2) эмоциональные характеристики (личностные особенности и поведенческие характеристики, описывающие отношения и ценностные установки);
- 3) практические характеристики (волевые и энергетические характеристики личности, способность достигать цели, а также проявления деятельности).

Выделенные компоненты образа женщины-политика позволяют описать этот образ, спрогнозировать отношение к нему и могут применяться в качестве практического инструмента в PR.

Кроме того, важным компонентом образа является сценарий прихода во власть, семья и окружение женщины-политика.

Из этого можно сделать несколько выводов.

Во-первых, образ женщины-политика создается на почве специфического сплетения информационных, эмоционально-коммуникативных и деятельностных факторов.

Во-вторых, создание образа женщины-политика проходит ряд определенных этапов, каждый из которых имеет свои методы осуществления.

В-третьих, женщина-политик должна использовать свои женские характеристики, такие, как большая гибкость, более естественный артистизм.

Обычно основными PR-технологиями в создании образа женщины-политика выступают (Амелин, Устименко, 2011; Ковлер, 2005; Дудин, 2009; Бухарова, 2007; Бочкова, 2010; Потёмкина, 2010; Слепенков, 2005; Цуладзе, 2002; Шейнов, 2008):

- 1) мифологизация и стереотипизация образа;
- 2) благотворительная деятельность;
- 3) специальные мероприятия /события;
- 4) устные сообщения (пресс-конференции, выступления перед разными социальными группами, планирование и резервирование важных мест выступления и подготовка речей);
- 5) паблисити (осуществляется через контакты с прессой, радио, телевидением, а также интернет-изданиями);
- 6) составление репортажей, пресс-релизов;
- 7) распространение с наибольшей эффективностью печатных, фото- и видеоматериалов среди различных групп общественности;
- 8) встречи с электоратом;
- 9) спонсорство;
- 10) ведение блогов в социальных сетях;
- 11) имиджевая реклама (имени и репутации женщины-политика).

Анализ научной литературы показал, что, несмотря на большое количество исследований, посвящённых технологиям создания образа женщины-политика, констатировать высокую степень разработанности данной проблематики в гендерном аспекте не приходится. Кроме того, вопросы исследования образа женщин-политиков на региональном уровне (на примере Кемеровской области) не были предметом специального изучения.

Цель исследования

Нами было разработано и проведено эмпирическое исследование, целью которого явилось изучение составляющих образ женщины-политика качеств и характеристик, востребованных в регионе, а также роль PR-технологий в его создании.

Методы исследования

Общую выборку составили 80 испытуемых, в их числе мужчины и женщины в возрасте от 20 до 45 лет (средний возраст составляет 30 лет), проживающие в Кемеровской области. Мы применили следующие методы: анкетный и экспертный опрос, контент-анализ, а также методику «Незаконченные предложения».

Анализ и интерпретация результатов исследования

Анкетный опрос. В ходе исследования было опрошено 74 респондента: 26 мужчин и 48 женщин, из них 24 женщины в возрасте от 18 до 25 лет, 15 респонденток — 25–35 лет и 9–35–40 лет. Из 26 опрошенных мужчин 18 в возрасте от 18 до 25 лет, 5 человек — 25–35 лет, и 3 — от 35 до 40 лет.

Первый блок вопросов раскрывает отношение респондентов к политике и участию в политической деятельности. Из ответов можно сделать вывод, что для большинства из них политика не представляет особого интереса. Одна часть респондентов объясняет это тем, что у них существует большое недоверие к политикам, их словам и действиям. Они отмечают, что от них ничего не зависит

и в политике, по определению, много лжи. Другая часть ссылается на занятость, отсутствие интереса к этой сфере социальной жизни и иные частные причины. Можно заключить, что «климат мнений» в современном российском обществе не предписывает гражданину интересоваться политикой и не требует от него оправданий, если он такого интереса не проявляет.

Самым популярным источником получения политической информации на сегодняшний день служит Интернет и социальные сети.

Хоть большинство респондентов не особо интересуются политикой, они часто обращают внимание на личную жизнь политических лидеров, 83% респондентов ответили, что они следят за всеми новостями, которые связаны с личной жизнью не только мировых политиков, но и, хоть и реже, своего региона. Также они (68% ответивших) признались, что на их представление об образе политического лидера чаще всего влияют неформальные источники информации (слухи, статьи из жёлтой прессы, шутки).

Что же представляет собой образ женщины-политика для жителей Кемеровской области? Большинство респондентов полагают, что образ женщины-политика — это прежде всего общая картина личности в глазах окружающих.

Для имиджмейкеров при создании образа женщины-политика важно знать, какие качества и характеристики будут важны для избирателей в первую очередь. На что нужно сделать упор, чтобы образ получился удачным и нравился большинству.

Для жителей Кузбасса наиболее важными персональными составляющими женщины-политика являются возраст — 49%, семейное положение — 43%, трудоспособность и честность — 8%. Можно подытожить, что успешная женщина-политический лидер — это женщина, имеющая семью. Такое представление о женщине-политике в нашем обществе можно объяснить устоявшимися в нем патриархальными стереотипами.

Из внешних составляющих были перечислены: способность вызывать доверие, симпатию — 52%, набор публичных навыков (раскованность, ораторские приемы) — 34%, умение производить впечатление уверенного в себе человека — 12% и гибкость (дипломатичность) — 2%.

Качества, присущие образу женщины-политика, в анкетном опросе были разделены на лидерские, морально-этические, профессионально-деловые. Важными лидерскими качествами респонденты посчитали решительность и предприимчивость. Такой выбор объясняется тем, что «политическая арена», чаще всего, считается сугубо мужским местом. И поэтому женщине, чтобы достичь на ней успеха, нужно уметь проявлять ум и «жесткость» характера, но в то же время уметь завоёвывать симпатию у различных слоёв общества (рис. 1).

Из профессионально-деловых качеств женщины-политика самым важным респондентам представляется добросовестность в выполнении обязанностей (64%). Это одна из самых важных черт, т.к. добросовестность считается триумвиратом совести, души и разума, направленным на честное, качественное исполнение обязанностей. При отсутствии этого качества трудно представить успешность в политике, т.к. добросовестность — главная составляющая успеха. Считается, что добросовестная женщина-политик стремится работать на «совесть», безупречно. Её отличительные черты — любовь к порядку, дисциплинированность и самоорганизация, высокая результативность и эффективность (рис. 2).

Рис. 1. Лидерские качества, присущие женщине-политику

Рис. 2. Профессионально-деловые качества, присущие женщине-политику

Для жителей Кузбасса морально-этическими качествами, присущими женщине-политическому лидеру, являются: справедливость, честность, неподкупность и в меньшей степени настойчивость. Также такие черты характера, как порядочность, благородство, чувство такта базируются на справедливости. К людям, обладающим этими качествами, чаще испытывают уважение. На них надеются в трудных ситуациях. Политики и власть часто используют веру людей в их честность и справедливость, чтобы добиться запланированных целей и создать нужное настроение в обществе (рис. 3).

При создании образа женщины-политика необходимо, чтобы все качества и характеристики дополняли друг друга. Поэтому задача как женщины-политика, так и PR-специалистов, занимающихся созданием её образа — развивать эти качества и делать так, чтобы они как можно продуктивнее помогали в профессиональной сфере.

Мы попытались выяснить, знают ли респонденты женщин-политиков. Ни для кого не секрет, что самым известным и узнаваемым российским политиком является президент РФ В.В. Путин. Неожиданно третьим по популярности оказался политик, общественный деятель и создатель «Фонда борьбы с коррупцией» А.А. Навальный. Не так давно документальный фильм «Он вам не Димон», выпу-

Какими морально-этическими качествами, по Вашему мнению, должна в первую очередь обладать женщина-политик?

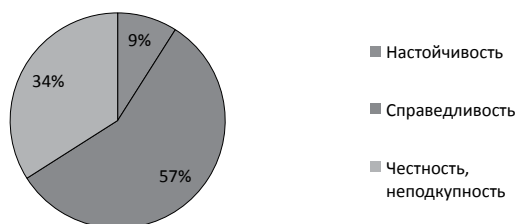

Рис. 3. Морально-этические качества, присущие женщине-политику

Рис. 4. Известные политики РФ

щенный на его официальном «YouTube» канале, оказался обсуждаемым событием в Интернете (рис. 4).

Что касается знания российских женщин-политиков, то большая часть респондентов (42%) затруднилась назвать их имена. Е.Б. Мизулину вспомнили 32% ответивших, В.И. Матвиенко — 28%, М.А. Кожевникову — 28%.

Назвать женщин-политиков Кемеровской области для респондентов стало самой сложной задачей. Почти все ответили, что они не могут указать ни одного имени (91%). Только 9% отметили женщин — политических лидеров Кузбасса и, скорее всего, из-за того, что сами респонденты состоят в партии «Единая Россия». Поэтому и названы были федеральный координатор ВОО «Молодая Гвардия» по Сибирскому федеральному округу во Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России» — Дарья Крюкова (7%) и депутат ГД ФС РФ, член комитета ГД по международным делам — Татьяна Алексеева (2%).

При анализе данных анкетного опроса выявилась проблема неосведомленности жителей Кемеровской области о женщинах-политиках их региона. Это можно объяснить тем, что женщин в региональной политике численно меньше, а кроме того можно предположить недостаточность регулярной работы по формирова-

нию образов регионального политика-женщины, с привлечением PR-специалистов, использованием PR-технологий.

Экспертный опрос. В качестве экспертов были приглашены преподаватели КемГУ, кандидаты политических и психологических наук, а также специалисты-практики, занимающиеся данной тематикой. Всего было опрошено шесть экспертов.

Все специалисты сошлись во мнении, что «образ женщины-политика создают «команда» политика и привлечённые PR-специалисты».

В блоке вопросов о том, что является важной составляющей образа женщины-политика, респонденты отметили следующее: образование — 70%, гибкость (дипломатичность) — 10%, грамотная и чёткая речь — 10%, а также способность вызывать доверие и симпатию — 10%.

Кроме того, женщина-политик должна обладать: организаторскими способностями и коммуникабельностью (80%), умением сплотить и вести за собой людей (10%) и активной гражданской позицией (10%).

Наиболее важными деловыми и профессиональными качествами для создания образа женщины-политика экспертам представляются знание закона и порядка работы государственных органов — 100%.

Что касается факторов, играющих важную роль при создании образа женщины-политика, тут эксперты разделилось во мнениях. 50% из них считают, что наиболее важны вторичные факторы, в них входят профессиональные и личностные качества, способности, знания, умения, навыки руководителя, система его общения и поведения, а другие 50% полагают наиболее значимыми социально-культурные факторы. К социально-культурным факторам относят зависимость образа от стандартов, принятых в обществе (мода, национальные традиции и т.п.); социального статуса его носителя и конкретной ситуации, в которой он находится. Главное — не забывать, что все факторы следует использовать в совокупности, ведь тогда действие этих факторов составляет общую функциональную структуру процесса образования образа.

На вопрос об основном источнике информации, который успешнее всего транслирует образ женщин-политиков, а также помогает его созданию и продвижению, 67% экспертов указали Интернет, 33% — ТВ.

Самыми эффективными формами продвижения экспертами были выбраны:

- 1) для ТВ и радио — интервью и комментарии в эфире по актуальным темам;
- 2) в интернете — новостные ленты и использование социальных сетей;
- 3) в прессе — прямая реклама, выполненная в форме статьи.

По мнению экспертов, из всех PR-технологий для создания образа женщин-политиков чаще всего используется паблисити. Это объясняется тем, что у электората куда больше доверия вызывает статья или сюжет на телевидении, в которых женщина-политик упоминается не с целью саморекламы, а для донесения какой-то нужной информации. Избиратель видит в этом желание женщины-политика решить насущные проблемы, а заодно и узнаёт больше о самом политическом лидере (рис. 5).

Эксперты полагают, что специфика создания образа женщин-политиков заключается в том, что он должен включать в себя маскулинные качества, так как политика — это «мужская игра», но при этом придерживаться своей гендерной роли и учитывать особенности гендерных стереотипов, быть поистине женским,

Какие PR-технологии для создания образа женщин-политиков используется чаще всего?

Рис. 5. PR-технологии создания образа женщин-политиков

сочетая в себе образ «жены», «матери» и «политика». Это позволит ей достичь успеха и доминирующей позиции.

Только половина экспертов смогла назвать успешный образ женщины-политика города Кемерово.

Среди успешных образов женщин-политиков были названы:

1. Ирина Фёдорова. Ранее была заместителем главы города Кемерово по социальным вопросам.

2. Дарья Крюкова. Федеральный координатор ВОО «Молодая Гвардия» по Сибирскому федеральному округу во Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России».

3. Ирина Синицына. С 2013 г. по настоящее время председатель комитета по вопросам здравоохранения и социальной защиты населения Совета народных депутатов Кемеровской области.

Все эти образы включают вышеуказанную специфику. Женщины-политики в равной степени сочетают в себе маскулинные и феминные качества. Именно поэтому эксперты посчитали их успешными.

Назвать неудачный образ женщины-политика Кемеровской области ни один из экспертов не смог.

Экспертов также попросили дать оценку тому, почему мужские образы политиков воспринимаются в обществе позитивнее женских. В этом вопросе эксперты оказались единодушны. Все 100% считают, что это происходит из-за устоявшихся патриархальных взглядов, определяющих место и роль женщины в обществе, которых придерживаются не только электоральные группы, но и политические институты (например, СМИ). Политика считается «мужским делом», именно это создает ряд трудностей при формировании и тиражировании образа женщины-политика.

Методика «Незаконченные предложения». В ходе исследования также было опрошено 74 респондента, из них 26 мужчин и 48 женщин.

Методика включала 15 незаконченных предложений, разделённых на 3 группы, которые позволили выявить сформировавшиеся представления жителей Кемеровской области о том, что собой представляет образ женщины-политика, а также отношения к тому, какими качествами она должна обладать.

Идеальный образ женщины-политика...

Рис. 6. Идеальный образ женщины-политика

Первый критерий исследования — отношение жителей Кемеровской области к политике. В анкете присутствовали такие незаконченные предложения, как: «К политике я отношусь ...», «Я считаю, что политика, проводимая в моём городе...», «Я и политика...» и т.д.

Жителям Кемеровской области в основном не интересна политика и всё, что с ней связано. Выяснилось, что 60% респондентов относятся к политике нейтрально, 23% не увлекаются политикой вовсе и лишь 17% проявляют к ней интерес. Также ровно половина опрошенных респондентов считает политику, проводимую в их городе, незаметной, 27% — хорошей, а 17% остаются неудовлетворёнными. Но, что интересно, все 100% утверждают, что их жизнь и политика абсолютно не совместимы.

Второй критерий исследования — ассоциации, связанные с образом женщины-политика. В анкете присутствовали такие незаконченные предложения, как: «Для образа женщины-политика характерно...» (54% отметили честность, 23% — целеустремленность, 13% — добросовестность, 10% — хитрость), «Когда я слышу словосочетание «образ женщины-политика», то я...» (34% указали, что представляют Ангелу Меркель, 23% не понимают, что это значит, 33% представляют женщину в строгом костюме, а 10% задумываются), «Идеальный образ женщины-политика...» и т.д.

Для образа женщины-политика характерны такие черты, как честность и целеустремленность. А словосочетание «образ женщина-политик» у большинства респондентов ассоциируется с канцлером Германии Ангелой Меркель. Идеальный же образ женщины-политика представляется для одной половины как образ строгой, но справедливой женщины, а для другой идеального образа женщины-политика не существует (рис. 6).

Последний критерий исследования — качества, которыми должна обладать женщина-политический лидер. В анкете присутствовали такие незаконченные предложения, как: «Женщина-политик должна...» (37% респондентов отметили: быть честной, 33% — хорошо выглядеть, 20% — быть лидером и 10% — знать законы), «Я думаю, что для женщины-политического лидера важно...» (не переставать быть женственной — 48%, иметь «стальные» нервы — 25%, не сдаваться — 16% и иметь поддержку — 11%), «Женщина-политик должна обладать такими чертами как...» (рис. 7) и т.д.

Женщина-политик должна обладать такими чертами, как...

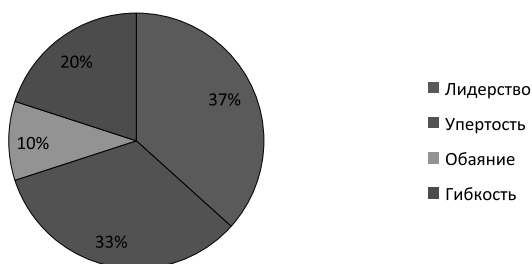

Рис. 7. Черты, присущие женщине-политику

Проанализировав ответы, можно сделать вывод, что женщина-политический лидер должна всегда хорошо выглядеть и обладать такими качествами, как честность, упорность, гибкость, и быть настоящим лидером. Для женщины-политика также важно не потерять свою женственность в борьбе за власть на политической арене и обладать стрессоустойчивостью, чтобы преодолеть все трудности на пути к своей цели.

Контент-анализ. Для изучения создания образа женщины-политика на региональном уровне нами были выбраны депутаты шестого созыва Кемеровского городского совета народных депутатов. В действующий совет 18 сентября 2016 г. было избрано 36 депутатов, из которых 11 женщин и 25 мужчин.

Для контент-анализа были взяты выборки из газет «А42» (интернет-издание), «Кузбасс» и «Кемерово» (печатные издания) за последний год, в которых упоминались женщины-политики, депутаты шестого созыва Кемеровского городского совета народных депутатов.

В Кемеровском горсовете число женщин-депутатов составляет 30,6% от общего количества депутатских мест. По сравнению с другими городами Сибирского федерального округа это достаточно высокий показатель представительства женщин в законодательных органах власти. Так, в Новосибирской области — 8% женщин-депутатов, в Красноярском крае — 33,3%, в Алтайском крае — 25%, в Томской области — 18,2%, в Иркутской области — 11,4%, в Республике Бурятия — 13,3%, в Забайкальском крае — 13,8%, в Омской области — 2%, в Республике Хакасия — 35,7%, в Республике Тыва — 37,5%, в Республике Алтай — 28,6% (Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации).

Каждой социальной роли соответствует устоявшаяся модель поведения, которая закрепляется в сознании избирателей через определённые знаковые черты. Образ женщины-политика можно считать успешно созданным, если в нем воспроизводится связь между социальной ролью и моделью поведения.

Проанализировав представительниц городского совета народных депутатов, можно сделать вывод, что большинство женщин-политиков (55%) придерживается образа «матери». Второй по популярности образ — «железная леди» (45%). Образ «соблазнительницы» и «талисман» не используется вовсе.

Рекомендации

Полученные в ходе проведённого исследования результаты позволяют сформулировать рекомендации по использованию PR-технологий для создания образа женщины-политика на региональном уровне:

1. При создании персональных составляющих образа женщины-политика следует увеличить демонстрацию интуитивных способностей, гибкости, коммуникабельности, возможности достижения компромисса. Больше внимание стоит уделить нравственным качествам женщин-политиков. Также она должна чётко увязать свою политическую кампанию и программу с преимуществами своего пола, активизировав тем самым гендерную идентичность избирателя.

2. Для женщины-политика в условиях преобладания в образе преимущественно визуальных характеристик важно постоянно демонстрировать свои профессиональные и деловые качества. Чтобы закрепить и подтвердить свои позиции, женщине-политическому лидеру необходимо прежде всего продемонстрировать результаты конкретных действий, которые были направлены на благо своих избирателей и последователей. В ином случае женщина-политик может восприниматься лишь в качестве формального дополнения мужского мира политики.

3. Чтобы эффективно применять PR-технологии создания образа женщины-политика, необходимо целостное и глубокое исследование электорального поведения. Это поможет выявить наиболее устойчивые и привлекательные характеристики, которыми должны обладать женщины-политики, так как привлекательный образ женщины-политического лидера должен в первую очередь содержать черты, которые будут понятны и принимаемы электоральной группой, на которую он рассчитан.

4. Важную роль в создании образа женщины во власти играет паблисити. Чаще всего именно они определяют направленность общественного мнения в отношении женщины-политика. Женщина из Интернета, социальных сетей и с телевизионного экрана должна воплощать не только образ домохозяйки, хранительницы очага, активного субъекта семейно-бытовых отношений, но и успешного руководителя, политика, научного деятеля. Для этого можно использовать интервью и комментарии в эфире по актуальным вопросам, ведение блогов в социальных сетях и статей, посвящённых женщинам-политикам.

5. Женщинам-политикам следует придерживаться образа «матери» или «железной леди». Эти образы наиболее популярны у электората Кемеровской области. В первом случае PR-специалисты должны делать акцент на семье женщины-политика, а во втором — на её достижениях и успехах.

6. Стиль одежды должен быть строгим, но элегантным. Цвета не ярких, желательно пастельных тонов. Это считается наиболее приятным визуальным образом у избирателей.

Придерживаясь данной стратегии, можно создать успешный образ женщины-политика Кемеровской области.

Выводы

Подводя итог, следует отметить, что к составляющим образ женщины-политика лидерским качествам, востребованным в регионе, относят в первую очередь решительность и предприимчивость. Из профессионально-деловых качеств женщины-политика наиболее важным представляется добросовестность в выполнении

нии обязанностей. Также есть запрос на морально-этические качества — честность, неподкупность и справедливость.

Создание образа женщины-политика не только на мировом, но и на региональном уровне — это очень сложный и многогранный процесс, в котором важно учитывать каждую мелочь. Поддержание этого образа на сегодняшний день также является одной из важнейших задач для любой женщины-политика. При его создании стоит принять на вооружение такие PR-технологии, как паблисити, формирование узнаваемости у аудитории через присутствие на ТВ, в прессе, в интернет-изданиях, избегая при этом саморекламы, а также участие в пресс-конференциях и встречах с электоратом.

Специфика создания образа женщин-политиков заключается в том, что он должен включать маскулинные качества, но при этом придерживаться своей гендерной роли и учитывать особенности гендерных стереотипов, быть поистине женским, гармонично сочетая в себе образ «жены», «матери» и одновременно «политика».

Библиографический список

1. Амелин, В. Н., Устименко, С. В. (2011). *Технология избирательной кампании*. Москва: Издательский дом Гребенникова.
2. Бочкова, Е. А. (2010). *Механизмы PR-технологий в имидже современного политика*. Академия Тринитаризма.
3. Бухарова, О. В. (2007). *Имидж лидера: технология создания и продвижения*. СПб.: Речь.
4. Гринберг, Т. Э. (2010). *Политическая реклама: портрет лидера*. Москва: Аспект Пресс.
5. Дергач, А. А. (2006). *Политическая имиджелогия*. Москва.
6. Дмитриев А.В., Латынов В.В., Яковлев И.Г. (2002). *Политика, политология, Интернет*. М.: Современный гуманитарный университет.
7. Добриогло, М. А. (2005). Специфика развития женского движения как субъекта политического процесса. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*, 1, 70–74.
8. Дудин, Д. М. (2009). *Образ политического лидера и возможности его изменения*. Псков: Проспект.
9. Ковлер, А. И. (2005). *Избирательные технологии: российский и зарубежный опыт*. Москва: ИГиП РАН.
10. Молчанов, К. А. (2013). Социальные технологии формирования оптимального имиджа политического лидера. *Всероссийский журнал научных публикаций*, 3, 52–53.
11. Морозова, Е. Г. (2010). *Политический рынок и маркетинг: концепции, модели, технологии*. Санкт-Петербург: Проспект.
12. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Режим доступа <http://www.cikrf.ru/>
13. Паттерсон, Т. (2009). *Имидж политика: теоретические проблемы, методы анализа*. Москва: ИНФРА.
14. Потёмкина, О. Ф. (2010). *Имидж политического лидера*. Москва: Проспект.
15. Слепенков, И. М. (2005). *Избирательная кампания: стратегия, тактика, психологические аспекты*. Москва: Центр избирательных технологий.
16. Цуладзе, А. М. (2002). *Формирование имиджа политика в России*. Москва: Книжный дом «Университет».
17. Шахтарина, М. В. (2000). Проблемы участия молодых российских женщин в политике. *Социологический сборник*, 7, 108–115.
18. Шейнов, В. П. (2008). *Психология лидерства, влияния, власти*. Минск: Харвест.

19. Ames, C. (2016). *Entertainment Public Relations*. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften. DOI: <https://doi.org/10.3726/978-1-4539-1775-6>.
20. Anthony, S. (2017). *Public relations and the making of modern Britain: Stephen Tallents and the birth of a progressive media profession: Monograph*. Manchester University Press. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv6p52v>.
21. Arcos, R. (2016). Public relations strategic intelligence: Intelligence analysis, communication and influence. *Public Relations Review*, 42 (2), 264–270. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2015.08.003>.
22. Aydin, B. O. & Sahin, E. (2016). *Research Methods and Techniques in Public Relations and Advertising*. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften. DOI: <https://doi.org/10.3726/b10899>.
23. Caldiero, C. (2016). *Neo-PR. Public Relations in a Postmodern World*. Peter Lang Inc., International Academic Publishers. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781501319457>.
24. Dimitrov, R. (2015). Silence and invisibility in public relations. *Public Relations Review*, 41 (5), 636–651. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2014.02.019>.
25. Golan, Guy J., Yang, Sung-Un & Kinsey, D. F. (2015). *International Public Relations and Public Diplomacy*. Peter Lang Inc., International Academic Publishers. DOI: <https://doi.org/10.3726/978-1-4539-1432-8>.
26. Maier, C. T. (2015). Public relations as humane conversation: Richard Rorty, stakeholder theory, and public relations practice. *Public Relations Inquiry*, 4 (1), 25–39. DOI: <https://doi.org/10.1177/2046147x14554140>.
27. Martinelli, D. & Erzikova E. (2017). Public relations leadership development cycle: A cross-cultural perspective. *Public Relations Review*, 3 (5), 1062–1072. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2017.09.002>.
28. Mengü, S. & Mengü, M. (2016). Making Sense of Public Relations as Culture Policy. *Journalism and Mass Communication*, 6 (10). DOI: <https://doi.org/10.17265/2160-6579/2016.10.008>.
29. Mogensen, K. (2017). From public relations to corporate public diplomacy. *Public Relations Review*, 43 (3), 605–614. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2017.03.011>.
30. Singh, A. & Duhan P. (2016). *Managing Public Relations and Brand Image through Social Media*. IGI Global. DOI: <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-0332-3>.
31. Turk, Judy Van Slyke & Valin J. (2017). *Public Relations Case Studies from Around the World* (2nd Ed.). Peter Lang Inc., International Academic Publishers. DOI: <https://doi.org/10.3726/b11746>.

Статья поступила в редакцию 27.01.2018

Статья принята к публикации 05.03.2018

Для цитирования: Кривцова Е.В., Рябуха Т.С., Шапкина Е.В., Шиллер В.В. Создание образа регионального политика-женщины в PR: востребованные качества и характеристики. – Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 2. С. 117–131.

IMAGE MAKING OF A REGIONAL FEMALE POLITICIAN IN PR: REQUIRED QUALITIES AND CHARACTERISTICS

E. V. Krivtsova, T. S. Ryabukha, E. V. Shapkina, V. V. Shiller

Evgenia V. Krivtsova, Kemerovo State University, 650000, Russia, Kemerovo, Krasnaya str., 6.
E-mail: evgeniya_k@bk.ru

Tatyana S. Ryabukha, Kemerovo State University, 650000, Russia, Kemerovo, Krasnaya str., 6.
E-mail: riabuha.t@yandex.ru

Elena V. Shapkina, Limited Liability Company «EnergoResurs» LLC, 650070, Russia,
Kemerovo, ul. Svobody str., 8. E-mail: shapkinaev@mail.ru

Vadim V. Shiller, Kemerovo State University, 650000, Russia, Kemerovo, Krasnaya str., 6.
E-mail: shiller.vadim@yandex.ru

Abstract. The article analyses the specific character of a regional female politician's image making. The political self-identification of the electorate is not so much oriented towards party programs, political views and attitudes, as towards images of female politicians which are taking shape in mass consciousness. The aim of the empirical research was to study the qualities and characteristics of a female politician's image that are required in Kemerovo Oblast', as well as the role of PR technologies in its making. The main methods of collecting and analyzing the empirical data were questionnaire and expert surveys, content analysis, and the method known as "Unfinished sentences" technique.

The analysis has revealed that the major leadership qualities that compose a female politician's image in Kemerovo Oblast' are determination and enterprise, in the first place. For business-oriented professional female politicians, it is most necessary to be conscientious in doing one's duty. Besides, such moral and ethical characteristics as honesty, integrity / incorruptibility and fairness / justice are in great demand.

According to the results of the research, to create a successful female politician's image, it is necessary to resort to some PR technologies, such as publicity, TV appearances, and press and Internet coverage, press conferences and meetings with the electorate, but without any form of self-advertising. The specifics of a female politician's image is that it should combine both male and female characteristics, yet keep within the framework of its gender and take into account gender stereotypes.

Key words: female politician, image, leadership, PR, PR technologies, region, Kemerovo Oblast'.

References

1. Amelin, V. N. & Ustimenko, S. V. (2011). *Tekhnologiya izbiratel'noy kampanii* [The technology of an electoral company]. Moscow: Izdatel'skiy dom Grebennikova.
2. Ames, C. (2016). *Entertainment Public Relations*. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften. DOI: <https://doi.org/10.3726/978-1-4539-1775-6>.
3. Anthony, S. (2017). *Public relations and the making of modern Britain: Stephen Tallents and the birth of a progressive media profession: Monograph*. Manchester University Press. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv6p52v>.
4. Arcos, R. (2016). Public relations strategic intelligence: Intelligence analysis, communication and influence. *Public Relations Review*, 42 (2), 264–270. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2015.08.003>.
5. Aydin, B. O. & Sahin, E. (2016). *Research Methods and Techniques in Public Relations and Advertising*. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften. DOI: <https://doi.org/10.3726/b10899>.
6. Bochkova, E. A. (2010). *Mekhanizmy PR-texnologiy v imidzhe sovremennogo politika* [Mechanisms of PR technologies in the image of a modern politician]. Akademiya Trinitarizma.
7. Bukharova, O. V. (2007). *Imidzh lidera: tekhnologiya sozdaniya i prodvizheniya* [The image of a leader: the technology of creation and promotion]. St. Petersburg: Rech'.
8. Caldiero, C. (2016). *Neo-PR. Public Relations in a Postmodern World*. Peter Lang Inc., International Academic Publishers. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781501319457>.
9. Dergach, A. A. (2006). *Politicheskaya imidzhelogiya* [Political imageology]. Moscow.
10. Dimitrov, R. (2015). Silence and invisibility in public relations. *Public Relations Review*, 41 (5), 636–651. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2014.02.019>.
11. Dmitriev, A.V., Latynov, V.V. & Yakovlev, I.G. (2002). *Politika, politologiya, Internet* [Politics, political science, Internet]. Moscow: Modern Humanities University.
12. Dobrioglo, M. A. (2005). Spetsifika razvitiya zhenskogo dvizheniya kak sub'ekta politicheskogo protsessa [The specifics of the development of the women's movement as a subject of the political process]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 1, 70–74.
13. Dudin, D. M. (2009). *Obraz politicheskogo lidera i vozmozhnosti yego izmeneniya* [The image of a political leader and the possibilities of its alteration]. Pskov: Prospekt.

14. Golan, Guy J., Yang, Sung-Un & Kinsey, D. F. (2015). *International Public Relations and Public Diplomacy*. Peter Lang Inc., International Academic Publishers. DOI: <https://doi.org/10.3726/978-1-4539-1432-8>.
15. Grinberg, T. E. (2010). *Politicheskaya reklama: portret lidera* [Political advertising: A portrait of the political leader]. Moscow: Aspekt Press.
16. Kovler, A. I. (2005). *Izbiratel'nye tekhnologii: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt* [Electoral technologies: Russian and foreign experience]. Moscow: IGI P RAN.
17. Maier, C. T (2015). Public relations as humane conversation: Richard Rorty, stakeholder theory, and public relations practice. *Public Relations Inquiry*, 4 (1), 25–39. DOI: <https://doi.org/10.1177/2046147x14554140>.
18. Martinelli, D. & Erzikova E. (2017). Public relations leadership development cycle: A cross-cultural perspective. *Public Relations Review*, 3 (5), 1062–1072. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2017.09.002>
19. Mengü, S. & Mengü, M. (2016). Making Sense of Public Relations as Culture Policy. *Journalism and Mass Communication*, 6 (10). DOI: <https://doi.org/10.17265/2160-6579/2016.10.008>.
20. Mogensen, K. (2017). From public relations to corporate public diplomacy. *Public Relations Review*, 43 (3), 605–614. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2017.03.011>.
21. Molchanov, K. A. (2013). Sotsial'nyye tekhnologii formirovaniya optimal'nogo imidzha politicheskogo lidera [Social technologies of formation of the optimal image of a political leader]. *Vserossiyskiy zhurnal nauchnykh publikatsiy*, 3, 52–53.
22. Morozova, E. G. (2010). *Politicheskii rynek i marketing: kontseptsii, modeli, tekhnologii* [Political market and marketing: concepts, models, technologies]. St. Petersburg: Prospekt.
23. Ofitsial'nyi sayt Tsentral'noy izbiratel'noy komissii Rossiyskoy Federatsii [The official website of the Central Election Commission of the Russian Federation]. Retrieved from <http://www.cikrf.ru>.
24. Patterson, T. (2009). *Imidzh politika: teoreticheskiye problemy, metody analiza* [The image of a politician: theoretical problems and methods of analysis]. Moscow: INFRA.
25. Potemkina, O. F. (2010). *Imidzh politicheskogo lidera* [The image of a political leader]. Moscow: Prospekt.
26. Shakhtarina, M. V. (2000). Problemy uchastiya molodykh rossiyskikh zhenshchin v politike [The problems of participation of young Russian women in politics]. *Sotsiologicheskii sbornik*, 7, 108–115.
27. Sheynov, V. P. (2008). *Psikhologiya liderstva, vliyaniya, vlasti* [Psychology of leadership, influence, and power]. Minsk: Harvest.
28. Singh, A. & Duhan P. (2016). *Managing Public Relations and Brand Image through Social Media*. IGI Global. DOI: <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-0332-3>.
29. Slepnev, I. M. (2005). *Izbiratel'naya kampaniya: strategiya, taktika, psikhologicheskiye aspekty* [Election campaign: strategy, tactics, psychological aspects]. Moscow: Tsentr izbiratel'nykh tekhnologiy.
30. Tsuladze, A. M. (2002). *Formirovaniye imidzha politika v Rossii* [Formation of the image of a politician in Russia]. Moscow: Knizhnyy dom "Universitet".
31. Turk, Judy Van Slyke & Valin J. (2017). *Public Relations Case Studies from Around the World* (2nd Edition). Peter Lang Inc., International Academic Publishers. DOI: <https://doi.org/10.3726/b11746>.

For citation: Krivtsova E.V., Rjabuha T.S., Shapkina E.V., Shiller V.V. Image making of a regional female political in PR: required qualities and characteristics. – *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 2. P. 117-131.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ У ЗАВИСИМЫХ ОТ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

И. А. Громова, Н. И. Олифирович

Громова Ирина Алексеевна, Институт психологии Белорусского государственного педагогического университета, 220114, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Ф. Скорины, 13. Эл. почта: lab.clinic300@gmail.com.

Олифирович Наталья Ивановна, Институт психологии Белорусского государственного педагогического университета, 220114, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Ф. Скорины, 13. Эл. почта: olifirovich@gestalt.by.

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения взаимосвязи генетических и средовых детерминант при формировании зависимости от алкоголя или наркотиков. Рост во всем мире количества людей, употребляющих различные химические вещества, вызывающие зависимость, снижение возраста первого употребления, появление новых «дизайнерских» наркотиков обуславливают необходимость исследования причин возникновения и развития зависимого поведения. Важное место в формировании зависимости занимают определенные события, происходящие в родительской семье зависимой личности, исследованию которых посвящено представленное исследование.

Результатом исследования стало построение регрессионных моделей с высокой предсказательной мощностью для групп алко- и наркозависимых респондентов, включающих ряд независимых переменных, таких как возраст первого приема, угроза жизни в детстве, суициды и судимости в поколениях. Нашла подтверждение гипотеза, что ближайшее окружение играет одну из ведущих ролей в поддержке раннего употребления, формировании и сохранении зависимости от психоактивных веществ. Анализ семейных историй показывает, что наличие зависимых членов в семье, насилие и другие травматические события оказывают устойчивое воздействие на функционирование всех субъектов семейной системы и могут способствовать формированию зависимости от алкоголя или наркотиков в будущем. Полученные результаты важны для организации медицинской, психологической и социальной помощи аддиктам, а также для разработки профилактических мер для работы с членами их семей.

Ключевые слова: зависимость, зависимая личность, семейное окружение, события семейной истории, психоактивные вещества.

Введение

Одной из важнейших современных проблем является устойчивая тенденция распространения зависимости от психоактивных веществ среди молодежи. Значимость этой проблемы определяется масштабностью ущерба, вызываемого потреблением, тяжелыми социально-психологическими и медицинскими последствиями, а также негативным влиянием на развитие будущих поколений. Актуальность исследования проблемы формирования зависимости от химических веществ, изучения соотношения генетических и средовых детерминант обусловлены в первую очередь вирусным распространением химической зависимости среди молодежи и снижением возраста первого употребления.

К психоактивным относятся вещества или смеси естественного или искусственного происхождения, которые влияют на функционирование центральной нервной системы и приводят к изменению психического состояния вплоть до измененного состояния сознания (Каплан, Сэдок, 1994). Наиболее доступным химическим веществом, вызывающим привыкание, является алкоголь. Наряду

с этим актуализировалась проблема употребления наркотических веществ. Характер потребления отдельных видов наркотиков варьируется от экспериментирования до привычки и зависимости. Современную тенденцию можно обозначить как полинаркоманию — одновременное употребление нескольких видов наркотических веществ. Негативные социально-психологические и медицинские последствия потребления алкоголя и наркотиков проявляются в нарушении семейного взаимодействия, росте криминогенного и суицидального поведения, риска заражения гепатитами, ВИЧ-инфекцией и др. (Brunswick, 2006; Deschenes, 1991; Jacobs, 1988; Krai, 1998).

Злоупотребление психоактивными веществами варьируется в зависимости от возраста, пола и других биологических параметров употребляющего, а также условий жизнедеятельности и окружения. Так, к факторам риска относятся: ранний возраст начала употребления, мужской пол, отягощенная наследственность и употребляющее окружение.

Таким образом, сокращение употребления алкоголя и наркотиков становится приоритетным направлением в политике любого государства. Имеющиеся стратегии и методы, ориентированные на раннюю профилактику формирования зависимости от психоактивных веществ у молодежи и на вторичную и третичную профилактику представителей группы риска, не приносят желаемых результатов. Разработка эффективных мероприятий по сокращению вреда, наносимого употреблением алкоголя и наркотиков, становится важнейшей государственной задачей.

Цель работы — выявить факты семейной истории зависимого индивида и его ближайшего окружения, которые могут служить факторами риска формирования зависимости от химических веществ.

Методология исследования. Исследование было построено на принципах биопсихосоциальной модели, постулирующей взаимовлияние биологических, социальных и психологических факторов на формирование любого феномена (Engel, 1980). Исследования, направленные на выяснение причин, лежащих в основе зависимого поведения, указывают на полиморфизм факторов, предрасполагающих к этому. Особое значение имеют определенные паттерны поведения и события в истории семьи зависимой личности.

Методы исследования. В качестве основных методов исследования были использованы интервью для сбора анамнеза и методика «Генограмма» М. Боуэна. Генограмма была выбрана в качестве инструментария, так как она является наиболее подходящей формой записи информации, отражающей события семейной истории (повторяющиеся события, паттерны взаимоотношений, ненормативные кризисы и т.д.). Генограмма представляет собой графическую форму записи семейной родословной, в которой фиксируется информация о членах семьи трех поколений, что позволяет получить более точное и глубокое представление о семье и ее проблемах, и сложных семейных паттернах, ключевых событиях семейной истории. Учитывая историческую перспективу, важно акцентировать внимание на «совпадении» определенных событий.

Изучение семейной истории может дать важную информацию о таких симптоматических паттернах, как наличие зависимости от психоактивных веществ, соматические заболевания, насилие, судимости и суициды, которые нередко

транслируются из поколения в поколение (Варга, 2000; Черников, 1998; Gibson, 1993; Tomson, 1985).

Семейные факторы, которые могут лечь в основу прогностической модели риска употребления алкоголя и наркотиков, можно разделить на три взаимосвязанные категории: структурные, межличностные и исторические. Структурные факторы отражают состав семьи, количество детей, интервалы рождения между сиблингами. Межличностные факторы характеризуют динамику супружеских, родительно-детских и сиблинговых отношений в семье. Исторические семейные факторы рассматривают межпоколенные паттерны, степень и влияние употребления алкоголя и наркотиков в ядерной и расширенной семье. Результаты исследований позволяют утверждать, что употребление алкоголя и наркотиков любым членом семьи будет наиболее вероятно связано с употреблением у других членов семейной системы (Варга, 2000; Бейтсон, 2000; Никольская, 2010; Олифирович, Велента, 2017; Эйдемиллер, Юстицкис, 2008; Gibson, 1993; Громова, 2017).

В представленном исследовании изучались истории семей молодых людей, зависимых от алкоголя и наркотиков. Особое внимание уделялось таким факторам, как возраст начала употребления, наличие насилия в семье и родственников, употребляющих психоактивные вещества. При составлении генограммы каждого участника исследования были выделены единицы анализа, которые отражали жизненные события индивида и его ближайшего окружения. Данные единицы анализа отражают специфику когнитивной системы, которая включает процессы ретроспекции, контроля и имитации поведения и связывает прошлое и будущее индивида.

Методы анализа данных. Полученные при построении генограммы качественные показатели были закодированы в дихотомические переменные. Для анализа полученных переменных использовались таблицы сопряженности. Применялся критерий Mantel-Haenszel — суммарный тест χ^2 для стратифицированных данных, применяемый при условии, когда имеет место искажение эффекта вмешательства из-за действия других факторов.

Статистика Cochran и Mantel-Haenszel включала метод вычисления отношения шансов (OR) в таблицах сопряженности 2×2. Отношение шансов — статистический показатель, позволяющий сравнивать частоту воздействия факторов риска. Отношение шансов является ретроспективным сравнением влияния определенного фактора риска на группы лиц. Для оценки однородности (homogeneity) применялся статистический критерий Breslow-Day для OR. Для выявления связи между переменными использовался корреляционный анализ. Для основных результатов приведены доверительные интервалы и величина эффекта.

Характеристика выборки. Общая выборка составила 113 испытуемых. Исследуемые были разделены на две группы: 67 респондентов с алкогольной зависимостью (АЗ) и 46 — с наркотической зависимостью (НЗ). У всех диагностирована вторая стадия заболевания, средний стаж употребления — 10 лет.

Наркозависимые респонденты до момента госпитализации использовали внутривенный прием наркотика (опиоидная группа). Все респонденты проходили курс лечения на базе стационарных отделений наркологии г. Минска. В исследование были включены мужчины и женщины в возрасте от 20 до 46 лет, средний возраст — 31 год, с сохранным интеллектом.

Таблица 1. Частота встречаемости событий в генограмме (в %)

Событие	Процентное соотношение (%)	
	НЗ	АЗ
Семья с двумя родителями	82,6	80,6
Зависимости по 1 линии родства	71,7	77,6
Зависимости по 2 линии родства	89,1	95,5
Наличие сиблинга	67,4	79,1
Зависимость у сиблинга	26,1	20,9
Наличие собственной судимости	82,6	22,4
Наличие судимости в поколениях	60,9	31,3
Наличие суицида в поколениях	17,4	20,9
Наличие насилия в детстве	89,1	88,1
Наличие угрозы жизни в детстве	13,0	22,4
Насильственные смерти в покол.	58,7	56,7

Примечание — Группы: НЗ — наркозависимые; АЗ — алкозависимые

У большинства респондентов в анамнезе отмечались неблагоприятные микросоциальные условия (гиперопека или попустительство со стороны родителей, насилие, частые конфликты между родителями, другие стрессовые события). Характеризуя социальный и образовательный уровень респондентов, следует отметить, что в выборке представлены респонденты, выросшие как в материально обеспеченной семье (73%), так и в семье со средним достатком (27%). Законченное высшее образование имеют 12% респондентов; среднее и среднее специальное образование получили 88% соответственно. Средний возраст начала употребления алкоголя / наркотиков находится в диапазоне 15 ± 2 лет, что согласуется с исследованиями М. Choquet и др. (Choquet, 2008).

Из исследования исключались пациенты с сопутствующими психическими заболеваниями, с острыми психотическими расстройствами, нарушениями когнитивных процессов, а также больные, у которых зависимость от алкоголя или наркотиков опиоидной группы сочеталась с зависимостью от других групп препаратов.

Основные выводы исследования

1. Структурные факторы. При анализе генограммы основное внимание уделялось следующим структурным параметрам: состав семьи, родительская подсистема, сиблинги, наличие или отсутствие химической зависимости в первой и второй линии родства (табл. 1). Данные переменные были выделены на основе анализа литературы, посвященной исследованиям семьи и химической зависимости.

При анализе структурных параметров было выявлено, что большинство респондентов совокупной выборки выросли в семьях с двумя родителями. Данный показатель согласуется с результатами исследований (Громова, 2017; McArdle, 2002; Jiloha, 2009), подтвердивших, что значимую роль в предупреждении аддик-

Наличие зависимости в семье по 1 и 2 линии родства

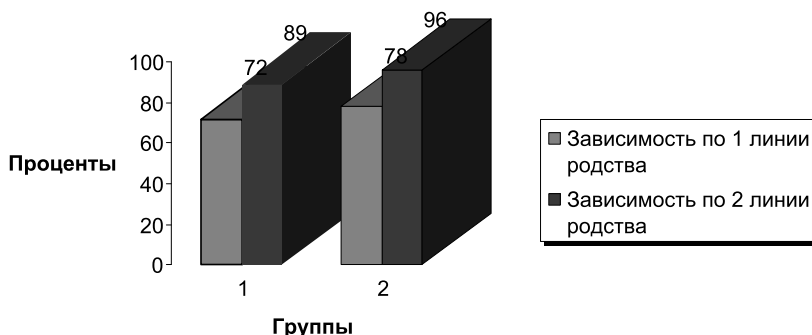

Рис. 1. Наличие химической зависимости у родственников по каждой группе. Группы: 1 — наркозависимые; 2 — алкозависимые.

ций играют определенные аспекты благополучных отношений в семье, а не просто проживание с обоими родителями. Также значимо отношение самих родителей к употреблению алкоголя / наркотиков (Jiloha, 2009). Зависимости по первой и второй линиях родства встречаются у большинства респондентов (см. рис. 1).

При расчете тетракорического коэффициента корреляции Пирсона (φ) между данными переменными была выявлена положительная связь: $\varphi = 0,221$; $p = 0,005$. Наличие зависимости во 2 линии родства увеличивает шанс наличия зависимости в последующем поколении более чем в 6 раз ($OR = 6,092$; 95% CI 1,374–27,007). Статистически значимых различий между группами по данным переменным выявлено не было.

2. Межличностные факторы. Межличностные параметры отражают межличностные отношения в семейной системе. Особое внимание при составлении и анализе генограммы уделялось наличию физического и эмоционального насилия со стороны родителей в отношении детей (абьюз), ситуаций в раннем детстве, связанных с угрозой для жизни. Данные параметры согласуются с выделенными Европейским центром мониторинга (EMCDDA) (Drugs and vulnerable groups of young people EMCDDA, 2008).

Стоит отметить, что расчет статистического показателя ОИШ показал, что встречаемость физического и эмоционального насилия в детстве в 3,5 раза выше в семьях с двумя родителями: $\chi^2(1) = 6,456$; $p = 0,011$ (величина эффекта $d = 0,41$ CI 95% 0,08–0,75), что может быть обусловлено смещением агрессивных эмоций и инверсией ролей. Аналогичные результаты получены в исследованиях А.В. Копытова (Копытов, 2012).

У женщин, зависимых от психоактивных веществ, насилие в детстве встречалось чаще, чем у мужчин, однако различия не достигают уровня статистической значимости. Выявлен интересный факт: у женщин, выросших в семье с одним родителем, насилие наблюдалось только у 66,7% (у мужчин — 83,3%). У женщин из семей с двумя родителями процент насилия выше и составляет 97,2% (у мужчин — 87,5%). Можно отметить, что процентный показатель насилия в детстве у мужчин достаточно стабильный, тогда как у женщин сильно отличается в зависимости от состава семьи. Респонденты, описывая родительско-детские отношения, отмеча-

Таблица 2. Коэффициенты корреляции (ϕ) между значимыми событиями семейной истории

Связь между переменными	Коэффициент (ϕ)	Знач.
Зависимость по 1 линии родства $\times$ Зависимость по 2 линии родства	0,221	0,005
Семьи с 2 родителями $\times$ Физическ. и эмоц. насилие	0,212	0,011
Сиблинг $\times$ Зависимость у сиблинга	0,367	0,000
Сиблинг $\times$ Зависимость у сиблинга (группа АЗ)	0,264	0,031
Сиблинг $\times$ Зависимость у сиблинга (группа НЗ)	0,413	0,005
Судимость в поколениях $\times$ Судимость собственная	0,238	0,004
Судимость в поколениях $\times$ Суициды в поколениях	0,257	0,002
Насильств. смерти в пок. $\times$ Суициды в поколениях	0,255	0,002

ли либо жесткий контроль и эмоциональную холодность, либо вседозволенность и отсутствие внимания.

Так как переменные представлены в дихотомической шкале, то для определения связи рассчитывались тетракорические коэффициенты корреляции Пирсона (ϕ), которые представлены в табл. 2. В обеих группах зависимых от психоактивных веществ фактором риска является наличие сиблинга. Выявлена связь между переменными «наличие сиблинга» и «зависимость у сиблинга»: $\phi = 0,367$; $p = 0,0005$.

У женщин, зависимых от психоактивных веществ, возраст первого употребления связан с наличием сиблинга: $\phi = 0,271$; $p = 0,05$. Как утверждает М. Н. Boyle, доминирующее влияние на начало употребления алкоголя / наркотиков оказывают сиблинги. Паттерны поведения чаще передаются от старших сиблингов к младшим, а не от родителей к детям (Boyle, 2001).

Показатели, полученные при частотном анализе, позволяют говорить о том, что у лиц мужского пола раньше происходит инициация употребления алкоголя и / или наркотиков. В группах алкозависимых (АЗ) и наркозависимых (НЗ) по переменной «возраст первого приема алкоголя / наркотиков» выявлено значимое различие: $t = 3,628(111)$; $p = 0,001$. Алкоголь пробуют раньше ($\mu = 15,6$ $\sigma = 2,43$; величина эффекта $d = 0,58$), чем наркотические вещества ($\mu = 17,4$ $\sigma = 2,97$). При расчете ранговой корреляции Кенделла в группах, зависимых от психоактивных веществ, обнаружена связь между переменными «возраст первого приема» и наличием «ситуаций угрозы жизни в детстве» $r = 0,169$; $p = 0,05$.

3. Исторические факторы. При анализе исторических семейных факторов внимание фокусировалось в основном на повторяющихся межпоколенных паттернах. Наиболее часто повторяющимися событиями во всех трех группах оказались: судимость, насильственные смерти и суициды в поколениях. Такое событие, как насильственная смерть в поколениях, встречается у большей части всех респондентов, вне зависимости принадлежности к какой-либо группе (см. табл. 2). Единственным показателем, по которому наблюдаются значимые различия между группами, является судимость в поколениях (рис. 2).

Наличие судимости в поколениях и у респондента

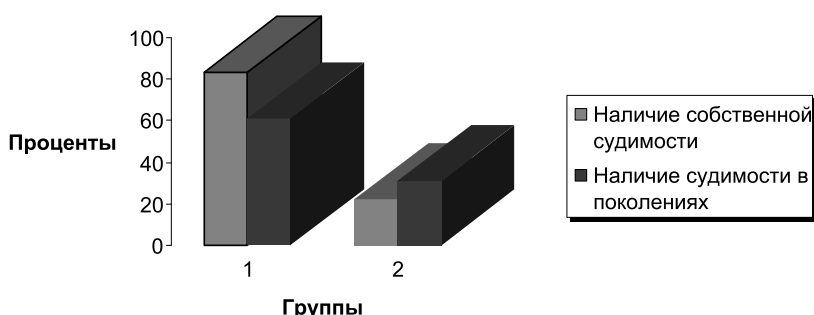

Рис. 2. Наличие судимости в поколениях и у респондента по группам. Группы: 1 — наркозависимые; 2 — алкозависимые.

Наибольшая частота встречаемости данного события наблюдается в группе НЗ ($\chi^2 = 9,68(1)$; $p = 0,002$; величина эффекта $d = 0,58$) при сравнении с группой АЗ. Наличие судимости в поколениях более чем в 2,5 раза повышает риск собственной судимости: $\phi = 0,238$; $p = 0,004$.

Интерпретация результатов исследования

Описательные процедуры и корреляционный анализ позволили выделить важные переменные для дальнейших исследований.

Во-первых, большинство зависимых респондентов выросли в полных семьях и имеют зависимых членов семьи в первой и / или во второй линии родства. Выявлена связь между наличием физического и / или эмоционального насилия и полной семьи. Более высокому риску насилия в детстве подвержены женщины.

Во-вторых, возраст первой пробы алкоголя ниже, чем первой пробы наркотиков; у мужчин возраст первой пробы алкоголя и / или наркотиков ниже, чем у женщин. У зависимых женщин выявлена связь между возрастом первой пробы и наличием сиблингов.

В-третьих, выделены повторяющиеся травматические события (судимость, суициды, насильственные смерти), характерные для исследуемых групп. Примером проявления феномена межпоколенной передачи может служить связь между наличием судимости в поколениях и наличием собственной судимости у респондента, наличием зависимости в поколениях и зависимости у исследуемых индивидов.

Значимость исследования

Обобщая результаты исследования, можно отметить, что ближайшее окружение играет одну из ведущих ролей в инициации и поддержке раннего употребления, формировании и сохранении зависимости от алкоголя и наркотиков. Анализ событий семейной истории показывает, что наличие зависимых членов в семье, судимостей в поколениях, насилия и других травматических событий оказывают сильное и долговременное воздействие на функционирование всех членов семейной системы и могут способствовать формированию зависимости от ал-

коголя или наркотиков в будущем. Результаты, полученные при исследовании историй семей зависимых людей, представляют не только научный интерес: они важны для организации медицинской, психологической и социальной помощи зависимым от алкоголя и наркотиков, а также для разработки профилактических мероприятий для работы с членами их семей. Перспективы будущих исследований связаны с изучением эффективности различных моделей раннего терапевтического вмешательства в семейные системы с высоким риском формирования аддикций.

Библиографический список

1. Бейтсон, Г. (2000). *Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии*. Москва: Смысл.
2. Варга, А. Я. (2000). Системная семейная психотерапия. В *Основные направления современной психотерапии* (с. 180–224). Москва: Когито-Центр.
3. Громова, И. А. (2017). *Детерминанты зависимых и созависимых отношений: монография*. Минск: БГПУ.
4. Каплан Г., И., Сэдок, Б. Дж. (1994). *Клиническая психиатрия: В 2 т.* Т. 1. Москва.
5. Копытов, А. В. (2012). *Алкогольная зависимость у подростков и молодых людей мужского пола (социально-психологические аспекты): монография*. Минск: БГУ.
6. Никольская, И. М. (2010). Клиническая психология семьи: основные положения. *Медицинская психология в России: электрон. науч. журн.*, 4. Режим доступа http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2010_4_5/nomer/nomer13.php
7. Олифирович, Н. И., Велента, Т. Ф. (2017). *Теория семейной психотерапии: системно-аналитический подход*. Москва: Академический Проект.
8. *Теория семейных систем Мюррея Боуэна: основные понятия, методы и клиническая практика* (2005) / К. Бейкер, А. Я. Варга. Москва: Когито-центр.
9. Черников, А. В. (1998). Генограмма и категории анализа семейной истории. *Психол. конс.*, 1, 109–125.
10. Эйдемиллер, Э. Г., Юстицкис, В. В. (2008). *Психология и психотерапия семьи*. 4-е изд. Санкт-Петербург: Питер.
11. Boyle, M. H. (2001). Familial influences on substance misuse by adolescents and young adults. *Canadian J. of Public Health*, 92 (3), 206–209.
12. Brunswick, A. F. (1986). Drugs, lifestyle, and health: a longitudinal study of urban black youth. *Am. J. Public Health*, 76 (1), 52–57.
13. Choquet, M. (2008). Perceived parenting styles and tobacco, alcohol and cannabis use among french adolescents: gender and family structure differentials. *Alcohol and Alcoholism*, 43 (1), 73–80.
14. Deschenes, E. P. (1991). Narcotics addiction: related criminal careers, social and economic costs. *J. of Drug Issues*, 21 (2), 383–411.
15. Drugs and vulnerable groups of young people EMCDDA. (2008, June). Retrieved from <http://www.emcdda.europa.eu/publications/selected-issues/vulnerable-young>
16. Engel, G. L. (1980). The clinical application of the biopsychosocial model. *The American J. of Psychiatry*, 137 (5), 535–544.
17. Gibson, J. M. (1993). Use of Bowen Theory. *J. of Addictions and Offender Counseling*, 14 (1), 25–35.
18. Jacobs, G. A. (1988). Personality and smokeless tobacco use. *Addictive Behaviors*, 13 (13), 311–318.
19. Jiloha, R. C. (2009). Social and Cultural Aspects of Drug Abuse in Adolescents. *Delhi Psychiatry J.*, 12 (2), 167–175.

20. Krai, A. H. (1998). HIV seroprevalence among street-recruited injection drug and crack cocaine users in 16 US municipalities. *Am. J. Public Health*, 88 (1), 108–113.
21. McArdle, P. (2002). European adolescent substance use: the roles of family structure, function and gender. *Addiction*, 97 (3), 329–336.
22. Tomson, P. V. (1985). Genograms in general practice. *J. of the Royal Society of Medicine Supplement*, 78 (8), 34–39.

Статья поступила в редакцию 08.02.2018

Статья принята к публикации 11.03.2018

Для цитирования: Громова И.А., Олифирович Н.И. Особенности родительской семьи у зависимых от психоактивных веществ. – Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 2. С. 132–141.

PECULIARITIES OF THE DRUG ADDICTS'S PARENTAL FAMILY

I. A. Gromova, N. I. Olifirovich

Irina A. Gromova, Institute of Psychology of the Belarussian State Pedagogical University, 220114, Republic of Belarus, Minsk, F. Skoryna st, 13. E-mail: lab.clinic300@gmail.com.

Natalia I. Olifirovich, Institute of Psychology, Belarussian State Pedagogical University, 220114, Republic of Belarus, Minsk, F. Skoryna st., 13. E-mail: olifirovich@gestalt.by.

Abstract. The relevance of the research is conditioned by the necessity to study the relationship between genetic and environmental determinants in the formation of alcohol and / or drug addiction. The growing number of people worldwide, who use various addictive chemicals as well as the appearance of new «designer» drugs, have necessitated the research on the causes of dependent behavior. It is mostly due to the parent family background that such behavior arises.

As a result, regression models with high predictive power for groups of alcohol and drug addicts have been built. The models include a number of independent variables, such as the age of the first dose, the threat to life in childhood, suicides and prison terms in family history. A hypothesis has been confirmed that the immediate environment plays the leading role in supporting early dose and in the formation and preservation of addiction based on psychoactive substances. The analysis of parent family background has shown that the presence of addicts, violence and other traumatic events exert a steady influence upon the functioning of all subjects of the family system and can contribute to the formation of alcohol and drug addiction in future. The results obtained are important for rendering medical, psychological and social assistance to the addicted and for working out preventive/ precautionary measures to apply to the other members of the family.

Key words: addiction, addict, family background, family history, psychoactive substances.

References

1. Beytson, G. (2000). *Ekologiya razuma: Izbrannyye stati po antropologii, psikiatrii i epistemologii* [Ecology of the mind: Selected articles on anthropology, psychiatry and epistemology]. Moskva: Smysl.
2. Boyle, M. H. (2001). Familial influences on substance misuse by adolescents and young adults. *Canadian J. of Public Health*, 92 (3), 206–209.
3. Brunswick, A. F. (1986). Drugs, lifestyle, and health: a longitudinal study of urban black youth. *Am. J. Public Health*, 76 (1), 52–57.
4. Chernikov, A. V. (1998). Genogramma i kategorii analiza semeynoy istorii [Genogram and categories of analysis of family history]. *Psikhologicheskoe. Konsultirovanie* [Psychological Counseling], 1, 109–125.

5. Choquet, M. (2008). Perceived parenting styles and tobacco, alcohol and cannabis use among french adolescents: gender and family structure differentials. *Alcohol and Alcoholism*, 43 (1), 73–80.
6. Deschenes, E. P. (1991). Narcotics addiction: related criminal careers, social and economic costs. *J. of Drug Issues*, 21 (2), 383–411.
7. Drugs and vulnerable groups of young people EMCDDA. (2008, June). Retrieved from <http://www.emcdda.europa.eu/publications/selected-issues/vulnerable-young>
8. Engel, G. L. (1980). The clinical application of the biopsychosocial model. *The American J. of Psychiatry*, 137 (5), 535–544.
9. Eydemiller, E. G. & Yustitskis, V. V. (2008). *Psikhologiya i psikhoterapiya semi* [Psychology and psychotherapy of the family]. 4-e izd. St. Petersburg: Piter.
10. Gibson, J. M. (1993). Use of Bowen Theory. *J. of Addictions and Offender Counseling*, 14 (1), 25–35.
11. Gromova, I. A. (2017). *Determinanty zavisimyykh i sozavisimyykh otnosheniy: monografiya* [Determinants of dependent and co-dependent relations: monograph]. Minsk: Belarusian State University.
12. Jacobs, G. A. (1988). Personality and smokeless tobacco use. *Addictive Behaviors*, 13 (13), 311–318.
13. Jiloha, R. C. (2009). Social and Cultural Aspects of Drug Abuse in Adolescents. *Delhi Psychiatry J.*, 12 (2), 167–175.
14. Kaplan, G. I. & Sedok. B. Dzh. (1994). *Klinicheskaya psikhiaetriya: V 2 t. T. 1.* [Clinical psychiatry: In 2 t. T. 1.]. Moscow.
15. Kopytov, A. V. (2012). *Alkogolnaya zavisimost u podrostkov i molodykh lyudey muzhskogo pola (sotsialno-psikhologicheskkiye aspekty): monografiya* [Alcohol dependence in adolescents and young men of the male (socio-psychological aspects: monograph)]. Minsk: Belarusian State University.
16. Krai, A. H. (1998). HIV seroprevalence among street-recruited injection drug and crack cocaine users in 16 US municipalities. *Am. J. Public Health*, 88 (1), 108–113.
17. McArdle, P. (2002). European adolescent substance use: the roles of family structure, function and gender. *Addiction*, 97 (3), 329–336.
18. Nikolskaya, I. M. (2010). *Klinicheskaya psikhologiya semi: osnovnyye polozheniya* [Clinical psychology of the family: basic provisions]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii: elektron. nauch. zhurn.*, 4. [Medical psychology in Russia: electron. sc. m.] Retrieved from http://www.medpsy.ru/mprij/archiv_global/2010_4_5/nomer/nomer13.php
19. Olifirovich, N. I. & Velenta, T. F. (2017). *Teoriya semeynoy psikhoterapii: sistemno-analiticheskiy podkhod* [Theory of family psychotherapy: the system-analytic approach]. Moskva: Akademicheskii Proyekt [Moscow: Academic Project].
20. Beyker, K., Varga, A. Ya. (eds.) (2005). *Teoriya semeynykh sistem Myurreya Bouena: osnovnyye ponyatiya. metody i klinicheskaya praktika* [The theory of family systems of Murray Bowen: basic concepts, methods and clinical practice]. Moskva: Kogito-Tsentr [Moscow: Kogito-Tsentr].
21. Tomson, P. V. (1985). Genograms in general practice. *J. of the Royal Society of Medicine Supplement*, 78 (8), 34–39.
22. Varga, A. Ya. (2000). *Sistemnaya semeynaya psikhoterapiya* [Systemic family psychotherapy]. *V Osnovnyye napravleniya sovremennoy psikhoterapii* [The main directions of modern psychotherapy] (s. 180–224). Moskva: Kogito-Tsentr [Moscow: Kogito-Tsentr].

For citation: Gromova I.A., Olifirovich N.I. Peculiarities of the drug addicts's parental family. – *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 2. P. 132–141.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЛАБИРИНТАМ ИДЕНТИЧНОСТИ

Баранов А. В.

Баранов Андрей Владимирович, Кубанский государственный университет, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: baranovandrew@mail.ru.

Исследования идентичности стали одним из актуальных и интенсивно развивающихся направлений социальных и гуманитарных наук во всём мире. «Кто я?», «Кто мы?» — вопросы, от решения которых зависит самоопределение индивидов и социальных групп в быстро меняющемся глобальном мире. Борьба за идентичность стала одним из важнейших оснований современных политических конфликтов, изменений общества. Концепт идентичности давно и плодотворно применяется в философии, психологии, социологии, истории, политической науке (Handbook of Identity Theory..., 2011; Castells, 2010). В условиях стремительных перемен традиционный понятийный аппарат исследований (термины «самосознание», «менталитет», «общественные настроения» и др.) устаревает и не позволяет определить многие грани изучаемых явлений. Но такая популярность идентичности имеет не только положительные, но и негативные последствия. Идентичности зачастую придают противоречивые, взаимоисключающие смыслы, либо неопределённое значение, что рождает у ряда аналитиков скепсис относительно полезности применения самого концепта. Поэтому назрела необходимость систематизировать научные знания о дискурсивных практиках применения концепта идентичности, переосмыслить основные теоретико-методологические подходы к исследованиям идентичности в различных отраслях науки. Важно определить возможности, границы и методы синтеза методологий анализа идентичности. Особенно актуальны эти задачи для российской школы политической науки, которая стремится не только овладеть всем богатством методологического инструментария мировой науки, но и обрести способность связывать научные понятия с отечественной духовной традицией (Ильин, 1994).

Рецензируемое энциклопедическое издание (Семененко, ред., 2017) — одно из первых в российской политической науке системных исследований дискурсов идентичности. Новизной обладает выбранная авторским коллективом структура работы, состоящей из семи разделов и библиографического списка. Первый раздел содержит современные трактовки идентичности как концепта, методологий и исследовательского поля идентитарных исследований. Второй раздел освещает социально-политические контексты трансформаций идентичности в современном мире. В третьем разделе раскрыты цивилизационные и политико-культурные ракурсы идентичности в её исторической динамике. Стержневым можно назвать четвёртый раздел издания, представляющий собой словарь базовых терминов и понятий, дающий характеристику основных измерений и видов идентичности. Пятый раздел содержит биобиблиографические очерки о влиятельных исследователях идентичности в различных отраслях социальных и гуманитарных наук. Особый интерес представляет шестой раздел. В нём на основе глубинных интервью, взятых в 2015–2016 гг. у российских политологов, анализируется процесс формирования профессиональной идентичности. Вместе с тем тенденции становления российской школы политической науки выясняются в широком контексте развития мировой политической науки, в том числе в сравнении с американской и итальянской

школами. Седьмой раздел издания содержит когнитивную карту понятий, применяемых в современных исследованиях идентичности. Самостоятельную ценность представляет библиография по теме исследования (70 страниц убористого текста), которая даёт системное представление о достижениях и направлениях анализа идентичности в современном социальном и гуманитарном знании.

Столь масштабный проект потребовал целеустремлённости и значительных усилий творческого коллектива на протяжении последнего десятилетия. Ядром авторского коллектива стали специалисты Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН во главе с доктором политических наук, член-корреспондентом РАН И. С. Семененко. В 2010 г. был создан информационно-аналитический ресурс, объединяющий специалистов по данному направлению — Сеть по исследованию идентичности (<http://identityworld.ru>). Координирующую роль в поиске авторов проекта и их интеллектуальном общении играет исследовательский комитет Российской ассоциации политической науки по политической идентичности. Многие разделы энциклопедического издания первоначально были апробированы в рамках грантовых программ и проектов ЕС, РФНФ, РФФИ и РФФ. В 2011–2012 гг. участники творческого коллектива опубликовали двухтомный сборник статей, в котором предложили контуры своего концептуального подхода к вопросам политической идентичности (Семененко, ред., 2012). Вместе с тем рецензируемое энциклопедическое издание качественно отличается от предшествующих работ авторов своей междисциплинарностью, стремлением системно выявить экономические, географические, этнологические, социальные, социокультурные и иные, а не только политические измерения идентичности. Значительно расширился также круг научно-исследовательских и учебных учреждений, представители которого вошли в авторский коллектив энциклопедии. Сейчас к ним относятся: ИМЭМО РАН, Институт философии РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Институт географии РАН, ИНИОН РАН, МГИМО-Университет МИД России, МГУ им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Кубанский государственный университет и другие учреждения.

В первом разделе определены: авторские трактовки понятия, познавательных возможностей и приоритетов исследования идентичности (И. С. Семененко); соотношение идентичности и сопряжённых категорий (К.Г. Холодковский, Е.И. Филиппова); теоретико-методологические подходы и модели концептуализации идентичности (О.В. Попова); методы и методики анализа идентичности (И.В. Самаркина); основные интерпретации идентичности в мировой политической науке (Л.А. Фадеева).

Преимущества применения концепта идентичности в сравнении с другими И. С. Семененко определяет следующим образом. Применение данной категории позволяет уделить основное внимание мотивации «индивидуального выбора жизненных траекторий человека в социально обусловленном контексте». Становится возможным концептуальный синтез комплекса оснований общественной деятельности — ценностных, эмоциональных и рационально мотивированных (Семененко, ред., 2017). Идентичность утверждается в ходе социального конструирования реальности. Категория идентичности выражает одновременно и состояние, и динамику общественных настроений, предполагая подвижные ориентации в изменчивом мире и установки политической активности (Семененко, ред., 2017). Особенно

актуальным представляется, на наш взгляд, анализ механизмов репрезентации идентичности в пространстве публичной политики, методов и технологий политики идентичности. В условиях информационного общества идентичность всё более переносится в онлайн-пространство, становясь виртуальной по сути и сетевой по способам организации. Эти процессы усиливают фрагментацию идентичности, повышают возможности политических манипуляций самосознанием индивидов, социальных групп и сообществ.

Методологически весьма важен вывод И. С. Семененко о том, что необходимо различать идентичность как аналитическую категорию и её трактовки в роли практики социальной коммуникации (Семененко, ред., 2017). В рецензируемом труде обоснована потребность в создании такого инструментария междисциплинарных исследований, который позволит определить сопряжённость изменений идентичностей и институтов, мотиваций и интересов субъектов политики с направленностью и способами политического действия. Редактор энциклопедического издания ставит также вопросы, ещё не имеющие научных решений: «Какие качественные параметры идентичности определяют, а какие способны тормозить повышение качества духовной и социальной среды жизни людей?», «Как складывается социальный запрос на инновации в сфере публичной политики и в государственном управлении?», «Как формируются предпосылки социокультурной модернизации?» (Семененко, ред., 2017). Дискурсивный, состязательный характер научных представлений об идентичности обоснован также в статьях Е. И. Филипповой и Л. А. Фадеевой (Семененко, ред., 2017). Тем самым в энциклопедии аргументирована повестка дня будущих дискуссий о политической идентичности.

Второй раздел рецензируемого издания содержит главы о динамике идентичностей в глобальном мире (И. С. Семененко, Е. В. Морозова), о социально-политическом контексте трансформаций идентичности (В. В. Лапкин), новой повестке политике идентичности в условиях этнокультурного многообразия (И. С. Семененко), социальном идеале в контексте трансформаций идентичности (Е. С. Садовая, В. А. Сауткина), изменениях «человека политического» перед вызовами XXI в. (В. В. Лапкин, И. С. Семененко). Камертоном раздела можно признать тезис об отставании институциональных изменений от стремительно меняющихся политических представлений и потребностей индивидов, социальных групп и обществ. Как обоснованно полагают Е. В. Морозова и И. С. Семененко, «устойчивые солидарности всё чаще вытесняются непостоянными, мимолётными привязанностями. Ситуативность и изменчивость — характеристики, имманентно присущие и индивидуальной, и групповой идентичности человека XXI века» (Семененко, ред., 2017). Детерминирующее влияние на развитие идентичности оказывают консьюмеризация, глокализация, информатизация и сетевизация. Новые линии социокультурных размежеваний изменяют «силовые поля» структуризации групповых идентичностей, в том числе — в политической сфере. Качественно повышается значение рисков архаизации многих обществ и социальных групп. Авторы раздела вслед за З. Бауманом обращают внимание на то, что упадок основанной на гражданстве политики — обратная сторона индивидуализации сознания (Бауман, 2008), неопределённости и относительности нравственных и идейных ориентиров развития. Применительно к субъективному измерению политики авторы вводят термин «гибридная идентичность» (Семененко, ред., 2017). Речь идёт о произвольном конструировании, «изобретении» всё новых и новых идентичностей — их

трансгрессии, становящейся некоей самоцелью. В то же время высокостатусные акторы («хозяева дискурса») навязывают обществу новые предписанные идентичности, новые рамки и способы осмысления реальности. В данном контексте И.С. Семененко и Е.В. Морозова определяют возможности ответственного развития общества, предполагающего сознательный выбор в пользу свободы, повышение значения нематериальных стимулов активности, ценности общественного блага и принципы демократии (Семененко, ред., 2017).

В третьем разделе энциклопедии исследуется цивилизационный контекст идентичности (М.М. Мchedлова), политическое измерение цивилизационной идентичности (В.И. Пантин). Вслед за этими концептуальными главами проанализированы история и современное состояние основных локальных цивилизаций (К.Г. Холодковский, С.П. Перегудов, Ю.Г. Чернышов, М. Котта, Е.В. Морозова, И.Л. Прохоренко, А.В. Виноградов, А.Г. Володин, И.В. Кудряшова, Л.А. Андреева). Весьма нестандартно и ярко написана глава о космополитической идентичности (Л.А. Фадеева). Как аргументированно полагает В.И. Пантин, цивилизационная идентичность относится к наиболее общим и фундаментальным, она основывается на базовых религиозных и светских нормах культуры, традициях и обычаях общества. Вместе с тем рецензенту представляется неточным определение цивилизационной идентичности как связанной только «с той или иной локальной цивилизацией», а также по преимуществу привязанной к географическому ареалу (Семененко, ред., 2017). Данная идентичность, на наш взгляд, может конструироваться также на глобальном уровне, быть пространственно дисперсной, что стало более распространённым именно в эпоху глобализации. Цивилизационная идентичность основывается прежде всего на ценностном ядре мировоззрения и характеризует самосознание макроисторического сообщества, т.е., проявляется в «большом времени» и «большом пространстве». Именно цивилизационный подход, по оправданному выводу М.М. Мchedловой, включает в анализ политики социокультурные факторы и тем самым детерминирует вариативность осмысления политики как таковой (Семененко, ред., 2017).

Четвёртый раздел энциклопедии содержит главы о базовых категориях исследований идентичности (А.Н. Кимберг, Е.О. Труфанова, В.В. Лапкин, О.В. Попова и др.), о процессах и конфликтах трансформации идентичности (Н.Н. Федотова, М.Е. Попов, В.В. Лапкин и др.), о социокультурном, политическом, национальном и этнополитическом, международном, пространственном, социальном измерениях идентичности (И.С. Семененко, Л.М. Дробижева, И.Л. Прохоренко и др.). Значительное внимание уделено в разделе также дискурсам идентичности (её идейно-политическим ценностям, ориентирам и смыслам) (Д.Б. Казаринова, А.Л. Бардин, Г.И. Вайнштейн и др.). Вызывает особый интерес глава 34 «Конструирование идентичности: политические практики и технологии», наиболее близкая запросам прикладных политических исследований. В главе концептуализированы понятия политики идентичности (И.С. Семененко), символической политики (О.Ю. Малинова), политики памяти и исторического нарратива (И.В. Самаркина, В.И. Пантин), политики языка и языковой политики (Н.М. Мухарямов). Внимание исследователей сосредоточено на сетевых механизмах формирования идентичности (И.В. Мирошниченко), на взаимосвязях идентичности с социальным действием (О.В. Попова).

Пятый раздел рецензируемого издания содержит биобиблиографический словарь с изложением научных биографий признанных исследователей идентичности.

Шестой раздел интересен результатами глубинных интервью, проведённых с 25 российскими политологами в различных регионах страны. Приводимые сведения полезны для определения как исходных научных и мировоззренческих ориентаций экспертов, так и их адаптации по мере формирования научного сообщества политологов в России. Очевидно, что исследование профессиональной идентичности политологов должно быть продолжено на материалах массовой выборки и, возможно, с расширением задач анализа.

Подводя итоги, полагаем, что рецензируемое издание внесёт весомый вклад в совершенствование концепций, методов и алгоритмов исследований идентичности в российских социальных и гуманитарных науках. Создано перспективное междисциплинарное исследование, которое не только отражает достижения российской школы политической науки, но и отчётливо определяет перспективные направления идентитарных исследований в нашей стране.

Библиографический список

1. Бауман, З. (2008). *Индивидуализированное общество*. Москва: Логос.
2. Ильин, М. В. (1994). Политический дискурс: слова и смыслы. *Полис. Политические исследования*, 1, 127–140.
3. Семенов, И. С. (ред.) (2017). *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Москва: Издательство «Весь мир».
4. Семенов, И. С. (ред.) (2012). *Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
5. Семенов, И. С. (ред.) (2012). *Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
6. Castells, M. (2010). *The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture*. In 2 vols. Cambridge: Polity Press.
7. Schwartz, S., Luyckx, K., Vignoles, V. (2011). *Handbook of Identity Theory and Research*. New York: Springer.

Статья поступила в редакцию 26.01.2018

Статья принята к публикации 02.03.2018

Для цитирования: Баранов А. В. Путеводитель по лабиринтам идентичности. – *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 2. С. 142–147.

GUIDE ON IDENTITY LABYRINTS

A.V. Baranov

Andrei V. Baranov, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya Str., 149. E-mail: baranovandrew@mail.ru.

References

1. Bauman, Z. (2008). *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized society]. Moscow: Logos Publ.
2. Il'in, M. V. (1994). Politicheskij diskurs: slova i smysly [Political Discourse: Words and Meanings]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1, 127–140.
3. Semenenko, I. S. (Ed.) (2017). *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Enciklopedicheskoe izdanie* [Identity: the Individual, Society, and Politics. An encyclopedia.]. Moscow: Ves' mir Publ.

4. Semenenko, I. S. (Ed.) (2012). *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: v 2 t. T. 1. Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki: slovar' terminov i ponyatij* [Political Identity and Identity Politics: in 2 vols. Vol. 1. Identity as a category of political science: a dictionary of terms and concepts]. Moscow: ROSSPEN.
5. Semenenko, I. S. (Ed.) (2012). *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: v 2 t. T. 2. Identichnost' i social'no-politicheskie izmeneniya v XXI veke* [Political Identity and Identity Politics: 2 t. T. 2. Identity and socio-political changes in the 21st century]. Moscow: ROSSPEN.
6. Castells, M. (2010). *The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture*. In 2 vols. Cambridge: Polity Press.
7. Schwartz, S., Luyckx, K. & Vignoles, V. (2011). *Handbook of Identity Theory and Research*. New York: Springer.

For citation: Baranov A.V. Guide on identity labyrinths. – *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 2. P. 142-147.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Наши авторы

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Блинова Елена Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры политического управления, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Воделэн Хлоэ Жозефа Жоселин, аспирант, Институт политических исследований (Сьянс По) Бордо, Бордо, Франция; Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.

Громова Ирина Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и консультативной психологии, Белорусский государственный педагогический университет, Минск, Белоруссия.

Кривцова Евгения Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы и дефектологии, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия.

Левченко Илья Алексеевич, эксперт, Фонд региональных общественно-политических исследований, Ярославль, Россия.

Литвин Антон Витальевич, аспирант, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Мкртичан Артур Ервандович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии, Ереванский государственный университет, Армения.

Олифинович Наталья Ивановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и консультативной психологии, Белорусский государственный педагогический университет, Минск, Белоруссия.

Рот Стеффен, PhD, профессор, Бизнес-школа Ла Рошель, Ла Рошель, Франция.

Рябуха Татьяна Сергеевна, магистрант, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия.

Соколов Александр Владимирович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета, Ярославль, Россия.

Степанова Екатерина Андреевна, аспирант, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Трофимов Николай Александрович, старший научный сотрудник, Институт проблем развития науки Российской академии наук, Москва, Россия.

Холодковский Кирилл Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Россия, Москва.

Шапкина Елена Владимировна, кандидат политических наук, заместитель директора по связям с общественностью, ООО «ЭнергоРесурс», Кемерово, Россия.

Шиллер Вадим Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия.

Our contributors

Andrey V. Baranov, Dr. Sci. (Political Sciences), Dr. Sci. (History), Prof., Political Science and Political Management Department, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Elena A. Blinova, Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Political Management Department, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Irina A. Gromova, Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Clinical and Consultative Psychology Department, Belorussian State Pedagogical University, Minsk, Belarus.

Kirill G. Kholodkovsky, Dr. Sci. (History), chief researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

Evgenia V. Krivtsova, Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Social Work and Defecology Department, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Ilya A. Levchenko, expert, the Foundation for Regional Social and Political Studies, Yaroslavl, Russia.

Anton V. Litvin, postgraduate student, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Artur E. Mkrtichyan, Dr. Sci. (Sociology), Prof., Dean of the Faculty of Sociology, Yerevan State University, Yerevan, Armenia.

Natalia I. Olifirovich, Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Clinical and Consultative Psychology Department, Belorussian State Pedagogical University, Minsk, Belarus.

Steffen Roth, PhD, Professor, La Rochelle Business School, La Rochelle, France.

Tatyana S. Ryabukha, graduate student, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Elena V. Shapkina, Cand. Sci. (Political Sciences), Deputy Director for Public Relations, Limited Liability Company "EnergoResurs" LLC, Kemerovo, Russia.

Vadim V. Shiller, Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., History of Russia Department, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Aleksandr V. Sokolov, Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Social and Political Theories Department, Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia.

Ekaterina A. Stepanova, postgraduate student, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Nikolay A. Trofimov, Senior Researcher, Institute for the Study of Science of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Chloe J. Z. Vaudelin, Institut d'études politique de Bordeaux (Sciences Po Bordeaux), Bordeaux, France; Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

К сведению авторов

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows. Статьи принимаются через систему электронной редакции на сайте журнала journalsr.kubsu.ru. В связи с переходным периодом просим статьи в номера журнала 2018 года дублировать на электронную почту chsu1999@yandex.ru.

Автор предоставляет Редколлегии (издателю) журнала право на использование статьи в научном журнале, а также на включение полнотекстовых вариантов статьи в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и иные международные базы данных. Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит Издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами. Авторские права регулируются на основе лицензии Creative Commons 4.0 BY. В качестве согласия автора на публикацию рассматривается загрузка статьи в систему электронной редакции на сайте журнала или отправка статьи на официальный адрес редакции с сопроводительным письмом.

Редакция размещает фамилию, имя, отчество, аффилиацию автора, электронный адрес автора, название, аннотацию, ключевые слова статьи в журнале и на сайте издания. Гонорар за публикации не выплачивается. Полученные статьи не возвращаются.

Авторская справка должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы (полное название организации и ее почтовый адрес), занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес автора. Сведения предоставляются на русском и английском языках.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 200-250 слов, содержащее описание сути научного сообщения (цель, методология, основные выводы исследования, интерпретация его результатов, значение исследования для решения затрагиваемых научных проблем) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). Не допускается наличие в аннотации ссылок, прямых цитат из текста статьи. К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных.

При оформлении рукописей следует руководствоваться Правилами оформления библиографических ссылок.

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствии с настоящим стандартом.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

В тексте

Используйте метод цитирования «дата — автор» (фамилия автора, год публикации). Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) показывают, что...
- In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
- Walker (2000) compared reaction times...
- Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... — первое цит., затем: (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... — первое цит., затем: (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждений сообщения группы) цитируйте только в тексте:

- (Р.А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R.A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

Библиографический список

Ссылки должны включать: автора, редактора (если он есть), год издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите название на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите редактора на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; **для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи** перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «pp.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабадош, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа*, 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblick conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience*, 123, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. *Спортивный психолог*, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? *Psychology Today*, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. *Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга*, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobytiy na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration of St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), сс. 1-2.

- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five — second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies*. (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarenniy rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора(ов) (печатная копия)

- Люсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). *Handbook of consumer psychology*. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Sotsialniy i emocionalniy intellekt: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A.N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U.D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O.K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О.К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы журнала или книгоиздателя.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгугев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, 4 (2): 43-50. Retrieved from <http://ojs.lib.swin.edu.au/index.php/ejap/article/view/8/157>

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. *Эксперт Сибирь*, 25 (422). Режим доступа <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir'* [Expert Siberia], Retrieved from <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology*, 40 (8). Retrieved from <http://www.apa.org/monitor/>

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from <http://www.latimes.com>
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). *Газета.ру*, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml
- Koryagin, V. Net nasiliyu [«No» to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). Rossyiskyi gendernyi poryadok. Sotsiologitcheskiy podkhod [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

- Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R.P. Carlisle et al. (Eds.), *Encyclopedia of play in today's society*. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

- Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from <http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/>

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

- U.S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). Autism Fact Sheet (NIH Publication No. 09-1877). Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

- Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years). [Monograph]. Retrieved from <http://eric.ed.gov>

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

- Helsel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity*. (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

Information for contributors

Dear Authors, the Journal welcomes your manuscripts (scientific articles, reviews of publications and critical reviews up to 32,000 symbols, i.e. up to 0, 8 of the printer's shift). Manuscripts should be submitted in MS Word for Windows format. Manuscripts are accepted via Open Journal at the Journal's site (journalsr.kubsu.ru). Because of the transition period, please send the copy of your materials for 2018 issues of the Journal to chsu1999@yandex.ru.

The Author grants the Editorial Board (the Publisher) the right to publish their article in the Journal and to use the article's full texts in the "Russian Science Citation Index" (РИИЦ), and other international databases. The right to use the materials of the Journal as a whole, in accordance with paragraph 7 of article 1260 of the Civic Code of the Russian Federation, belongs to the Publisher. The copyright is regulated by Creative Commons 4.0 BY license.

The author's consent to publish their article is considered realized as soon as the article is downloaded in the Open Journal System on the Journal's website. The Open Journal System registers the author's initials and surname, as well as their affiliation, the electronic address, the title of the article, the annotation, and key words, both in the Journal and on its site. No royalties are paid. The submitted articles are not returned.

The manuscript should enclose the title of the article in English, the author's transliterated surname, and the References transliterated and translated into English. The author's information should include the following about the author / authors: their initials and surname (in full), their academic rank, the name of the organization where they work and its postal address, their position, telephone numbers, electronic and postal addresses (including postcode), and the information about the financial support of the research and the grants' titles. The information is provided in Russian and in English.

The manuscript should enclose an informative summary of the article (the volume of the summary is between 200-250 words), containing the description of the essence of the research (its aims/goals, methodology, basic conclusions of the research, interpretation of its results, its importance in solving the problems raised in the research), as well as the key words (not more than ten). Footnotes and/or direct citations from the article are not permissible. The resume and the key words are provided in Russian and in English.

The author / authors should refer to the sources from which they borrow citations, statistical data and other information. At the end of the article there is Bibliography (References) in which the cited (or otherwise mentioned) sources are arranged in the alphabetical order and are given a numerical number. It is necessary to mention the place of publication, the publishing house (with the exception of periodicals), and the year of publication. First come Russian sources, then foreign sources.

In preparing the manuscript for publication the author (s) should follow Rules for Preparing a Manuscript for Publication.

The Editorial Board reserves the right to return the manuscript to its author to bring it into line with the existing standard.

Editor's board address: Kuban State University, room 412H, 149, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4th floor of the university new building, room 414H, open Mon — Fri, 10 am — 5 pm).

Рецензирование рукописей

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

Reviewing the articles

The materials are considered for publication unpublished before and freshness. In 5 days upon arrival an author receives the acknowledgement letter informing him/her that his/her article has arrived and queued up for peer-reviewing by either editor's board/committee members and/or other highly qualified scientists/experts with deep professional knowledge and practical experience in a specified scientific field, among them being mostly Doctors of Science and Professors. Neither author/s nor co-author/s can be a reviewer. The article presented is analyzed by double-blind peer-reviewing. In 30 days upon the article is accepted the author is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to publish, (2) the article is recommended to publish after revision, (3) the article is not recommended to publish. The editor's board is not to supply the applicant with review texts of review but informs him/her about remarks and recommendations if the revision is necessary.